

У КОСТРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

У КОСТРА

РАССКАЗЫ, ОЧЕРКИ, СТИХИ

ЛЕНИНГРАД «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1977

У КОСТРА

всех собрал составитель сборника ОЛЕГ ОРЛОВ,
которому охотно помогала редакционная коллегия:

МИХАИЛ БЕЛОМЛИНСКИЙ — главный художник
журнала «Костер»;

ВАЛЕРИЙ ВОСКОБОЙНИКОВ — писатель;

ВАЛЕНТИН ВЕРХОВСКИЙ — журналист;

ЛИДИЯ ПОЖИДАЕВА — журналист;

СВЯТОСЛАВ САХАРНОВ — писатель,
кандидат военно-морских наук,
главный редактор журнала «Костер».

БОЛЬШОЙ СБОР У «БАРАБАНА» подготовили
ЛИДИЯ ПОЖИДАЕВА и АЛЕКСАНДР КРЕСТИНСКИЙ.

УРОК БИОЛОГИИ в каждой четверти провела
НИНЕЛЬ БЕЛОЗЕРОВА.

Смешные истории,
происшедшие на наших ПЕРЕМЕНКАХ, услышал,
а веселые ДОМАШНИЕ ЗАДАНИЯ придумал
ВЛАДИМИР УФЛЯНД.

Об оформлении сборника позаботился
ЛЕВ МОСКОВСКИЙ.

Редакция также благодарит всех ребят,
чьи рассказы, стихи, письма и рисунки вошли в эту
книгу.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Есть такой удивительный мир. . . Собственно говоря, на первый взгляд ничего удивительного в нем нет. Обыкновенные комнаты, стучат пишущие машинки, бегают взад-вперед люди с исписанными листками бумаги в руках. Без конца звонят телефоны, пахнет конторским клеем, свежей типографской краской и еще пахнет сотней тех запахов, которые приносят с собой люди, побывавшие в степях, на заводах, на берегу моря.

Этот мир — «Костер», комнаты — его редакция, а люди — сотрудники, писатели и художники.

Я люблю этот мир, потому что в нем рождается чудо — детский журнал.

И действительно, редакция «Костра» (а «Костер» издается в Ленинграде) отличается от всех прочих ленинградских редакций. В ее комнатах стоят на полках модели кораблей и самолетов из дерева, соломы и бумаги. На столах лежат груды писем с самыми фантастическими просьбами и вопросами:

«Расскажите о синих китах»,

«Страшно ли было лететь Гагарину?»,

«Можно ли рисовать солнце голубым, а лошадей — красными?».

А еще на столах лежат распакованные посылки, и в них — сотни предметов, которые могли появиться на свет только потому, что их выкопали из земли мальчишки. Сломанный штык от винтовки, древняя арабская монета, стреляные гильзы от пулемета. . . А вот — раковина баянуса, отколупнутая от днища корабля, самодельные солнечные часы, шахтерская лампа — это уже подарки журналу. . .

В особой витрине хранятся значки пионеров из всех стран мира. Рядом — коллекция рисунков, папки с детскими стихами, рассказами — творчество ре-

бят... И это, пожалуй, самое ценное из всех костровских ценностей.

Теперь о самом журнале...

В кабинете Владимира Ильича Ленина в Кремле под стеклом лежит номер детского журнала «Барабан». Журнал выходил всего несколько лет, в самом начале 20-х годов, а в кабинет Владимира Ильича его принесла Надежда Константиновна Крупская. И когда в редакции «Костра» возникла мысль отдать четыре страницы журнала юнкорам, чтобы они сами делали их, кто-то предложил:

— Давайте назовем этот журнал в журнале «Барабан»!

Это всем понравилось. В «Барабане» все — заметки о пионерских делах, стихи, рассказы и рисунки — сделано руками читателей.

Много в «Костре» и других затей. Например, «Морская газета». Двадцать лет тому назад появилась скромная страничка с этим названием. Думали, что читать ее будут одни мальчишки, те, кто собираются стать моряками. Но очень скоро оказалось, что читают ее захлеб и девочки, и вообще все — будущие трактористы и швеи, грибоводы и историки. Читают потому, что на ее страницах можно познакомиться не только с мудреными морскими словами вроде «форстень-стаксель» или «абгалдырь», но и прочитать про подвиги моряков, про знаменитые парусники, обгонявшие ветер, про жизнь хвостатых, ногастых, клювастых обитателей морских глубин.

Несколько страниц «Костра» художники обычно раскрашивают в зеленый или желто-зеленый цвет. Они так и называются — «Зеленые страницы». На них можно встретить рассказы натуралистов, занятные и поучительные истории о том, как охотиться с магнитофоном на птиц, как их подкармливать зимой, читать следы на снегу. И еще — наблюдения-рассказы ребят.

Ну и, конечно, «Костер» — это стихи, рассказы и повести.

Со страниц журнала шагнул на киноэкраны всего мира Санька Григорьев из повести Вениамина Каверина «Два капитана». Здесь появились и отправились путешествовать по гигантским травам герои повести Яна Ларри «Приключения Карика и Вали». Здесь был

напечатан широко известный рассказ Алексея Пантелеева «Пакет».

Сорок лет выходит журнал, и сорок лет несут в него молодые и старые писатели и художники самые новые, только что написанные и нарисованные рассказы, рисунки, сказки.

...В редакции нет звонка, который бы объявлял конец рабочего дня. Летом половина сотрудников — в разъездах, оставшиеся работают допоздна.

Из окон редакции виден Таврический сад. Белая ночь, в серой воде пруда плавает голубое остывшее солнце. Оно медленно движется вдоль берега и заходит за корпус низкого плоскодонного пароходика. Это пионерский катер. Пройдет всего шесть — восемь часов, настанет утро, его палубу заполнит красногалстучная армия мальчишек и девчонок. Для них начнется новый день. А из редакции в это самое время разойдутся усталые сотрудники. Они сделали еще один, новый номер «Костра»...

Теперь несколько слов о книге, которая лежит перед вами. В ней собрана очень малая часть того, что печатал «Костер» в последние годы, и только то, что прямо связано с пионерской жизнью, со школой. Вот почему в ней, как в школьном году, четыре учебных четверти и пятая — трудовая, летняя. Вот почему в ней много писем, рассказов, заметок, написанных в пионерской комнате, на перемене в классе, в лагерной палатке, у костра.

Слышите — бьет барабан и звенит звонок?

Начинается первая четверть.

Святослав Сахарнов,
главный редактор журнала «Костер»

СОБИРАЮ ПОРТФЕЛЬ

В. Ледков

Собираю портфель перед школой,
Как охотник патроны готовит.
Вот тынзей мой. Он гладкий, тяжелый
И оленей без промаха ловит.

Это — нефть в пузырьке аптечном,
Пусть со мной она в школу шагает.
Мой отец был на озере Встречном,
Отыскал он, где нефть залегает.

Эту гайку шофер вездехода
Подарил мне во время метели.
Ушко заячье — память охоты,
Значит, тоже пусть будет в портфеле.

В поздний холод был снят этот снимок,
В нашем чуме спаслись оленята.
Ни один не замерз и не вымок,
Я их спас — потому мы и сняты.

Застегнул я портфель еле-еле,
Я всю тундру забрал бы на память.
Только места не хватит в портфеле,
Тундру — в тундре придется оставить.

Перевод с ненецкого В. Аушева

ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ **ОСЕНЬ**

РАСПИСАНИЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ

Сначала — о самом важном

Урок географии, или
Как село получило имя

Морская газета

Переменка

Большой сбор у «Барабана»

Как собирать гербарий

Наш КИД

Урок мужества, или
Как спасли пионерское знамя

Единица в дневнике

Урок биологии, или
«Зеленые страницы»

Домашние задания — веселые
и забавные

САМОЕ ВАЖНОЕ

БОРИС АЛМАЗОВ

Ученые подсчитали, что в нашем веке за каждые десять лет объем знаний, накапливаемый человечеством, удваивается. Поэтому средней квалификации рабочий в 2000 году должен будет знать в два раза больше, чем нынешний инженер. Врачу станет необходимо знание электроники, крестьянину — биологии и генетики, геологу — химии и математики. А может, и профессий таких не будет, какие существуют нынче, на смену им придут другие, о которых мы можем только догадываться?

Я вспомнил об этом потому, что в 5-й школе города Могилева увидел, как ребята готовятся к будущему.

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ

Нет, они не занимаются по космической программе, не учат международный язык... Правда, по многим предметам спрашивает ребят автоматический экзаменатор: дается задача и три ответа, выбирай правильный. Если решение верно — вспыхнет электрическая лампочка. Такие автоматы делают сами ребята.

Школьный день начинается в восемь утра. После уроков работают кружки. Их в школе двадцать шесть, да еще восемь секций, да хор на сто двадцать человек, да ансамбль танца.

Я не сказал еще про школьную оранжерею, где в январе зреют помидоры. А широкоэкранный кинотеатр «Юбилейный»! А своя пожарная команда! А духовой оркестр! А кукольный театр «Петрушка»! А октябрятский клуб «Малышок»!

Все это я перечисляю потому, что, может быть, сегодняшний лихой пожарный из седьмого класса станет врачом, киномеханик — учителем, селекционер — моряком (и помидоры будет видеть только в салате). Важно не это. Самое важное...

Но сначала познакомимся со школой.

ПО-НОВОМУ УЧИТЬСЯ, ПО-НОВОМУ ЖИТЬ!

Ходил я по школе, смотрел на все, и в голову закрадывалась мысль: «Хорошо ли, что ребята так загружены? Шутка сказать, даже учитель может провести собрание только раз в неделю. В остальное время класс не собрать, все ребята заняты!..»

— А у нас есть свободное время! — сказала Надя Балышева из восьмого класса, вожатая октябрят. — Кружки, секции — это и есть свободное время. Если же человек ничего не делает, так это не свободное время, а пропащее...

Я побывал на уроках. Классы работали слаженно, спаянно, словно экипажи боевых кораблей.

— Найдите в своих предложениях наречие...

Взметнулись вверх тридцать пять карточек. И только у одного мальчишки вместо наречия — глагол. Соседка молча тычет ему свою табличку. Мальчишка хлопает себя по лбу.

— Ну-ка, повтори признаки наречия, — толковала девочка этому мальчишке на перемене.

И мальчишка, смущенно улыбаясь, декламировал правило. Меня удивило не то, что он попал на «буксир», а то, как весело переносил он девчоночьи команды.

— Вы что же, и не деретесь никогда? — спросил я у Нади.

Она глянула на меня удивленно:

— Зачем?

А как мы дрались! Когда я учился в школе, класс враждовал с соседним классом, ремесленное училище шло стенкой на школьников... враги.

— У нас в каждом классе баскетбольная и хоккейная команды, — сказала Надя. — Они и сражаются.

— А мы как дрались! — не без гордости заявил я.

— Вы дружить не умели, — спокойно ответила Надя.

ПОДУМАЙ О ДРУГИХ

Жил-был ученик пятого класса Витя Кутола. Второгодник. Независимый человек. В пятую школу его перевели на исправление.

— Как бы не так! Исправите меня! — усмехнулся он.

И стал жить сам по себе. А новые его одноклассники волновались.

— Он один — значит, ему плохо! — говорили одни.

— Всех от себя прогнал, никого не признает! — говорили другие.

— А если исключить его из пионеров — тогда он совсем пропадет...

Так ломали они головы всем отрядом, пока не узнали, что Витя здорово рисует. Вот и подступили они однажды к нему.

— Кутола ты, Кутола! — говорят. — Вот ты по улицам гоняешь, а в первом классе октябрят не то что рисовать — карандаши правильно держать не умеют! Там сегодня и учителя нет. Сходи проводи урок. А не хочешь урок проводить — так просто побудь. Директор просил.

Помолчал Кутола. Носом пошмыгал, но в первый класс пошел. А там октябрят:

— Витя, научи! Витя, покажи!

Началось с урока, а продолжилось клубом «Василек». Теперь в этом клубе Витя и директор, и учитель, и... друг.

КТО ЖЕ ЗДЕСЬ ВСЕМУ НАЧАЛО?

Высокий усатый дяденька стоял в коридоре, а вокруг него с визгом носились малыши.

— «Спортландия, Спортландия — веселая страна...» — невозмутимо напевал он. Это был пионервожатый.

Я знал: над пятой школой шефствует химический комбинат, лучшие молодые рабочие помогают школе. Вожатых-производственников в отрядах восемнадцать человек.

— И еще комсомольцы из старших отрядов нас тренируют, — поведали мне мальчишки. — Они все умеют: и на коньках бегают, и всякие модели мастерят, и в оркестре играют.

— Значит, все интересное в школе придумываете вы? — спросил я старшеклассников.

Рослые парни, которые грохотали на гитарах в школьном актовом зале, от удивления даже рты открыли:

— Кто вам сказал?

— Пионеры сказали. Говорят, комсомольцы помогают нам во всем.

— Именно помогаем! И только... А сами они, пионеры, как другим помогают, знаете? Вы в детский сад пойдите, там малыши спят и видят, когда в школу пойдут. Почему? Да ведь у нас каждый пионер ходит помогать в детский сад. И октябрята туда ходят: игрушки делают...

КЛЯТВА

Директор школы достал толстую книгу и показал мне.

— Здесь записана клятва выпускников, окончивших нашу школу.

«Клянемся, где бы мы ни были, что бы ни делали, не уронить честь нашей школы, нашего второго дома, нашей замечательной октябрятско-пионерско-комсомольской семьи».

«Вот это и есть самое важное, что понимают ребята, — подумал я. — Не уронить честь школы — второй семьи».

КАК СЕЛО ПОЛУЧИЛО ИМЯ

БОРИС НИКОЛЬСКИЙ

Трудно сказать определенно, имело это маленькое село, затерявшееся в целинных степях, название или нет. Когда-то раньше, когда здесь жили только казахи-скотоводы, местность эта называлась Каракуль. Но это было давно. А с тех пор как здесь раскинулся огромный целинный совхоз «Самарский», старое название почти совсем забылось. И село стали называть по-новому: «Второе отделение совхоза «Самарский». А разве это настоящее название для села?

Но вот в газетах появился Указ Президиума Верховного Совета Казахской ССР. Село получило новое имя — Г а й д а р.

Почему Гайдар? За какие такие заслуги? Наверное, многие новые поселки хотели бы носить это славное имя — Г а й д а р, так ведь не присваивают. А тут присвоили.

СТРАНИЦА ИЗ СТАРОГО ЖУРНАЛА

С Виктором Акимовичем Огневым я познакомился больше шести лет назад. Тогда он был директором и единственным учителем в крошечной Ново-Палестиновской школе в Атбасарском районе.

Тогда же я написал очерк о нем и его ребятах. Вот небольшой отрывок из этого старого очерка.

«Никогда не было почты в Ново-Палестиновке, не заходили сюда почтальоны с толстыми кожаными сумками, не спешили разносчики телеграмм. Ближайшее почтовое отделение — за двадцать километров.

Подвернется попутная машина, скажут шоферу: «Передай-ка письмо в Ново-Палестиновку» — возьмет шофер запечатанный конверт, спрячет в карман — и хорошо, если вспомнит, а забудет — так и пойдет письмо гулять по степным дорогам...

Никогда не было почты в Ново-Палестиновке...

А ребята решили: «Будет!»

Съездил Виктор Акимович в почтовое отделение в Покровку, договорился, привез оттуда почтовый ящик — самый настоящий, выкрашенный в голубой цвет, с государственным гербом посередине и большими выпуклыми буквами: «Почта».

На другой день рядом с дверями школы ребята приколотили ящик. Повесили объявление: «Пионерская почта».

И вот теперь, шесть лет спустя, в совхозе «Самарском» я снова встретился с Виктором Акимовичем.

Так уж случилось, что, когда он переехал сюда, во второе отделение совхоза, из Ново-Палестиновки, здесь тоже не было почты.

Виктор Акимович рассказал ребятам о Ново-Палестиновке, о пионерской почте, и ребята конечно сразу загорелись:

— Давайте и у нас организуем почту!

— А что! Давайте!

И если бы я стал писать о том, как начинала работать здесь пионерская почта, мне пришлось бы почти целиком повторить страницы из старого очерка. Потому что так же волновались и ждали первого письма пионеры, так же не верили им сначала взрослые, так же настойчиво убеждал взрослых Виктор Акимович...

Уже больше пяти лет работает пионерская почта во втором отделении совхоза «Самарский», и за это время немало здесь произошло разных событий — и забавных, и радостных, и даже печальных...

СОБЫТИЕ ЗАБАВНОЕ

Теперь уже Оля Шмиткаль и ее подруги вспоминают об этом давнишнем случае с улыбкой, а тогда им было не до веселья.

Пионерская почта только начинала работать. И существовал такой закон: почтальоны разносят письма и газеты в любую погоду.

И вот однажды Оля Шмиткаль и ее подруга отправились разносить газеты. Это сейчас у почтальонов есть самые настоящие почтальонские сумки. А тогда их еще не было. И почту девочки несли в руках. Неожиданно налетел вихрь и вырвал пачку газет.

— Мы бросились за ними вдогонку, — рассказывает Оля. — Гонялись, гонялись... А сами ревом... Что скажут люди?.. Понадеялись на нас, а мы...

Теперь Оля Шмиткаль и ее подруги — первые пионерские почтальоны — Вера Степасюк, Оля Слободнюк, Люда Кононович, Рая Письякова уже выросли и скоро кончают школу. И почти все мечтают обязательно стать связистами.

СОБЫТИЕ РАДОСТНОЕ

Недавно ребят пригласил в Алма-Ату министр связи Казахской ССР. До этого многие ребята не бывали дальше районного центра и даже на поезде не ездили, не то что на самолете.

А тут великолепный ИЛ-18 доставил их из райцентра прямо в столицу Казахстана. Автобус подкатил к зданию министерства. Стремительный лифт поднял ребят вверх. Этот лифт привел всех в восторг не меньше, чем ИЛ-18, — до этого никто из них не видел лифта.

И вот пионеры на приеме у министра.

Министр расспрашивает.

Ребята рассказывают. А рассказывать есть о чем. Ни много ни мало — 25 000 писем отправлено пионерской почтой. На тысячу рублей продано конвертов и марок. Лишь несколько человек выписывали раньше в селе районную газету. 537 экземпляров газет и журналов разносят теперь ребята.

Министру очень понравилось все, что рассказали ребята.

ВЕДЬ НА ОГРОМНОЙ ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА ВОЗНИКЛО МНОГО НЕБОЛЬШИХ ПОСЕЛКОВ, ГДЕ ЕЩЕ НЕТ ПОЧТОВЫХ ОТДЕЛЕНИЙ, НЕТ ШТАТНЫХ ПОЧТАЛЬОНОВ. И ЕСЛИ БЫ РЕБЯТА, ЖИВУЩИЕ ТАМ, ВЗЯЛИ ПРИМЕР С ПИОНЕРОВ СЕЛА ГАЙДАР И СОЗДАЛИ ПИОНЕРСКУЮ ПОЧТУ — ЭТО БЫЛО БЫ ОЧЕНЬ БОЛЬШОЕ И НУЖНОЕ ДЛЯ ВСЕЙ СТРАНЫ ДЕЛО.

СОБЫТИЕ ПЕЧАЛЬНОЕ, КОТОРОЕ МОГЛО КОНЧИТЬСЯ ПЛОХО, НО КОНЧИЛОСЬ ХОРОШО

И вдруг над пионерской почтой нависла опасность. Как раз тогда, когда ребята меньше всего этого ждали. Ведь все шло так хорошо!

Но то ли управляющему отделением совхоза показалось обидным, что в его отделении нет штатного почтальона — у других есть, а у него нет, — то ли были иные причины, только неожиданно он перестал выделять машину для подвозки почты.

И наступил такой день, когда мешок, опечатанный сургучной печатью, остался лежать в школе.

Ребята волновались. Ребята ничего не понимали.

Как же так? Неужели и правда никому не нужна их работа? Мол, побаловались — и хватит. Но ведь жители села всегда были довольны. Ни одной жалобы никогда не было. А тут вдруг — не дам машины. И все. И разговаривать не хочет. Но почему?

Может быть, другие бы на их месте повесили носы, но пионеры-гайдаровцы не собирались мириться с тем, что пионерская почта перестанет существовать.

Что делать? Предложения сыпались самые разнообразные. Лучше, пожалуй, здесь их не перечислять.

Саша Степасюк предложил идти к директору совхоза. Не может быть, чтобы директор, старый целинник, не помог им.

В контору за восемь километров отправились все вместе. Но директора в конторе не оказалось. Совхоз ведь огромный, время горячее — директор все время в разъездах.

Рассказали о своей беде секретарше. Секретарша обещала помочь. Даже приказ специальный напечатала на машинке.

Домой ребята ушли довольные: ну, теперь-то все в порядке. Но прошел день, второй, а все оставалось по-прежнему.

И снова расстраивались и волновались ребята.

И не знали еще, что волнуются они не одни, что коммунистов совхоза тоже волнует судьба пионерской почты. Что событиями в отделении совхоза уже интересовался атбасарский райком партии.

Обо всем этом они узнали уже позже. Узнали, когда управляющий отделением Иван Эдуардович Шмиткаль сам пришел в школу, извинился перед ребятами и сказал, что признает свою ошибку и отныне машину будет выделять регулярно.

И теперь работа на пионерской почте идет по-прежнему. Сортирует почту второклассник Юра Кошкин. Следит, чтобы он не ошибся, начальник почты Галя Мизаева — ведь Юра еще новичок. Берут свои сумки, набитые газетами и журналами, почтальоны Мухтар Байкенов, Володя Ощепков, Тамара Шумаева, Айман Аглакова и, как обычно, в любую погоду отправляются в обход села. И люди встречают их с уважением и радостью...

Кроме пионерской почты есть у ребят из села Гайдар еще немало интересных дел — обо всех не расскажешь в одном очерке. А если вы хотите узнать подробнее, как живут гайдаровцы, напишите им: Целиноградская область, Атбасарский район, село Гайдар, школа.

Александр Крестинский

Тетрадный белый лист
Над улицей повис,
А золотистый с клена
Слетает изумленно.
В пути они встречаются,
Как рифмы, на лету,
Касаются, качаются,
Взмывают в высоту.
Рифмуют лето с осенью,
Рифмуют дождик с просинью,
Рифмуют лес и класс,
Рифмуют нас и вас...
Один листочек — в клеточку,
Другой — в косую сеточку.

ПИОНЕРСКИЕ КОРАБЛИ

Сошли со стапелей новые теплоходы, названные именами пионеров, юных партизан: «Яша Гордиенко», «Хендрик Куйвас», «Валя Куракина». На разных морях они будут плавать — и на Балтике, и на Черном. И где люди их ни увидят — они вспомнят о Яше, герое одесского подполья; о Хендрике, который сражался с фашистами в истребительном батальоне; о Вале, маленькой партизанской санитарке, героически погибшей в могилевских лесах...

НАМ СООБЩАЮТ ЮНКОРЫ

Наш порт не особенно защищен от ветров. А берега казались бы пустынными, если бы не море. Море все время живет и дышит — приливами и штормами. Происхождение названия бухты вызывает споры. То ли она называется по имени промышленника Ванина, то ли от местных слов — уй-вани — тихое место.

Корабли к нам идут и идут, медленно вытягиваются в бухту — с Камчатки, с Чукотки, с Сахалина. А от нас много кораблей уходит к берегам Японии. Везут лес.

Юнкор Толя Никифоров,
порт Ванино

КАПИТАН ДАЛЬНОГО ПЛАВАНИЯ.

В. Чибасев, 11 лет,
Куйбышев.

О К Е А Н С К И Й Т Е Л Е Г Р А Ф

Быстро мчится по дороге автомобиль. Но вот дорога кончилась и начались непроходимые горы. Над автомобилем поднялись и вытянулись лопасти винта — получился вертолет. Вертолет взмыл и полетел через горы. А за горами — море. И вот уже вертолет превратился в моторную

лодку! Совершенно сказочные превращения. Однако это не сказка, машина такая есть. Создали ее конструкторы Соединенных Штатов Америки. Назвали машину монтекоптер. Скорость монтекоптера на воде — 20 километров в час, в воздухе — 60, а на дороге — 150!

ТОЧНЫЙ ВЫСТРЕЛ

В городе Пушкине в одной из школ познакомили меня с девочкой-пятиклассницей, Мариной Капустиной.

Познакомили вот почему: Марина разыскала матроса со старинного эсминца «Азард».

Матросу — звали его Павел Иванович Жемов — шел восемьдесят пятый год. Это был человек с интересной судьбой, жизнь прожил трудную, участвовал в разных вой-

нах. О многом матрос по просьбе Марины написал в обыкновенную школьную тетрадку...

Марина передала эту тетрадку мне. Разные там были записи.

Меня особенно заинтересовали строчки, где Павел Иванович рассказывал о том, как эсmineц «Азард» во время гражданской войны потопил английскую подлодку Л-55...

Поправлять в этом рассказе было нечего: написано все было бесхитростно и точно.

Так мог написать только человек знающий, подлинный участник событий. Я только сократил несколько строк.

«...Служить меня на флот взяли в 1914 году. Шла первая мировая война. Через два года послали в экипаж эсминца «Азард».

Очень хороший был эсmineц — по тем временам быстроходный... В революцию подняли мы на эсминце красный флаг, и «Азард» стал защищать на Балтике Советскую власть...

Началась гражданская война. Однажды «Азард» вместе с эсминцем «Гавриил» в Копорском заливе — неподалеку от Кронштадта — были окружены английскими кораблями и приняли бой. Я в те минуты

СПРАШИВАЕТЕ — ОТВЕЧАЕМ

«Дорогая «Морская газета»! Очень прошу вас рассказать про героический бриг «Меркурий». Мне 11 лет, учусь я хорошо».

Вова Деарт, Архангельск

находился на верхней палубе рядом с комендором носового орудия Степаном Боговым. Степан был моим другом, вместе с ним мы пришли на эсминец и воевали вместе. Я был у орудия заряжающим. Бой начался тяжелый. Загремели падающие стреляные гильзы носового орудия. Синими полосами потянулся за эсминцем пороховой дым.

В это время английская подводная лодка зашла нам в тыл и выпустила по

«Азарду» и «Гавриилу» три торпеды. Наши сигнальщики заметили торпеды, и эсминцы развернулись.

Торпеды прошли по бортам и не задел нас.

Три торпеды — это более ста пудов груза, которые разом потеряла подводная лодка. А принять балласт воды для равновесия не успела. На две-три минуты ее перископ и часть рубки показались над водой.

— Снаряд! — крикнул мне Степан, не оборачиваясь. — Давай снаряд!

Я подал снаряд. И тогда Степан Богов прямой наводкой сделал выстрел. Раздался взрыв. Эсминец прошел неподалеку от пенявшегося водоворота. Все было кончено. Подлодка затонула. Это был точный выстрел. . .»

Вот что было написано в той школьной тетрадке.

Бой произошел 4 июня 1919 года. Позднее, работая в морском архиве, я узнал, что через несколько лет после описываемых Павлом Ивановичем событий подлодку подняли водолазы. На рубке ее сохранился английский номер — Л-55. Подлодку отремонтировали, и она ходила с тем же номером, но под нашим флагом в составе Балтийского флота.

Олег Орлов

БРИГ «МЕРКУРИЙ»

... Случилось это в 1829 году, во время Русско-турецкой войны. Неподалеку от Босфора маленький двухмачтовый бриг «Меркурий» был настигнут двумя турецкими линейными кораблями. У турок против двадцати пушек брига было около двухсот! И все-таки командир «Меркурия» капитан-лейтенант Казарский решил сражаться. Последнему офицеру, который останется в живых, было приказано взорвать крюйт-камеру брига, где хранился порох. . .

Неравный бой начался. Написано о нем немало, но есть редкая запись — воспоминания турецкого штурмана, участника боя: «Произошло дело неслыханное и невероятное. Мы не могли заставить его сдаться. Он дрался, отступал и маневрировал со всем искусством. . . Стыдно сознаться — мы прекратили сражение, а он со славой продолжал свой путь. . .»

Вот с каким уважением к храброй команде маленького брига писал об этом бое враг.

Турецкие корабли со многими повреждениями отказались от боя и легли в дрейф. Бриг ушел победителем.

За беспримерный бой всю команду брига наградили. Был награжден и «Меркурий» — большим кормовым георгиевским флагом. . .

ИЗУЧАЙТЕ ЯЗЫКИ

Вот как подвело незнание иностранных языков известного польского музыканта Фогга. Он путешествовал по Америке, с успехом выступая в различных концертных залах. В Сан-Франциско Фогга пригласили выступить по радио, рассказать о себе. Поскольку Фогг не знал английского языка, приготовили листки бумаги, на них крупными буквами написали по-английски ответы на вопросы, которые радио-журналист должен был задавать музыканту.

Итак, миллионы радиослушателей слушают беседу с известным музыкантом, а в студии, откуда идет передача, служитель после каждого вопроса подсовывает Фоггу листки с ответами — ведь Фогг не понимает обращенных к нему вопросов. Журналист спрашивает:

— Где вы родились?

И тут служитель нечаянно вынимает ответ на вопрос «Где вы выступали?». И люди у радиоприемников с изумлением слышат медленный, с запинкой ответ поляка:

— В Лондоне, Париже, Праге, Копенгагене и в тридцати девяти американских штатах.

...

А вот как подшутил Французский король Людовик XIV над одним из своих придворных, которого он знал как большого честолюбца. Он спросил:

— Вы знаете испанский язык?

— Нет, ваше величество.

— Тем хуже для вас...

Вельможа подумал, что если он овладеет этим языком, то его назначат послом в Испанию. Он приложил все силы, выучил испанский и сказал королю:

— Ваше величество, я выучил испанский язык...

— Настолько хорошо, что могли бы разговаривать с настоящими испанцами?

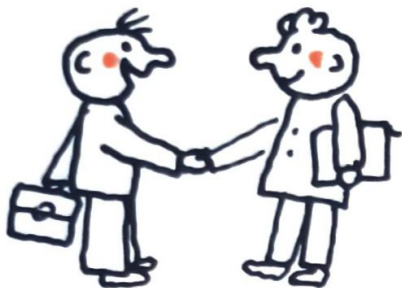
— Конечно, ваше величество!

— Тогда поздравляю вас, теперь вы сможете читать «Дон Кихота» на том языке, на котором эта книга написана...

ПЕРЕМЕНКА!!! ПЕРЕМЕНКА!!! ПЕРЕМЕНКА!!!

ВОСПИТАНИЕ „ВОЛИ“

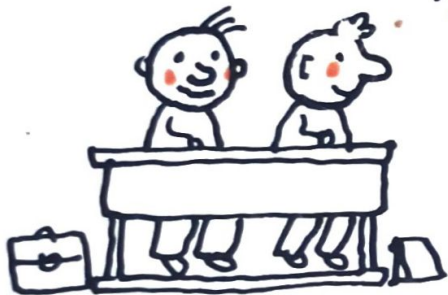
① Поспорили Толя и Коля:
У кого сильнее воля?

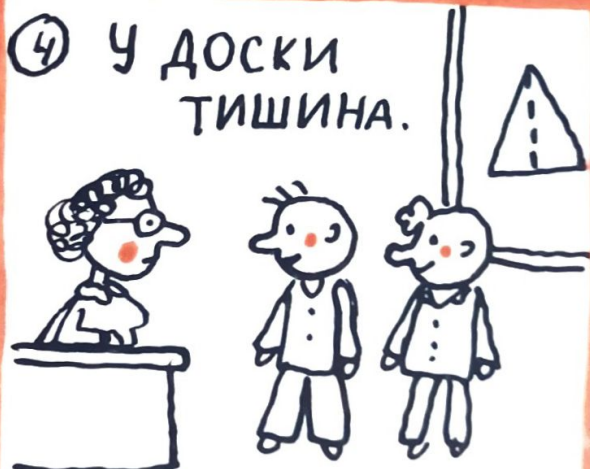
② Чтобы рта не раскры-
вать,
словно кит, весь день
молчать.

③ Третий начался урок.
Рты закрыты на замок...

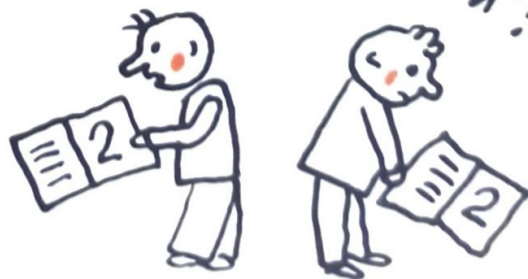
④ У доски
тишина.

⑤ Онемели?
Вот те на!

⑥ Не воли воспитатели,
а „двойкособиратели“!

Большой сбор у БАРАБАНА

Что такое «Барабан»? Это наша пионерская стенгазета. Пишут в нее сами ребята, юнкоры «Костра». Сами и рисуют, и фотографируют, сами сочиняют разные истории. Всё — сами...

У СЕРЕЖИ ЖУКОВА

Однажды я прочитал в газете о Сереже Жукове, которому удалось узнать, что в их доме в Ленинграде, на улице Чайковского, 58, жил Владимир Ильич Ленин. Но на доме не было мемориальной доски, и никто из ребят Сереже не верил. Тогда Сережа написал письмо в Центральный Комитет партии. Вскоре на фасаде дома появилась мемориальная доска.

Я решил познакомиться с этим мальчиком. Нашел квартиру. Позвонил. Дверь открыла Сережина мама. Она сказала: «Сережи нет. Он сейчас служит на границе. Если хочешь встретиться, приходи через год».

Через год мы встретились.

— У кого ты узнал, что в вашем доме жил Ленин? — спросил я.

— Вот, — Сережа показал на книгу, которых у него много, как в библиотеке.

— А на границе ты совершал подвиги?

— Это военная тайна! — засмеялся он.

— А чем ты теперь занимаешься?

— Учусь в институте и работаю.

Потом Сергей принес конфеты, и мы стали пить чай.

Игорь Виноградов, Ленинград

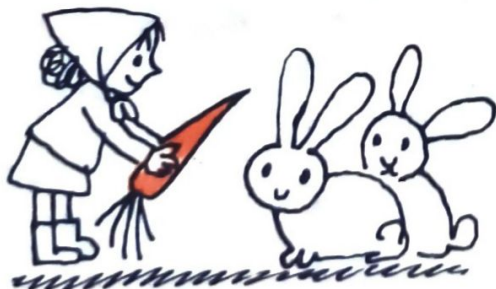
ВЕСТИ с пионерских маршрутов

Наш отряд правофланговый. Совершаем походы по Ленинским местам. Были в селе Шушенском и Ульяновске. Собираемся в Ленинград.

Наташа Попова,
город Обь Новосибирской области

Собираем материалы о первых пионерах нашего села. Самыми первыми были — Мария Ивановна Горшкова, Иван Гаврилович Ладо и Елена Павловна Волкова.

Саша Кривцов,
село Никольское Амурской области

Проводим опыты и ухаживаем за десятью породами кроликов. Ценные шкурки и мясо сдаем государству.

Мехриниса Кадырова,
станция юных натуралистов
Сурхандарьинской области

Несколько лет тому назад мы организовали бригаду по выращиванию хлопка-сырца. Колхоз выделил нам участок, 50 гектаров. Урожай собираем машинами. Сначала работать было трудно, не было умения и сноровки. Теперь профессию хлопкороба мы освоили. У нас есть свои мастера — Рахима Карабаева, Тахир Юсупов, Вахид Абдумажидов. За высокие урожаи наша школа награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Узбекской ССР.

Таджихон Мирсандова,
Наманганская область

ПРО НАШИХ ВЗРОСЛЫХ

Есть у моего папы брат — дядя Миша. Дядя Миша мой самый лучший друг. Подружился я с ним давно, когда был еще совсем маленьким. Болел я тогда какой-то болезнью и целыми днями ничего не хотел есть. Измучились со мной родители и решили: отправим-ка его к дяде Мише. Приехали мы к нему, а он говорит: «Я еще вчера знал, что ты приедешь. Лиса сказала. Она тебе гостинец принесла. Вот, угощайся».

Я опять за свое: «И есть не хочу, и сказкам про лису не верю, пока живую не принесешь».

Дядя Миша ничего не ответил и ушел в лес. На следующий день просыпаюсь, слышу, половицы поскрипывают. Открыл глаза — чудо! Стоит дядя Миша и держит в руках живую лису. «Получай подарок, соня!»

Я от счастья сразу же и о болезни забыл. А скоро и совсем поправился.

Потом принес он как-то из лесу большой мешок. Поставил в угол, умываться пошел. Смотрю — мешок шевелится. Вдруг вылез из мешка енот и мимо меня — к двери! Я как закричу от страха. А дядя Миша: «Не кричи, всех зверей перепугаешь».

С тех пор, как каникулы наступят, я к дяде Мише еду. Он охотоведом работает. Мы вместе и на охоту и на рыбалку ходим.

Силы у дяди Миши на десятерых хватит. Наверно, потому никто в нашем районе не браконьерит. Особенно после одного случая. А было так. Приехал в поселок боксер-разрядник. Решил устроить с местными показательные бои. Вышел против него дядя Миша, стукнул раз — тот и упал. Когда пришел в себя — говорит: «За такой богатырский удар разрешите вам двухпудовую гиру подарить».

Андрей Боровский, 7-й класс,
Амурская область

Сидели мы на лавочке...

...

Однажды мы сидели вечером на лавочке, и у нас разгорелся спор о современной моде и о девочках, которые гонятся за модой. Вместе с нами сидела Люда О. Она ходит стриженная, красится. А мы что? Отсталые, если с косами ходим?

Евгения Зуева,
Алтайский край

...

Я люблю танцевать, увлекаюсь фигурным катанием, занимаюсь музыкой и к тому же люблю октябрят. Но на все у меня не хватает времени. А бросить я ничего не могу. И это ужасно.

Элеонора Курочкина,
Москва

...

У нас в школе Вова Писклов — и знаменосец, и звеньевой, и тимуровец, и председатель отряда. А многие ребята не имеют никаких поручений.

Юнкор «Зоркий Глаз»,
Тамбов

«Барабан» получил письмо от ленинградки Людмилы Анатольевны Комаровой:

«Летом я пошла с маленькой дочкой купаться на Оредеж. Оставив дочку на берегу, я вошла в воду и неожиданно попала в глубокую яму. Захлебнулась, потеряла сознание. Спас меня пионер Юра Рулев. Он долго нырял, нашел меня на дне реки и вытащил на берег...»

УЧЕНИКУ 7-го КЛАССА 170-ой ШКОЛЫ
ЮРЕ РУЛЕВУ — НАШ САЛЮТ!!!

**СЕКРЕТЫ ЗВЕЗДОЧКИ—
ИХ ДОЛЖЕН ЗНАТЬ
КАЖДЫЙ ВОЖАТЫЙ**

Я — БУДЕНОВЕЦ.
Олег Василенко, 12 лет, Сургут.

Мы вышли на школьное крылечко и стали озорничать. Додумались положить веник на дверь. Ждать пришлось недолго, послышались чьи-то шаги. Дверь открылась.. Мы обомлели. Это был учитель пения. Мы закричали ему, что на двери лежит веник, но было уже поздно...

Коля Васильчиков,
Новгородская область

Света хитрая, заставляет соседских малышей убирать у себя в комнате, а говорит, что это — тимуровская работа.

Тата Б., Тамбов

Дочь почтальона распечатывала письма и читала. Мы ее поймали за околицей и проучили малость. Она ревела и орала: «В суд на вас подам!» Интересно, кто преступник — мы или она?

Сева К., Новосибирская область

В нашем классе все помешаны на листьях, плодах и соцветиях, потому что Людмила Ивановна, наш классный руководитель, — учительница ботаники.

Каждое лето мы — сами по себе — собираем гербарии и очень при этом стараемся, но лучше всех гербарий всегда у Вальки.

Перед летними каникулами Людмила Ивановна раздала нам табели с годовыми оценками и в который раз похвалила Вальку за прошлые отличные гербарии.

А я подумал — сейчас-то ясно — не без пустой зависти:

«Мы, Валя, глянем на этот раз, у кого лучше получится».

Я вот к тетке поеду родной на каникулы в Среднюю Азию и там такого наберу...

Тетя моя жила в городке Ак-Кудук — Белый колодец. С первого же дня я ходил потрясенным от урюка и грустных верблюдов, но потом на досуге вспомнил школу и решил заняться делом.

ПОДКОВА НА СЧАСТЬЕ

АЛЕКСАНДР САХАРОВ

Как раз в это время я познакомился с Джуманиязом.

Он — ровесник мне — жил в доме напротив. Через улицу.

Мы стали ходить повсюду вместе.

— Джуманияз, а где же пустыня? — спросил я как-то. — Деревья кругом...

— Какая пустыня? — удивился Джуманияз.

— Обыкновенная, где пусто и один песок.

— Нет никакой пустыни, — сказал Джуманияз, явно меня не одобряя. — Нет пустыни, а пески — кум — пожалуйста.

Наутро мы ушли в пески.

Пески начались вплотную — впритык за последним домом — холмы в редких песчаных акациях.

Я под ноги во весь путь глядел внимательно, чтобы невзначай не наступить на скорпиона или ядовитого гада, но они, видимо, спали, укрывшись в тени, а по песку носились туда-сюда взапуски муравьи на длинных нотах. Точь-в-точь на ходулях.

Кое-где торчали из песка бесприютно сухие ветки — порознь; местами же густо — щеткой.

Я надумал собирать их в коробку из-под ботинок для коллекции, а они колючие — царапаются.

— Зачем ты хлам всякий собираешь? — спрашивает Джуманияз. — Печь топить? Так сейчас лето. Ты бы весной приезжал — тогда тюльпаны

цветут в песках... Это вот, гляди, ат-кулак — «лошадиное ухо». Это — янтак — колючка верблюжья...

Я хоть и не влюблен в ботанику, а охотно заинтересовался экзотической флорой.

А вдобавок на обратном пути под барханом я в песке подкову нашел. Маленькая, тонкая, ее ослик-ишак — некому больше — с ноги уронил.

Мне здесь весело стало, потому что найти подкову считается к счастью.

И в самом деле, вечером привалило счастье не счастье, но принес Джуманияз коричневую круглую коробочку: листья высохли — внутри вата клубком. Хлопок прошлогодний.

И выходит, вроде бы не зря я ишачью подкову поднял. Теперь уж — с хлопком — наверняка мой гербарий самым лучшим окажется.

Утром в день отъезда я аккуратно переложил в ботиночной коробке многоцветные сокровища: подкову, на счастье, следом хлопок, «лошадиное ухо» и другие растения, чтобы не помять в дороге.

«Держись теперь, Валечка», — предвкушал я загодя восторг победы.

Поезд уходил вечером.

Меня провожали тетя и Джуманияз.

— Приезжай весной, — сказал Джуманияз на прощанье.

Я вспомнил тюльпаны, которых никогда не видел на воле.

Настало 1 сентября.

Рано поутру я надел чистую рубаху и взял коробку с неживой растительностью.

За мостом площадь и до мелочей знакомый переулок — с закрытыми глазами доберусь.

Вот и школа — ветхие сараи у забора, и кусты, и трава — вымахала по пояс.

Я быстро, чтобы никто не увидел, сунул коробку в куст, для сюрприза, разгладил-распрямил траву и не спеша потом двинулся к воротам.

Там во дворе уже густо толпились первоклассники с мамами и цветами, галдели сдержанно о чем-то между собою.

Затрещал звонок — пора! Чинно, в тишине, парами зашагали в дверь первоклассники, мы — за ними.

— Здравствуйте, дети, — сказала от стола Людмила Ивановна. — Вы, наверное, хорошо отдохнули за каникулы и приметесь с сегодняшнего дня добросовестно учиться...

Ничуть не изменилась Людмила Ивановна — не берет ее лето, и дальше не слушал я, потому как принялся рассказывать Вальке про пустыню и пустынных длинноногих муравьев.

Захлебываюсь, повествуя, а про гербарий помню между тем и радуюсь.

Но вдруг врасплох — строго:

— Шура, если ты рассказываешь Вале что-либо стоящее, то и нам расскажи. Мы тоже ведь хотим послушать.

— Я про гербарий, Людмила Ивановна...

И поведал, запинаясь поначалу — про колючки в сыпучих песках, про алые тюльпаны весной, про ат-кулак и нечаянный дождик в августе, когда все, даже старики, выскакивают на улицу и скачут под теплым дождем...

Сзади вздохнул кто-то:

— Ну и ливень...

Я не понял сначала, глянул в окно — и правда, ливень: гнутся деревья под ветром с моря.

— Что же ты замолчал, Шура? — спрашивает Людмила Ивановна. — Это очень интересно, что ты рассказываешь. Поучительно.

А я волнуюсь об участии гербария в непогоду — пропадет! — и говорю:

— Людмила Ивановна, можно выйти?

Все засмеялись тут, кроме девочек.

А я пулей — за дверь.

Дождь лил без удержу; я выбежал, поскользнулся на ступеньках — чуть не упал.

Кусты уже рядом.

... Какая там коробка?!

Валяется бессмысленная крышка — и ни верблюжьей колючки, ни хлопка.

Одна-одинешенька — ветром не унесена — якобы счастливая подкова.

Пропала коллекция — не быть триумфу.

Обидно. Да не плакать же...

В класс я вернулся мокрый, с подковой в кармане.

Валькин гербарий опять — по обыкновению — оказался лучшим, и, сказать честно, сейчас он конечно же лучше моего.

Видно — с любовью к делу собран.

Даром, что хлопка в нем нет.

Подвела подкова...

А вечером, поостыв, сообразил я, что кругом бессильна она — подкова — против Валькиного чистосердечного прилежания к отечественной природе.

На следующий день — почему не знаю, само вышло — говорю ему в перемену с трагическим выражением:

— Валька, возьми подкову себе на счастье. Она от ишака отвалилась в знойных песках.

А он не взял.

Говорят, на счастье подкову нужно найти собственноручно.

Чужую брать нельзя — не поможет, а подкова — (отпущена) каждому разная.

Я так теперь понимаю — Валька-то свою счастливую подкову — ботаническую — похоже, давным-давно сыскал.

И в этом, наверное, фокус его непрерывных успехов по части гербариев.

Не иначе.

НАШ КИД

Сегодня
в нашем Клубе
интернациональной
дружбы:

ПАРТИЗАНЫ НАШЛИ ДРУГ ДРУГА

Однажды члены Клуба интернациональной дружбы рязанской школы-интерната № 1 Толя Соловьев и Гена Бирюков получили письмо из Братиславы от братьев Бахаров — Владимира (старшего) и Ивана (младшего). Братья писали, что их отец, Самуил Бахар, воевал в партизанском отряде с рязанцем Иваном Крупениным и вот уже двадцать лет не знает ничего о судьбе русского друга.

Под конец так ослабел, что начались галлюцинации. Помогли мне словацкие крестьяне — спрятали, откормили, а потом отвели к партизанам. Бурное было время. Спали часов по пять, не больше. Ходили в разведку, взрывали мосты, железную дорогу, сопровождали машины в Банску Быстрицу, столицу партизанского движения.

Из письма полковника чехословацкой Народной армии Самуила Бахара:

«...Помню, как появился у нас в отряде Иван Крупенин, небольшого роста скромный человек. Перемежая русские слова со словацкими, он рассказывал о колхозах, о бесплатной учебе в школах, о том, что каждый в Советском Союзе имеет работу. Рассказывал о родной деревне, об отце, председателе колхоза. Пел русские и украинские песни. До встречи с Иваном я почти ничего не знал о жизни в СССР. Большую часть боевых операций

ДРУЖБА — PRIATEL'STVO

Ивана Павловича Крупенина ребята нашли довольно быстро — через горвоенкомат. Пришли к нему ребята в проектный институт, где он работает. «Иван Павлович, — говорят, — а вас из Чехословакии разыскивают». Он сначала растерялся: «Кто?» Тогда ребята протянули ему фотографию.

Долго смотрел на старую карточку Иван Павлович. Тридцать лет тому назад, в конце войны, сделан этот снимок. Трудно узнать себя в худощавом молодом человеке, что похож скорее на рабочего, чем на партизана, — старый свитер, мятый пиджачишко... Эту одежду дали ему словацкие крестьяне, когда он бежал из фашистского лагеря для военнопленных...

Рассказывает
Иван Павлович Крупенин:

— В начале июня тысяча девятьсот сорок четвертого года во время налета американской авиации на город Брюкс я с группой военнопленных бежал из лагеря. Стали пробираться на восток. Натолкнулись на полицейский патруль. Пришлось рассредоточиться в лесу. Преследователи меня не догнали, но и товарищей своих я уже не нашел. После этого шел только ночью, днем прятался в лесу.

мы провели вместе, рядом спали, ели одной ложкой... Только в том бою, о котором я хочу рассказать, Иван не участвовал — он заболел, и я устроил его на лечение неподалеку от деревни Лютов. Женщины в этой деревне хорошо врачевали, особенно огнестрельные раны. Знаете, почему? Рядом с Лютовым были господские леса. Охотиться в них крестьянам было запрещено под страхом смерти. Но отчаянные головы все равно бродили по лесам. Случалось, господские егеря стреляли в них. Раненым приходилось скрываться не только от жандармов и лесничих, но и от врачей. Вот их и лечили жены да матери...

12 февраля 1945 года во время боя меня ранили в ногу. Товарищи помогли добраться до леса. Нас преследовали с собаками. Потом стемнело, началась метель, и товарищи потеряли меня в темноте.

На третий день рано утром (это уж я потом узнал, что на третий) я увидел деревню. С трудом добрался до дома Яна Ведея, нашего связного. Перевалился через порог и потерял сознание. Очнулся — слышу, женщины плачут, причитают: «Что с нами будет? Пропали мы, пропали...» Оказывается, за день до моего появления гестаповцы арестовали в этой деревне восемнадцать человек и пригрозили: если деревня еще раз окажет по-

Старая партизанская фотография. Крайний справа — Самуил Бахар. Слева — Иван Крупенин.

ДРУЖБА — PRIATEL'STVO

бежит: «Немец!» Я к окну. Вижу: посреди улицы вразвалку идет немецкий солдат. Автомат за плечом дулом вниз, руки в карманах... Говорю ребятам: «Возьмите его, только без шума...» Взяли. Оказался дезертир, вдобавок пьяный. Пока мы с этим немцем возились, Само на всякий случай в корыто положили, отнесли в сарай и картошкой засыпали...

Из письма полковника
Самуила Бахара:

«...Под вечер привели коня, меня посадили, сзади еще товарищ сел — за спину поддерживать. Ночью приехали

в горы, там у нас пещера была. У меня опять боли начались, стал бредить. Утром Иван подходит ко мне и говорит: «Крепись, Само, немцы тут неподалеку тропу протопали — отступают...» Немного погодя опять подходит: «Не волнуйся, Само, хорошая весть: мать верные люди прячут, привет тебе шлет...»

После таких «лекарств» я спал подряд восемнадцать часов. Проснулся — Иван протягивает хлеб с колбасой. Я удивился: «Откуда?...» А Иван говорит: «Ешь, Само, поправляйся. В городе раздобыли...»

Понятно теперь, почему я одного из сыновей Иваном назвал?»

Александр Крестинский

Я приехал в Закарпатье той октябрьской порой, когда кажется, что кто-то щедрой рукой вылил на поля чистые краски осени и они свободно льются по крутым склонам Карпат и вот-вот затопят долины...

Да, много видел я красивых мест, быть может, даже более красивых, чем те, где я теперь оказался, но такой яркой, такой богатой оттенками осени я не видел нигде. Наверное, не следует этому удивляться, если издавна на всю Европу славятся местные леса такими редкими породами, как бук, ясень, граб, тис, не говоря уже о том, что здесь и дуб, и клен, а ели — таких высоких, стройных, с темно-зеленой лоснящейся хвоей елей не встретишь на всем свете; но, даже зная все это, нельзя не восхититься, когда синие издали горы становятся вблизи пестрыми, как тканые ковры и рушники гуцулов. Эти же краски царят и на вышитой одежде местных жителей.

В краю, где такая осень, не может быть унылых и скучных людей. И правда, здесь живет веселое, лихое племя лесорубов и сплавщиков леса. Где бы я ни повстречал мужчин — на автостанции, в пути, в столовой, — тут же непременно присутствовал топор с длинным топорищем, деревянная трубка с длинным мундштуком и лукавый взгляд из-под коротких полей

РЯДОМ С ТИМУРОМ

ГЕННАДИЙ ЧЕРКАШИН

шляпы-кресани. Наверное, точно так же выглядели опричники неуловимого Олексы Довбуша, разве только рукоятки пистолей еще торчали из-за широкого пояса-череса. Признаюсь, с первого дня, а может быть, и часа, я полюбил этот край и людей, которые в нем живут...

Как это часто случается в горах, шоссе прижималось к реке, повторяя чуть ли не все ее изгибы, отчего в автобусе, несмотря на работающий мотор, слышалось глухое журчание воды. Из окна автобуса я наслаждался видом осенних гор и серебристой, как рыба чешуя, Тисой. Я не оговорился: это сходство с рыбьей чешуей создавалось из-за сильного течения и того огромного количества мелких камней, которые вода встречала на своем пути.

В это время года Тису легко перейти вброд.

А ведь было время, когда по Тисе сплавляли в Дунай лес, который заготавливают в горах. Лес сплавляли по средам — целую неделю для этого за высокими плотинами в верховьях Белой и Черной Тисы накапливали воду. Вот уже шесть лет лес таким образом не сплавляют, а говорят, зрелище было грандиозное: несущаяся со страшной скоростью высокая вода «повидь», а на гребне ее — лихие плотогоны. Я видел, как петляет в этих местах Тиса, и мне кажется, что провести здесь плоты требует большего мастерства, чем завоевать первенство мира по гигантскому слалому.

Я потому так подробно пишу о Тисе, что причина моей поездки в Закарпатье самым тесным образом связана с этой рекой. И еще с Колей Бернардом — тем украинским пионером, которому на Всесоюзном слете пионеров в Ленинграде вручили юбилейную медаль «К столетию со дня рождения В. И. Ленина».

Постоянные читатели «Пионерской правды», наверное, помнят эту историю, о ней писала газета в 1970 году. Расскажу ее кратко для тех, кто пропустил этот номер. . .

Случилось это той же весной, в мае. А еще точнее — четырнадцатого мая. Уже летние каникулы были не за горами, уже в долинах отцветали яблони, а на Карпатах все еще лежал снег. Редко такое бывает, редко так долго задерживается снег — быть может, раз в двадцать лет или пятьдесят, — но то, что случилось дальше, случается еще реже — быть может, раз в сто лет — на горы обрушился ливень. Наверное, теперь только специалисты-метеорологи еще помнят, откуда пришли тучи, но ясно, что пришли они из теплых краев, потому что ливень был теплый и теплая вода в один миг растопила тот снег, который лежал в горах. А уже наступала ночь, и люди в долинах, ничего не подозревая, спокойно укладывались спать, и то здесь, то там гасли в избах огни. . .

Было часа четыре ночи, когда раздался громкий стук в окно. Открыла дверь Анна Федоровна — мать Коли, отец — Петро Михайлович, лесоруб — уже был в горах, на лесоповале. На пороге стоял совершенно мокрый школьный завхоз Василий Михайлович Малер.

— Ой, Анна Федоровна, беда идет. Вода! Будите Колю, будем спасать школьное имущество.

Коля, слышавший весь разговор, уже одевался. Через открытую дверь хорошо был слышен необычный, все нарастающий гул — даже по средам, в день повидя, гул был намного слабее.

— Огородами, Коля! — крикнул Василий Михайлович. — По шоссе уже не пройдем.

В руках он держал фонарь, но плотная стена воды не давала никакой возможности увидеть даже на два шага вперед.

Они перелезли через последний плетень и оказались во дворе школы. Здесь, на пригорке у сараев, еще было сухо, но у школьных стен, уже всю плескалась вода. Они бросились к учительской. Воды было по пояс.

Холодной, нет, ледяной воды. Та вода, которая падала сверху, казалась теперь удивительно теплой. Пока Василий Михайлович открывал дверь, Коля держал фонарь. Наконец дверь поддалась. Фонарь осветил плавающие стулья и черную воду, которая подобралась к крышкам столов. На столах, аккуратно разложенные, лежали классные журналы, тетради, листки с контрольными работами.

— Тащи все в сарай! — крикнул Василий Михайлович. Сам он подхватил школьную радиолу. — Да быстрее, вишь как вода прибывает.

Один, другой, третий, четвертый рейс в учительскую. . . А еще оставался запертым кабинет директора. И имеющиеся у Василия Михайловича ключи не подходили. Попробовали взломать, но безуспешно. Воды уже было по грудь. И чувствовалось, как быстро она прибывает.

— Всё, шабаш! — крикнул Василий Михайлович, отступая от двери. — Тикаем, пока не утонули.

Мимо школьных стен уже плыли бревна, вырванные с корнем деревья, обрывки плетней. Взывая о помощи, по ту сторону Тисы ни на секунду не умолкал колокол. Со звоном разбилось стекло, — наверное, бревно угодило в окно. Василий Михайлович тяжело дышал.

— Спасибо тебе, хлопчик. Все, что смогли, мы с тобой спасли. Все имущество, какое можно, — хрипло проговорил он и вздохнул. — Эх, жаль: школа гибнет!

Стоя рядом, Коля пытался унять дрожь. После ледяной воды зуб не попадал на зуб. Но теперь уже можно было идти домой. Обтереться полотенцем. Переодеться в сухое. И выпить горячего молока. Он уже хотел попрощаться с Василием Михайловичем, но тут до него дошла эта фраза: «Школа гибнет». И тогда он вспомнил то, о чем забыл, помогая Василию Михайловичу, но о чем забывать нельзя, о чем ему никогда забывать нельзя, — он вспомнил, что именно его — Колю Бернара — выбрали пионеры своим знаменосцем, и зная это сейчас погибнет в пионерской комнате. «Что же я скажу завтра ребятам, когда они спросят, где наше знамя?» — еще успел подумать он и бросился в воду.

— Куда? . . . Потонешь!!! — услышал он за своей спиной, но не обернулся и не замедлил шага. Подхватив попавшуюся на пути палку, он выбил ею окно и прыгнул в коридор. Загребая руками, стараясь не открывать рта, чтобы не наглотаться грязной воды, он пробирался вперед — в класс, где стояло знамя. Он отворил дверь и чуть не захлебнулся — вода в классе стояла выше, чем в коридоре. Где-то чуть ли не под потолком плавали парты. Зацепившись за ручку, он удержался и, немного повременив, смог войти в класс. Знамя стояло в углу. Он дошел до него, цепляясь за парты, подхватил и поспешил назад. Вот и выбитое стекло в окне.

— Давай руку, — услышал он голос Василия Михайловича. Тот ждал его за окном, где даже ему вода доходила уже до подбородка. — Давай руку. . .

На сухом месте Василий Михайлович осветил фонарем знамя. И тогда среди гула взбесившейся воды, среди тревожного колокольного звона, среди криков, которые доносились из домов, люди, стоящие поодаль, увидели, как в черном предрассветном воздухе вдруг проступило яркое багровое пятно, и невольно вспомнили о легендарных повстанцах Олексы Довбуша, о крови, которую они пролили за народную свободу.

Не знаю, так ли подумали люди, которые стояли на холмах. Знаю только, что, освещая фонарем знамя, Василий Михайлович думал о том, что

Коля не умеет плавать. Это он сказал потом, когда мы стояли во дворе школы и я смотрел на розовую стену, где наводнение оставило свой след, — вся часть стены, находившаяся тогда под водой, была другой, более темного оттенка. И когда я подошел к стене, то граница этой темной полосы оказалась выше моей головы. Сам Коля во время нашей беседы почти ничего не говорил, стоял рядом, краснел, испытывая страшную неловкость, и только тогда пришел в себя, когда мы остались одни и он смог мне заявить, что никакого подвига он не совершал.

— Ну как же я мог поступить по-другому?! — говорил он и удивленно качал головой. — Вот если бы я не спас, тогда бы вы могли прозвать меня трусом, а так я сделал то, что должен был сделать каждый на моем месте, разве ж не так?

Что я мог сказать ему по этому поводу... В школе я видел письма, которые ему прислали его ровесники со всех концов нашей страны, и чуть ли не каждое начиналось словами: «Дорогой Коля, ты совершил подвиг!..» Правда, далее содержание писем разнилось: одни ребята писали, что завидуют ему, другие хотели, чтобы Коля научил их совершить хотя бы по одному подвигу, третьи просили его рассказать о себе, о своей жизни, чтобы они, подражая ему, «живя как он», тоже смогли совершить такой же поступок...

Что ж, я мог бы, пожалуй, рассказать этим ребятам, как живет Коля в небогатой избе потомственного лесоруба, где всего-навсего две небольшие комнаты; в семье, где трудятся с самого раннего детства и до поздней старости, где иметь мозоли на руках в семилетнем возрасте так же естественно, как знать буквы алфавита. Я мог бы долго рассказывать о сильных крупных руках сегодняшнего девятиклассника, в которых утонула моя рука потомственного горожанина; о том, что все лето он с отцом и матерью вставал в четыре утра и косил сено, потому что, накопив девять копниц сена для совхоза, можно десятую копицу накосить для своей коровы, а десять копниц — это пятьдесят центнеров сена, но я не буду об этом рассказывать, — как я успел заметить, так живут чуть ли не все местные ребята. И что удивительно, несмотря на это, в восьмилетке села Луг Раховского района уже несколько лет нет ни одного второгодника, а за последние три года почти не осталось троечников. В этой школе самое обычное дело — встретить класс, где учатся только на «четыре» и «пять». Я видел табель Коли. Он круглый отличник. И за весь год всего один пропущенный день. Да, многие ребята живут так же, как и Коля, но все ли они поступили бы в аналогичной ситуации так же, как он?

Должен сказать, что, когда пришла беда, далеко не все взрослые повели себя одинаково. Одни из них — те, у кого дома остались в безопасности, — поспешили на помощь своим попавшим в беду односельчанам, а другие занялись совершенно противоположным делом — они бросились к магазинам и стали вылавливать товары, которые выплывали через разбитые окна и двери. Правда, таких людей нашлось немного. А ведь тоже, поди, рисковали жизнью...

«Так где же проходит водораздел, определяющий поступки людей?» — вот о чем думал я, шагая рядом с Колей по шоссе. И в лицо нам било солнце. И за металлической сеткой, протянутой вдоль обочины, ослепительно сверкала Тиса. И на том берегу какая-то женщина полоскала белые простыни. И эта металлическая сетка, и полоска вспаханной земли за ней говорили о том, что здесь проходит граница, и женщина на том берегу уже была подданной Румынии — здесь все было ясно, все определено, и ничто не

могло изменить этой определенности, даже вышедшая из берегов Тиса. И я злился на себя. Злился за то, что не могу так же четко определить, отчего, по какой причине одни люди живут для других и ради других, а другие только для себя и ради себя.

Вскоре подошел автобус, и, попрощавшись с Колей, я уехал, так и не ответив на его вопрос. Недавно, перечитывая воспоминания Константина Георгиевича Паустовского об Аркадии Петровиче Гайдаре, я снова вспомнил наш разговор с Колей. Паустовский описывает такой случай. Однажды они гуляли с Гайдаром по Ялте и вдруг увидели, что в саду выбило из водопроводной трубы кран и струя разрушает клумбу с цветами и грозит уничтожить весь сад. «Гайдар подбежал к трубе, примерился и зажал трубу ладонью. Поток воды остановился. По лицу Гайдара, — писал Паустовский, — я видел, что он сдерживает мощное давление из последних сил, что ему невыносимо больно. Потом Гайдар долго тяжело дышал. Ладонь у него была окровавлена. Но он был очень радостно настроен — не потому, конечно, что проверил свою силу, а потому, что ему удалось спасти маленький чудесный сад... Благодарить его нельзя было. Он очень сердился, когда его благодарили за помощь».

Так жил капитан детской литературы. Такими же были его герои. Он поселил их в одном из подмосковных дачных поселков, он дал им в командиры Тимура, но так велика была сила таланта, что он создал героев, достойных своего времени, и они сошли с книжных страниц прямо в жизнь... Такие ребята есть в каждом городе и, наверное, в каждой школе.

Аркадий Петрович Гайдар верил, что поступки его тимуровцев станут обычной нормой поведения советских пионеров.

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВ

— Несправедливо, — обиженно бубнил Генка, когда мы шли из школы. — Зачем же сразу единицу? Ну, поставил бы двойку. Чем плохая отметка? Нет, надо обязательно единицу!

И хотя я не понимал, какая в общем-то разница между двойкой и единицей, но я молчал. Сегодня, когда на последнем уроке дежурный раздал

нам дневники, Генка и обнаружил в нем эту мерзкую цифру. А я, как назло, получил пятерку, и мне было как-то неловко.

— И ведь что обидно, — продолжал он кипятиться. — Изложение-то домашнее. Я ведь мог и бабушку попросить проверить. Или вон Славик, сосед — лауреат конкурса баянистов. Он бы мог все до последней помарочки исправить. Так нет, я сам все сделал, по-честному. Никого не просил. И вот тебе — кол. Эх, плакал теперь мой велосипед. Несправедливо!

Дело в том, что Генкины родители обещали купить ему складной велосипед, если он закончит месяц без троек. Все шло отлично, Генка старался изо всех сил и даже каким-то чудом получил пятерку по рисованию за композицию «Чайник и груша». И вот, когда месяц почти прошел, все летело насмарку.

— Я ее уничтожу, — вдруг угрюмо сказал Генка.

— Кого? — не понял я.

— Единицу. Сотру, и все тут. Бензином выведу. Или скипидаром.

— Ты что, Генка! Хуже будет.

— Хуже не будет. В журнале она все равно останется. А дневник — что. Ерунда. Забудется, может, потом. Ты же знаешь, какой Николай Михайлович рассеянный. Главное, чтоб папа ее не увидел. У тебя бензин есть?

Честное слово, если б я сам не получил пятерку и если б не знал, как Генке хочется иметь складной велосипед, я бы ни за что не согласился. А так я сказал:

— Зачем же бензином. Грязь только разводить. У меня дома есть специальный пятновыводитель. «Минутка» называется. Отличная штука. Мне папа ей так брюки вычистил, что лучше любой химчистки.

— А чернила она возьмет?

— Конечно. Что угодно возьмет. Универсальное средство. У меня на правой штанине пятно с кулак было. А сейчас и следа не осталось.

— Так идем скорей к тебе, — нетерпеливо сказал Генка.

Перед тем как начать действовать, мы изучили инструкцию.

— «Выжмите на пятно небольшое количество пасты и разотрите ее тонким слоем, — читал я. — Пасте дайте полностью высохнуть и оставшийся порошок очистите щеткой».

— Как просто, — сказал Генка и открыл дневник.

Когда паста подсохла, я взял щетку и счистил порошок. Генка впился глазами в дневник. Но проклятая единица и не думала исчезать. Правда, она слегка побледнела, стала тоньше, потеряв свой воинственный вид.

— Эх ты! — расстроился Генка. — «Универсальное средство».

— Мало, наверно, держали, — сказал я. — Не успела схватить.

— Думаешь? Ну, давай еще раз. Чего уж теперь.

После второго раза единица побледнела еще больше и при этом стала зеленой. К тому же бумага вокруг нее поблекла, а по краям сделалась желтой.

— Послушался я тебя, — хмуро сказал Генка. — Говорил же, что бензином надо.

— Слушай, — сказал я, — а может, растворителем красок попробовать? Уж если краски растворяет, то чернила-то должен взять.

— Давай, — махнул рукой Генка. — Все равно теперь.

Растворитель и вправду оказался хорошим средством. Единица сразу исчезла. Но что получилось на ее месте! Бумага сделалась бурой с желтыми разводами и покрылась буграми. В отчаянии мы испробовали керосин, оде-

колон, бензин, хозяйственное мыло и даже стиральный порошок «Новость». А когда я предложил паяльную кислоту, Генка сказал:

— Хватит. Эксперимент окончен.

Страница переливала всеми цветами радуги, а от дневника пахло автомобильной мастерской и парфюмерным магазином, вместе взятыми.

— Пойду домой. Все равно теперь. — Генка засунул дневник в портфель. — Серега, пойдем со мной, а? На всякий случай.

Первое, что мы увидели, когда вошли в Генкину квартиру, был велосипед. Новенький, бирюзового цвета, с еще не оттертым маслом на спицах и ободах. Из комнаты вышел улыбающийся Генкин папа Юрий Павлович.

— Привет, молодежь, — весело сказал он. — Ну, Генка, везет тебе, честное слово. Посмотри, какого коня я тебе привел. Совершенно случайно наткнулся. Конец месяца, понимаешь. А так ведь ни за что не купить.

Услышав про конец месяца, Генка вздрогнул.

— Да что ты стоишь как истукан, — продолжал Юрий Павлович. — Не рад, что ли?

— Рад, — кисло сказал Генка.

— Ну так спасибо хоть скажи.

— Спасибо.

Юрий Павлович слегка нахмурился и внимательно посмотрел на Генку.

— Что случилось? Может, ты мне наконец объяснишь?

Генка молчал.

— Тогда, может быть, ты, Сережа, молвишь слово?

Я тоже молчал.

— Ну, хорошо, — сказал Юрий Павлович нехорошим голосом. — Начнем все по порядку. Какие новости на учебном фронте? Покажи-ка, кстати, дневник.

Генка обреченно полез в портфель. Юрий Павлович подозрительно потянул носом воздух и открыл дневник.

— Что это за абстрактная живопись?

— Это не живопись, — мрачно сказал Генка. — Тут это... оценка стояла.

— Какая оценка? — ласково спросил Юрий Павлович.

— Единица, — выдавил Генка.

— Ах, единица. Прекрасно! Значит, двоек тебе уже не ставят. Это слишком много. Тебе ставят единицы. А ты бежишь и производишь над ними химические опыты. Ради науки, конечно. Выходит, мой сын не только двоечник, не только единичник, но он еще и трус! Трус и обманщик! А ты, Сергей, думаешь, что ты друг этому субъекту? Нет, ты сообщник. Ну, вот что. Завтра же перед уроками ты подойдешь к учителю, все расскажешь и слезно попросишь, восстановить единицу в дневник. Да попроси, чтоб пожирнее поставил. И красными чернилами. И никакого велосипеда! Продам. Завтра же продам!

Юрий Павлович еще много всякого говорил, а в комнате стоял запах бензина и одеколона «Северное сияние»...

На другой день в школе мы стояли перед учителем.

— Николай Михайлович, — сказал Генка, — поставьте, пожалуйста, мне единицу назад.

Николай Михайлович оторвался от журнала и вопросительно посмотрел на Генку.

— Единицу? Какую единицу?

— Ну ту, что вы мне за домашнее изложение поставили.

— Постой, постой. Никакой единицы я тебе не ставил. А за изложение у тебя четверка. Очень прилично написано. Всего одна ошибка.

— Как не ставили?! — Генка вытаращил глаза. — А в дневнике? Там же была единица, я же видел!..

И Генка, запинаясь, рассказал все, как было.

Николай Михайлович слегка задумался, а потом сказал:

— Понимаешь, ручка у меня что-то барахлит. То пишет, то не пишет. Вот хвостик у твоей четверки, наверное, и не дописался. А ты, не разобравшись что к чему, побежал ее выводить. Это, дружок, называется — сам себя высек.

— Хвостик, — растерянно сказал Генка и икнул.

Велосипед Генкин папа все-таки не продал.

А ко Дню учителя мы подарили Николаю Михайловичу новую авторучку.

ГАЩУКИ ИЗ КАРАГАЯ

Поселок Карагай — высоко в горах. В одну сторону глянешь — виден Восточный Казахстан, в другую посмотришь — Горный Алтай. Простор...

Карагай — на местном наречии — черный лес. Но это зимой — черный, а летом здесь все кругом — зеленое да голубое, а осенью — золотое...

— О ком написать? — спросили меня в Карагае. — Да напишите о Гащуках. Вся семья телят выращивает.

Я пошла к Гащукам... А они с самого раннего утра — в телятнике. Гащуков — семеро: мама и шесть ребят — трое мальчишек и трое девчонок. Коля, Володя, Миша, Оля, Валя, Наташа... Мама — Галина Маркеловна — на ферме телятница, ребята у нее в помощниках.

Длинный телятник разгорожен на большие клетки. В клетках лежат и стоят пестро-красные телята. Один сосет белое ухо соседа, другой лижет у собрата рыжий бочок, третий учится ходить, да копытца разъезжаются, четвертый уж и скакать пробует. А вот две маленькие клетки. В одной лежат три теленочка. От мокрой шерсти идет пар. Это — новорожденные... В другой — изолятор, здесь — больные. Над обеими клетками низко подвешены обогревательные лампы...

Галина Маркеловна греет телятам молоко и пойло, ребята разносят ведерки и кормят телят. Новорожденных поят из соски. Потом Володя приносит сено — для телят постарше, Коля убирает клетки, Миша запрягает коня — вывозит навоз. Девочки чистят телят. Всем работы много...

А знаете как зовут телят? Клички дают сами ребята. У Оли все вкусные: Ранетка, Конфетка, Ягодка. У Миши — Медведь, Апрель. У Наташи, к примеру, — Космонавт...

Окрепнут телята — мальчики отправляются с ними на горное пастбище, там — походный лагерь.

— Не боитесь одни? — спросила я. — А вдруг медведь...

— Медведь не тронет, — сказал Володя. — Мы его не раз близко видели. Да и нас — трое...

Приходит осень, а с ней Гащукам — волнения: нужно сдавать телят государству, держать настоящий экзамен. Все телята должны быть на круглую пятерку.

Потом — начнутся занятия в школе, уроки, и будут снова телята, но уже другие...

*З. Пирогова, спецкор «Зеленых страниц»,
поселок Карагай Горно-Алтайской области*

НЕРАЗГАДАННАЯ ЗАГАДКА

Во время похода по Амуру мы увидели на камнях близ села Сикочи-Алян наскальные рисунки, сделанные тысячи лет назад. На большущем валуне были изображены сорок гребцов, сидящих в лодке, и два лица нанайского типа. Загадка этих рисунков не разгадана до сих пор...

*Юнкор Толя Слодобаев,
Комсомольск на Амуре*

СПАСАЛИ МАЛЬКОВ

Мы живем на Енисее. Летом мы рыбачили на острове и натолкнулись на пойменное озеро. Оно кишело мальками. На другой день мы собрали ребят из нашей 29-й школы: Андрея Белокопытова, Сашу Проворного, Женю Добрынина, Сережу Шестакова, зашли к общественному инспектору рыбоохраны Дмитрию Михайловичу Майкову и все вместе, захватив лопаты, отправились на остров. Пришлось выкопать канаву длиной в тридцать пять метров. Работу закончили к вечеру, и много мальков выпустили. Наутро вода в Енисее спала и канава пересохла, пришлось копать заново. Всего мы сделали одиннадцать выходов на остров. По подсчетам ихтиологов, спасено 50 000 мальков хариуса, окуня, ельца...

На торжественной линейке заместитель начальника управления «Енисейрыбвод» Геннадий Яковлевич Силачев и старший ихтиолог Тамара Васильевна Зотова вручили нам подарки.

Юнкоры Боря и Сережа Шинкаревы,
Красноярск

ТУК - ТУК

ИЛИ
СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ
СТАРОГО ДЯТЕЛА

Дорогой дятел!

Дома я выращиваю комнатные цветы. Очень хочу посадить и вырастить лимон, но не знаю как. Прошу рассказать о том, как посадить лимон? Какой уход за лимоном нужен?

Лариса З.
город Навашино Горьковской области

*Тук - тук,
дорогая Лариса!*

Советую тебе прочитать книгу «Комнатные растения». Книга выпущена в свет издательством «Московский рабочий» в 1957 году, автор ее — Зинаида Николаевна Цветаева.

В этой книге ты найдешь много интересного и о лимоне и о других комнатных растениях.

Старый Дятел,
заведующий справочным отделом

SOS! SOS! SOS! SOS! SOS! SOS! SOS! SOS! SOS! SOS! SOS!

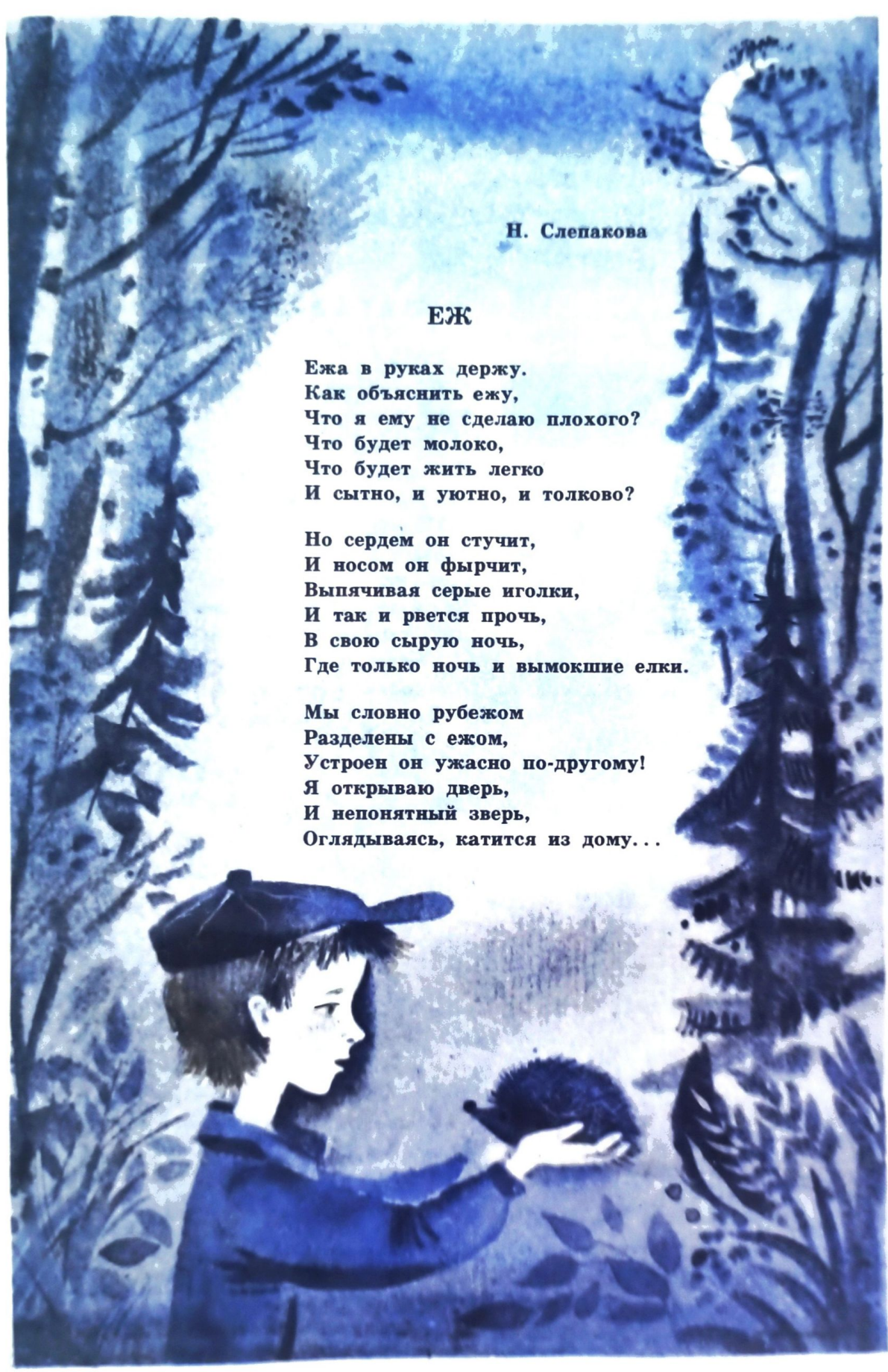

МУРАВЕЙНЫЕ БРАКОНЬЕРЫ

Наша школа стоит в парке, точно в лесу. Вокруг много муравейников. Каждый человек знает, что муравей — безобидное и очень полезное существо. Но многие мальчишки из нашей школы не понимают этого. Они разоряют муравейники и убивают их жителей. В нашем «Зеленом патруле» — девочки. Мы много раз прекращали безобразия муравейных браконьеров и даже вступали в драку. Но они — ноль внимания. Сообщаем имена муравейных браконьеров: Гена А., Андрей М., Игорь И., Гена Д., Гена А. Думаем, что они узнают себя и это повлияет на них как-нибудь. Тогда муравьи не будут знать обиды от рук человека.

Инна Бурикова, 6-й класс,
Харьков

«ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ» «ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ»

Н. Слепакова

ЕЖ

Ежа в руках держу.
Как объяснить ежу,
Что я ему не сделаю плохого?
Что будет молоко,
Что будет жить легко
И сытно, и уютно, и толково?

Но сердцем он стучит,
И носом он фырчит,
Выпячивая серые иголки,
И так и рвется прочь,
В свою сырую ночь,
Где только ночь и вымокшие елки.

Мы словно рубежом
Разделены с ежом,
Устроен он ужасно по-другому!
Я открываю дверь,
И непонятный зверь,
Оглядываясь, катится из дому...

ДОМАШНИЕ ЗАДАНИЯ

ЗАГАДОЧНОЕ ПИСЬМО

К вождю индейского племени пришел человек издалека и молча подал ему плетеный пояс. На поясе висели веревки с узелками. А к веревкам были привязаны самые разные предметы.

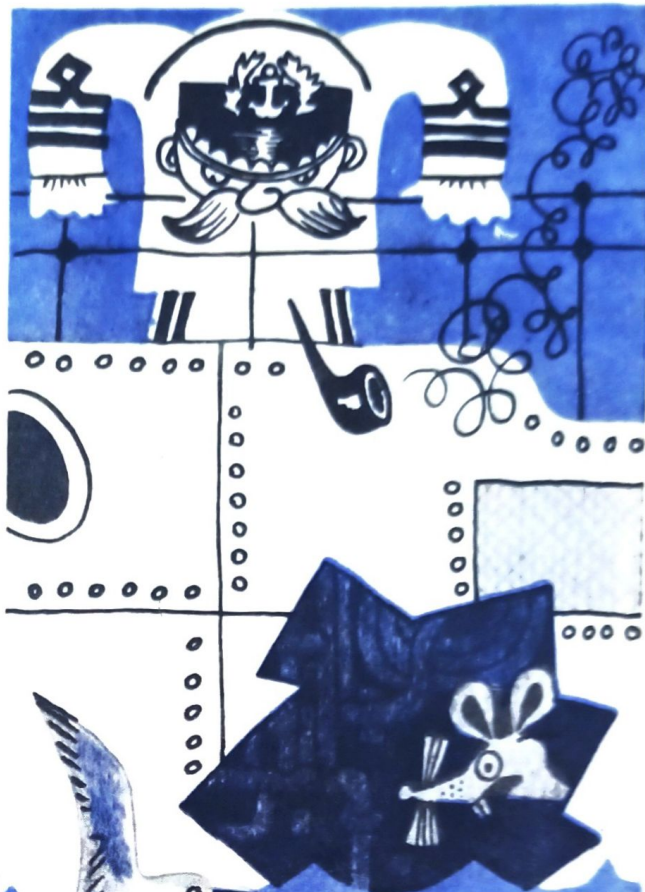
Три дня вождь сидел в своем вигваме и курил трубку, а на четвертый составил ответ и передал посланцу другой пояс с веревками, узелками и предметами. Посланец прочитал ответ, побледнел и удалился.

Хорошенько подумайте, что может означать число узелков на каждой веревке, и тогда вы тоже сумеете прочесть эту дипломатическую переписку.

БАЛЛАДА ОБ ОДНОМ КАПИТАНЕ

Один капитан,
Один капитан
Решил до утра вздремнуть.
А ранним утром один капитан
За борт решил взглянуть.
Один капитан,
Осмотрев пароход,
Увидел в его борту
Пробоину
В виде огромных ворот
И рупор поднес ко рту.
И сказал капитан,
Капитан один:
«Я вынужден стать на ремонт.
Но хотел бы я знать:
Какая из льдин
Пробила наш левый борт?»

Александр Крестинский

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег,
Первый снег
Неожиданно накатит,
И дыханье перехватит,
Потому что первый снег...

В нем такая чистота —
Ни единого накрапа!
На пороге зябнет лапа
Осторожного кота...

Первый снег,
Первый снег
Горячит воображение —
Все отчаянней круженье,
Все стремительней разбег!

В нем такая белизна,
Что глазам светло и больно,
И звонок не слышен школьный
У метельного окна...

Первый снег,
Первый снег,
Он живет ужасно мало:
Только выпал — и не стало,
В лужах кружит человек...

Торопись, покуда густ
Первый снег, — он снег особый!
Окупись в него! Попробуй
На ожог!

На вкус!

На хруст!

ВТОРАЯ ЗИМА ЧЕТВЕРТЬ

РАСПИСАНИЕ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ

Урок географии — путешествие на Чукотку

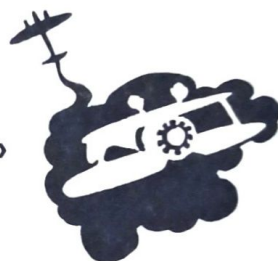
Наш КИД

Случай в музее

Переменка

Урок биологии, или «Зеленые страницы»

Большой сбор у «Барабана»

Урок мужества, или История одного поиска

Морская газета

Письмо, написанное после уроков

Новогодняя елка

Переменка

Трудная задача

Домашние задания, веселые и забавные

УЭЛЕНСКИЕ ДИПЛОМЫ

ВАЛЕРИЙ ВОСКОБОЙНИКОВ

На Чукотку можно плыть по морю и лететь на самолете. Летом интереснее плыть на теплоходе вдоль берегов. Кругом Тихий океан.

Можно встретить стадо китов. Если повезет, протяни руку с нижней палубы — и кит обольет ее своим фонтанчиком. Я встречал человека, который уверял, что ему повезло.

На берегу увидишь моржей. Огромные туши мяса со страшными клыками будут трубить вослед тебе. Теплоходу можно войти в бухту Провидения. Попадешь как бы в горное ущелье. С двух сторон коричневые скалы, а внизу — прозрачная зелено-голубая ровная вода.

Можно плыть дальше и войти в залив Лаврентия. А можно пройти мимо Уэлена к мысу Дежнева, к Берингову проливу. Но не пытайтесь увидеть на берегу яранги — древние жилища чукчей и эскимосов. Их не разглядишь сегодня даже в самый мощный бинокль. Дома увидишь одноэтажные и трехэтажные. Радиомачты увидишь. Охотников-чукчей увидишь в моторных вельботах. Ты разглядываешь их, а они, тоже в бинокль, разглядывают тебя. А яранг уже нет на берегу. Есть только одна. В столице Чукотского национального округа — в Анадыре. Недалеко от нового Дворца пионеров. Ее показывают детям и приезжим, когда водят по залам музея. Она стоит рядом с макетом Билибинской атомной электростанции.

Кончается лето, и закрываются порты. На Чукотку остается один лишь вход — аэропорт в Анадыре.

Здесь приземляются огромные ИЛы из Москвы и Магадана. Отсюда взлетают легкие самолеты на лыжах в разные поселки округа — на мыс Шмидта, в бухту Лаврентия и на атомную электростанцию в Билибино.

Взглянешь на людей, ожидающих самолет, здесь его зовут «борт», и сразу поймешь, чем сегодня живет Чукотка.

Потому что рядом на скамейках сидят шахтеры, рыбаки, атомники, охотники-оленьеводы и солдаты-пограничники. При мне пограничники улетали домой. Два года они бдительно охраняли нашу далекую границу, а теперь демобилизовались. У каждого — небольшой коричневый чемодан. Энергичный молодой лейтенант стоял около кучи оленьих голов с рогами и вручал каждому солдату этот чукотский сувенир.

Солдаты так и шли к самолету — с чемоданчиками, неся впереди себя рогастые оленьи головы. Один солдат был с Кубани, другой — из Ташкента, третий — из Москвы. В своих домах на память о службе они прибьют рога к стенам. Будут смотреть на них и каждый день вспоминать Чукотку.

Любой корреспондент будет считать для себя позором, если не попадет в Уэлен.

Говорят, что художественный руководитель косторезной мастерской в Уэлене Аркадий Петрович Нестеров (это его псевдоним, у него есть и родное, чукотское имя) специально подсчитывает, сколько корреспондентов посетило этот поселок. Говорят, что мой друг и попутчик художник Беломлинский был сто сорок первым, а я, — значит, — сто сорок вторым.

В Уэлен мы летели на маленьком самолете из поселка Лаврентия.

— Пассажирского борта не будет, полетите дня через два, если, конечно, с погодой повезет, — говорили нам дежурные девушки на аэродроме.

— А если не повезет? — спросили мы на всякий случай.

— А если не повезет, то задержитесь здесь на две недели, может, и на месяц. Честно говоря, сейчас должно не повезти, погоду обещают плохую.

И тут мы увидели, что через все летное поле к маленькому, выкрашенному в красное самолету несут новые мягкие стулья.

Мы немедленно стали помогать нести эти стулья и внезапно узнали, что стулья летят в Уэлен, в косторезную мастерскую. Тут уж мы принялись стараться вовсю. Мы улыбались, брали интервью, упрасивали, умоляли, снова брали интервью и снова умоляли. Мы не отходили от дежурных девушек и летчиков, которые топтались около самолета.

И нас наконец взяли. Свободного места в самолете оставалось еще немало — вошло бы человека три, два с половиной.

Через сорок пять минут мы спрыгнули с самолета на лед в ровной, покрытой снегом лагуне. Поселок Уэлен стоял здесь же, на берегу, метрах в ста от самолета.

— — —

Чем же так знаменит этот небольшой поселок, где дома растянулись вдоль одной-единственной улицы? А улица расположена на невысокой полосе земли: с одной стороны — океан, с другой — лагуна. Так что иногда океанские волны перехлестывают через весь поселок и достают до лагуны.

В Уэлене живут и работают прославленные на весь мир чукотские косторезы. На длинном деревянном доме надпись: «Уэленская косторезная мастерская».

При входе — запах жженой кости. У самых дверей на крутящемся от электромотора наждачном круге человек обрабатывает грязно-коричневый моржовый клык.

Можно смотреть тысячу раз — и тысячу раз будешь удивляться тому, как превращает художник страшноватый моржовый бивень в благородную скульптуру или в миниатюрную картину, в которой есть и море, и льды, и моржи, и люди-охотники, и даже сказочный толстопузый злой дух.

С виду художники и скульпторы — самые обычные рабочие люди. Сидят себе за длинными столами, в фартуках, в очках, пожилые или молодые чукчи. В руках у одного тонкое сверло, оно крутится быстро, как у зубного врача в бормахине. Другой работает ножом.

Раньше, в царской России, у чукчей было одно имя. Оно заменяло все — и отчество и фамилию.

У старого мастера-костореза Куннукая в паспорте так и было написано: «Отчества и фамилии не имеет».

Куннукай делает из моржового клыка костяные ножи. Почти все ножи, которые показывают на выставках, дарят знаменитым композиторам и художникам, делал он, Куннукай. Потому что лучше него на Чукотке, пожалуй, никто не может сделать костяного ножа.

А картины, которые вырезает на клыке художник Иван Сейгутегин, я видел еще в Ленинграде, в музее Арктики.

Было время, когда чукчи не умели писать. Они были талантливыми художниками, но не имели бумаги. И тогда, как и многие древние народы, они писали свою историю на скалах. На стенах пещер, на скалистых обрывах вырубали они спящих на льдине моржей, веселящихся китов и портреты соплеменников — в легкой лодочке, сделанной из шкуры моржа, с гарпуном в руке, подкрадывающихся к опасному морскому зверю.

В Уэлене любят рисовать все. Мальчик детсадовской младшей группы сумеет подробно и точно изобразить моржа спящего и моржа плывущего, кита и тюленя. И многие с раннего детства рисуют так же хорошо, как рисовали их талантливые прапрадеды.

Но самые способные из уэленских художников работают в косторезной мастерской.

У Ивана Сейгутегина, например, и дед работал с моржовой костью, и отец. И сам он стал художником очень рано.

— Идешь по тундре и замечаешь, как олень бежит, или плывешь в море на байдарке и тоже все видишь. Потом дома, как вспомнишь — тут морж, тут лахтак рядом плыл, — и руки сами уже рисуют, — говорил Иван Сейгутегин. — У нас каждый ребенок болеет искусством.

Работы Ивана Сейгутегина отмечались медалями и на выставках ВДНХ, и в Японии, и в Будапеште.

Потом мы пришли в школу на обыкновенный урок труда. Пятиклассники были разделены на две группы.

Народная художница Елена Янку.

В одной группе с удовольствием строга́ли рубанком доски, размечали рейки, готовились построить табурет.

Другая группа сидела за длинным столом, таким же, как в косторезной мастерской. У каждого в руках было электрическое сверло или нож и куски моржовой кости, которые постепенно становились белым медведем, оленем или тюленем. У одной девочки тюлень получился очень красивым.

Я спросил, как ее зовут.

— Оля Сейгутегина, — ответила она.

— У тебя есть однофамилец, знаменитый художник Иван Сейгутегин, мы только что были у него в гостях. А скоро и ты станешь художницей, — пробовал пошутить я.

Оля промолчала: она увлеченно работала сверлом.

— Иван Сейгутегин — ее отец, — тихо сказал учитель.

Рисунками чукотских детей из Уэлена интересуются все: и журналы, и Академия педагогических наук.

«Просим отобрать самые-самые лучшие детские рисунки и немедленно их выслать», — такие письма приходят директору школы Валентине Николаевне часто.

— В каком классе у нас сегодня урок рисования? — спрашивает директор. — В пятом «а»? Соберите, пожалуйста, рисунки, пошлем их в Москву.

Мы разговорились с ребятами из шестого класса, и на вид многие казались застенчивыми и неуклюжими.

Но учительница сказала:

— А вы попробуйте с ними побороться. Многие из них легко уложат на землю взрослого мужчину.

Оказывается, все они учатся приемам самбо: ведь рядом — граница. Иногда на занятия с ними приезжают пограничники.

Многие шестиклассники легко и быстро разберут и соберут автомат, они делают это даже с закрытыми глазами.

Сначала я хотел записывать фамилии юных пограничников.

— Кто знает устройство автомата? — спрашивал я. — Поднимите руки. Руки подняло больше половины класса.

«Коля Тымнетын» — записывал я имя ближнего шестиклассника.

— А кто знает устройство рации и умеет с нею работать?

Снова поднимала руки половина класса.

Я записывал имя того, кто сидел близко от Коли, его звали Сережа Тымневакат.

— Фамилии вам записывать не обязательно, — тихо сказала учительница. — Вы лучше так и запишите: очень многие. А то придется давать длинный список. Несправедливо ведь про одних писать, а других забыть.

И девочки тоже поднимали руки вместе с мальчиками. Они знают, как обнаружить нарушителя, как скрытно проследить за ним. Теперь я уже не удивлялся, когда видел во многих домах Уэлена похвальные грамоты с печатью и подписями старших друзей ЮДП.

— — —

Уэлен — это не только поселок. Это еще и совхоз. Совхоз называется «Герой труда». И, как в любом совхозе, там бывают дни напряженной работы и дни праздника урожая.

Слава Чайвун.

Мы прилетели в Уэлен в середине декабря и как раз попали на день урожая.

«Какой урожай в декабре, когда дома заметает по самые окна?» — сразу же подумал я.

Конечно, там не растут пшеница или, например, рис. Даже капуста и картошка не станут расти в едва оттаявшей земле. Урожай здесь особенный — олений.

В начале декабря оленеводы сдают оленьё мясо государству.

А напряженные дни — это когда совхоз должен сдать государству шкурки песца.

Для того чтобы песцовая шкурка стала роскошно-серебристой, ее надо долго чистить и вычесывать. В эти дни не хватает в совхозе рабочих рук. И директор звонит в школу:

— Пришлите, пожалуйста, ваших девочек.

В тот вечер в школе был фестиваль дружбы народов. Ребята, одетые в национальные костюмы народов советских республик, пели песни на разных языках, плясали и читали стихи.

А через час артисты переоделись и пошли в мастерскую вычесывать песца.

Работа эта трудная. Все пропитано запахом керосина. В нем отмачивают шкурки. Каждую шкурку надо причесать раз пятьсот, может быть, тысячу.

А летом — другая работа. Китобойное судно подтаскивает к берегу кита. Гора китового мяса под лучами солнца может быстро испортиться. Эту гору надо скорее разделать. Разрезать на мелкие кусочки.

Тут уж работают все — и старики, и первоклассники.

Большими ножами для разделки кита работают чукотские дети умело и быстро. Особенно хорошо всегда работает на жиротопке семиклассница Валя Нутек.

В стороне от поселка, за лагуной, большая ферма песцов. В стороне — чтобы песец не подхватил от собак заразную болезнь, чтобы не заразил ею соседа.

У каждого песца своя отдельная

Петя Анос.

клетка, своя алюминиевая миска. Песцам требуется много травы — витаминов. Эту траву летом в тундре собирают девочки. А мальчики — те, у которых отцы пасут оленей, — летом идут в оленьи стада.

Летом, когда в тундре появляются грибы, уследить за тысячами оленей особенно трудно. И мальчики вместе со взрослыми оленеводами дежурят днем и светлой, солнечной, ночью.

И зимой и летом дети Чукотки постоянно заняты делом.

Мы успели познакомиться только с некоторыми кружками в уэленской школе имени Гагарина. А нас приглашали еще на занятия Клуба интернациональной дружбы, который ведет переписку со школьниками из ГДР и Чехословакии.

Нас звали поработать вместе с тимуровцами. Они как раз заготавливали растопку и уголь, чтобы принести в дома пенсионеров. А другие — кололи лед, чтобы превратить его в пресную воду и тоже отнести пенсионерам.

Солнце в Уэлене восходит на двенадцать часов раньше, чем в Москве.

И когда уэленский школьник садится за парту, московский как раз собирается спать.

— — —

Однажды собрались вместе старые и самые уважаемые люди поселка и решили, что каждому новорожденному чукотскому ребенку в Уэлене надо давать памятный диплом.

«Ты родился в суровом краю на Чукотке, в краю мужественных и трудолюбивых людей», — такими словами начинается этот диплом.

И когда я заходил в гости к чукотским ребятам, они показывали мне свои почетные грамоты от совхоза и пограничников. Рядом с ними на стенах висели почетные грамоты их родителей. Грамоты эти выдавали в Кремлевском Дворце съездов в Москве и в Монреале, в Канаде, в Токио и Праге.

И я сразу понимал, что матери и отцы этих детей — увлеченные труженики, талантливые художники, охотники и оленеводы.

А потом ребята доставали и осторожно показывали свои, уэленские дипломы.

«Гражданин! Да будут счастливы твои родители и горды тобой!» — так заканчивались эти дипломы.

ДАЛЬНИЕ СТАНЦИИ

ВОЛЬТ СУСЛОВ

На север, на запад, на юг, на восток
 Бегут и бегут километры дорог.
 Бегут мимо станций. А станций — не счесть!
 Каких пожелаешь — такие и есть.
 Подходит состав к полустанку АЛЕША,
 А где-то лежит полустанок СЕРЕЖА.
 Есть станция ЛЕНА, и ЛИЗА, и ЛЯЛЯ,
 И станция ДАРЬЯ, и станция ВАЛЯ.
 Мы ехали мимо, смотрели в окошко.
 Мелькали названия: КЛЮКВА, МОРОШКА...
 Потом появились КОВРИГА, БЛИНЫ,
 Потом — МАМАЛЫГА, потом — КАВУНЫ.
 Мы ели в БОРЩАХ аппетитное мясо
 И квас покупали на станции КВАСЫ.
 Вагоны бегут и бегут торопливо.
 Вот станция ВЕРБА. Вот станция ИВА.
 А сколько животных и птиц у дорог!..
 Есть станция БЕЛКА. А есть и СУРОК.
 Сидят вдоль путей, как в полях у межи:
 ГРАЧИ, СНЕГИРИ, СОЛОВЕЙКА, СТРИЖИ,
 ИНДЮК и ОРЕЛ, ЖУРАВЛИ и НЫРКИ,
 Немного проехал — попал в БАРСУКИ.
 Сегодня мы в ЛЕБЕДИ к лебедям едем,
 А завтра — в МЕДВЕДЬ, к настоящим медведям.
 На станции ЗУБРЫ стоим пять минут
 И дальше — скорее к платформе ВЕРБЛЮД!
 Верблюд так верблюд! Удивляться не будем.
 Уж если чему удивляться — то людям.
 Они ведь построили тут города,
 Дороги потом протянули сюда
 И дали названия станциям этим:
 ЗАБОЙЩИК, ГОРНЯК, АГРОНОМ, ЭНЕРГЕТИК,
 ШАХТЕР, МЕТАЛЛИСТ, ГИДРОУЗЕЛ, СТРОИТЕЛЬ...
 Вы едете мимо...
 Сойти не хотите?
 Слезайте, друзья! Поработайте с ними —
 И ваше на карте появится имя.

НАШ КИД

Сегодня
в нашем клубе
интернациональной
дружбы:

1. ЮГОСЛАВСКАЯ ДЕВОЧКА УЧИТСЯ В СССР.

В шестом «а» классе 117-й школы Драгану Сорич не отличишь от ровесниц, хотя родина Драганы — югославский город Шибеник.

«Какая ты счастливая, третий год учишься в СССР», — пишет подружке Сильвия. А Драгана и не скрывает своей радости: друзей и подруг в Ленинграде у нее не счесть.

Письма Драганы к Сильвии:

«Моя подруга Маша Цанова очень любит петь. Мы с Машей ходили высту-

пать под Новый год на празднике елки, пели русские и сербские песни!»

«...Рядом с нашим домом большой парк Лесотехнической академии, настоящий лес. Мы с Машей ходим там на лыжах, ведь Ленинград зимой весь

ДРУЖБА - ПРИЯТЕЛЬСТВО

в снегу. Я уже писала тебе, что мальчишки-одноклассники научили меня ходить на лыжах, кататься на финских санях».

«...В школе у меня по всем предметам пятерки. Вот только по алгебре бывают тройки. Но после уроков со мной занимаются Таня Королькова и Таня Шестакова. И я думаю, троек скоро не будет. Девочки даже хотят, чтобы я стала круглой отличницей... А помнишь, совсем недавно я писала тебе, что первые дни в четвертом классе ни слова не понимала по-русски? Спасибо учительнице Майе Николаевне и ребятам. Теперь я читаю по-русски почти так же, как по-сербски. Прочитала «Тимур и его команда»...»

«Своим подругам по классу я часто рассказываю про Югославию. Про наш родной Шибеник. Про героя-партизана Кончара. Вы по-прежнему приносите цветы на его могилу?

Ребята хотели бы получить фотографию наших мест».

НАШ КИД

2. С ЭТИМИ ГОРОДАМИ ФИНЛЯНДИИ МЫ ДРУЖИМ. РЕЗОЛЮЦИЯ СЪЕЗДА ПИОНЕРОВ ФИНЛЯНДИИ.

Хельсинки — Москва, Турку — Ленинград, Тампере — Киев, Лахти — Запорожье, Кеми — Волгоград, Котка — Таллин, Ювяскюля — Ярославль, Хяменлинна — Калинин, Каяни — Ростов, Вааса — Пярну, Оулу — Одесса, Пиетарсаари — Ялта, Риихимяки — Гусь-Хрустальный, Хювинкя — Павловский Посад, Ярвенпяя — Волхов, Яанекоски — Алушта, Эспоо — Гатчина, Рованиemi — Мурманск, Форсса — Серпухов, Пори — Рига, Лауритсала — Выборг.

В Финляндии кроме пионерской организации есть и другие детские органи-

зации, большинство — скаутского типа. Их поддерживают толстые кошельки и власти. Для скаутов — и летние лагеря, и усиленное питание, и спортивный инвентарь, и красивая форма... Этим воспитывают в духе, враждебном рабочему движению.

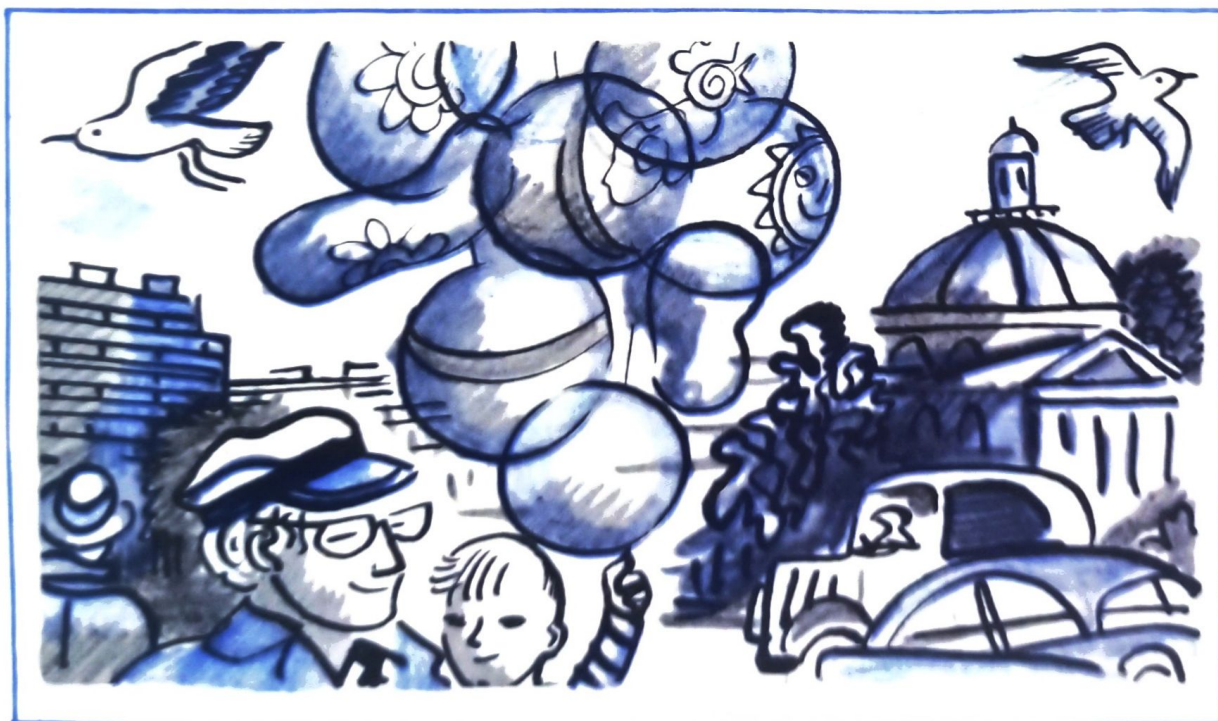
Организации пионеров помогает рабочий класс, потому что Союз пионеров — часть рабочего движения. Пионеры борются за свои права. В резолюции 9-го съезда Демократического союза пионеров Финляндии, записано:

«...У нас 25-летний путь деятельности, в который входили многочисленные интересные и достойные публичной информации события. Несмотря на это, радио и телевидение почти полностью бойкотировали пионерскую деятельность. За эти 25 лет пионерская деятельность отражалась на радио столько же, сколько деятельность скаутов за один месяц.

9-й съезд Демократического союза пионеров Финляндии предлагает совету правления радио разобраться, с какой стороны исходит это пренебрежение к пионерской организации и также другим детским организациям рабочего класса, и принять меры к достижению беспристрастия».

ДРУЖБА - YSTÄVYYS

3. ПИСАТЕЛЬ ВЛАДИМИР АРРО РАССКАЗЫВАЕТ О ФРАНЦУЗСКИХ МАЛЬЧИШКАХ.

Мальчишка на сезон

Когда меня спросили в «Костре», видел ли я на виноградниках Франции мальчишек, я воскликнул: «Ого! Не только видел, не только слышал, но и испытал, как говорится, на собственной шкуре!»

Вот перед вами симпатичная физиономия этакого ангела во плоти. Зовут его Макс, а прозвище знаете какое? Гроза! Потому что в следующую минуту, как только отвернется от него объектив фотоаппарата, он непременно залепит кому-нибудь виноградной кистью по шее.

ДРУЖБА — L'AMITIE

Только и слышишь на поле возмущенные возгласы: «Макс! Кристиан! Паскаль!»

Ах, дьяволы, сколько они винограду разбросали! Но только никто на них не сердится. Потому что ведь их тоже надо понять! Мы, взрослые, за девять часов работы внаклонку изнемогали от усталости, а каково было ребятам!

Была их в том поместье, где мы работали, целая ватага, большинство местные, а остальные из разных французских провинций и даже из соседних стран.

Как только наступает конец сентября, многие люди — чаще всего шахтеры — берут отпуска и едут на юг Франции целыми семьями: на заработки и, как они говорят, «отдыхать». Паскалик и его брат Жан Пьер приехали с родителями из-под Парижа, Пепите со своей семьей — из Испании, Марио — из Италии. И так они ездят из года в год на виноградный сезон.

Как-то Паскалик сказал одному нашему студенту, старательно срезавшему виноград ножом:

— Руками рви! Бистро, бистро!

Студент спросил:

— Не молод ли ты меня учить?

— Нет, не молод, — ответил Паскалик. — Для виноградника я — старик.

Местные крестьяне в шутку говорят про себя, что они и родились на винограднике.

Нет, я понимаю, наши школьники тоже помогают собирать урожай — ну, хлопок там или картошку, — и это правильно.

Но наши и не нюхали такого рабочего дня: от восхода солнца до захода. Да еще идти со взрослыми нужно вровень, а то надсмотрщик поставит в своей книжечке какой-нибудь крест — что из креста получится, неизвестно.

Я даже не знаю, чем бы эта мальчишня занималась в свободное время, если бы не приехала группа советских студентов.

Они буквально паслись около нас. В спальне нашей появлялись еще до подъема. Щекотали нас, хватали за ноги, стягивали одеяла. Стоило достать из чемодана какую-нибудь вещь, вся компания моментально сбегалась.

— Ну что, фотоаппарата не видели? Видели они, конечно, видели, только им бы посмотреть, какое оно все — советское.

Молодых иностранцев на винограднике было, как на каком-нибудь фестивале, а выбрали мальчуганы почему-то нас...

Когда миновала вторая неделя и наступили последние минуты работы, кто-то из наших стал громко отсчитывать время: осталось десять минут... восемь... пять... три... одна! Тут все закричали «ура», стали подбрасывать вверх ведра.

Мы и не заметили, как к нам подобралась мальчишка, набросилась и стала мять виноград об наши физиономии. Оказывается, во Франции существует такой обычай. Ну, раз обычай, то и мы им наменяли...

Смех смехом, а на следующее утро мальчишкам было невесело. Собираясь на поле, они кисло улыбались. Да и нам было грустно — все-таки мы к ним привязались.

Владимир Арро

прошлой неделе мы побывали на открытии бассейна в Вильжуиф, который тоже носит имя Юрия Гагарина — символ юности и мужества. Не можете ли вы нам послать материалы о Ленине и Юрии Гагарине? Мы, пионеры, надеемся, что между нами установится тесная дружба. Ждем ответа. Да здравствует Союз пионеров! Да здравствует пионерская организация имени В. И. Ленина!»

ДРУЖБА — L'AMITIE

4. ИЗУЧАЕМ ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК!

Ребята из 392-й школы начинают свой день словами: «Бонжур, камарад!» И на уроках говорят по-французски. Здесь не только изучают французский язык. Тот, кто хочет побольше узнать о Франции, записывается в Клуб интернациональной дружбы. На эмблеме Клуба по зеленым волнам плывет парусник. И на конвертах, которые почти каждый день приходят из Франции, всё корабли да парусные лодки. Потому что дружат два города-порта: Ленинград и Гавр.

Президент Клуба Наташа Громова рассказывает:

— На заседаниях мы говорим о Морисе Торезе и Марселе Кашене, об эскадрилье «Нормандия — Неман» и об истории французской почтовой марки. Мы устраиваем конкурсы, выставки и концерты. Но самое главное — это личная и коллективная переписка.

«Дорогие друзья и дорогие товарищи пионеры! Группа Юрия Гагарина получила письмо, которое вы нам послали. На

ПУГОВИЦА

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВ

Сначала мой приятель Вадик стал собирать монеты. Показывал кому-нибудь свою коллекцию и с гордостью говорил: «Я теперь нумизмат». Ну, нумизмат так нумизмат, плохого в этом ничего нет. Только монетами он не ограничился, а начал и пуговицы собирать. Конечно, не те пуговицы, что к рубашкам и штанам пришивают, а металлические, с гербами разными, якорями. И так он этим увлекся, что совсем голову потерял.

Как-то раз в воскресенье затащил он меня в музей. И конечно — в тот зал, где монеты выставлены. Ходит он вдоль стендов и облизывается, как кот на сметану. И вдруг незаметно исчез. Я покрутил головой туда-сюда — нет Вадика. Хотел уж было уходить, смотрю — выскакивает из какой-то двери в углу зала. Волосы взъерошены, глаза квадратные и рот открыт.

— Ты чего? — спрашиваю.

— Понимаешь, там комната с пуговицей. . . — забормотал он.

— Какая еще комната с пуговицей?

— Видишь, — говорит, — там дверь. Я подумал, что это еще зал, и вошел. Оказалось, не зал, а служебное помещение. И в нем всякие невыставленные экспонаты. Я хотел уйти, смотрю — шкаф открытый. А из него торчит рукав не то вицмундира, не то шинели. А на рукаве — пуговица. Блестит, прямо сверкает. Схватил я эту пуговицу — рраз. . . А тут какая-то женщина входит. Я испугался до смерти. А она мне: «Ты что, мальчик, тут делаешь? Тут нельзя». И выпроводила. . .

— Ты что же, — говорю, — украл, значит?! Музейную ценность?..

Хотел я его треснуть, но больно у него в тот момент вид был жалкий.

— Вот что, — говорю, — сейчас же иди извинись и отдай пуговицу. Скажешь: так, мол, и так, временное помутнение разума.

— Не могу, — говорит.

— То есть как это не можешь?!

— Нет у меня пуговицы. Проглотил я ее. Когда та женщина вошла, я ее в рот засунул и от страха проглотил.

Тут и я растерялся. И вдруг вижу — по залу милиционер идет.

— Все, — говорю. — Уже тревогу объявили.

А милиционер проходит мимо нас и идет прямо в эту злополучную комнату.

— Ну, точно, — говорю. — Иди сдавайся сам. Пока не поздно.

И Вадик на трясущихся ногах поплелся туда. Я за ним.

Входим. Милиционер стоит около шкафа и рукав рассматривает.

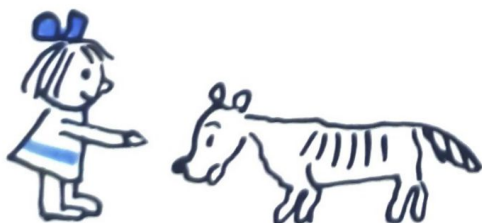
— Вам чего, ребята? — спрашивает, а сам достает из шкафа шинель и. . . надевает на себя!

Тут я все понял. И так захохотал, что милиционер, должно быть, подумал, что я рехнулся. Вадик тоже все понял.

Теперь, когда я хочу над Вадиком подшутить, говорю ему: «Ну, сэр, какие вам пуговицы подавали на завтрак? Железнодорожные? Или, быть может, вам повезло и вы скушали пуговицу от генеральского мундира?»

— Па, пойдем гиену посмотрим.
— Ты ж ее не любишь.
— Так ей ведь обидно, что к ней никто не подходит.

Прислала Вера Симонова,
Ленинград

— Бабушка, пойдем на горку кататься!
— Сегодня холодно, Вася.
— А ты будешь санки на горку втаскивать и согреешься.

Прислала Люба Е.
из Волгограда

ДОХОДЫ ПОЭТА

Когда один очень богатый помещик вздумал кичиться перед Пушкиным своими огромными доходами со многих деревень, великий поэт, смеясь, возразил:

— Мои доходы надежнее.

— Как так?

— А как же — в ваших деревнях может случиться и неурожай, и пожар, и наводнение, а моим владениям ничто не страшно.

— Что же это за владения?

— Тридцать шесть букв русской азбуки.

(Следует помнить, что тогда в наш алфавит еще входили буквы: и, ять, фита, ижица, упраздненные позднее.)

САМОЕ УДИВИТЕЛЬНОЕ

Один из величайших мудрецов Древней Греции Платон отправился в долгожданное морское путешествие. Увы, философу не удалось посетить привлекавшие его острова и страны. Капитан корабля оказался таким неумелым, что судно несколько раз получало пробоины и садилось на мель, пока, по требованию пассажиров, не вернулось в Афины.

— Учитель! Что было самым удивительным в твоём путешествии? — спрашивали ученики сошедшего на берег Платона.

— Самым удивительным я считаю то, что мне удалось вернуться живым, — был ответ.

МЕТКИЕ РЕЧЕНИЯ

Мастером остроумных речений был английский писатель-просветитель Джозеф Аддисон, живший на грани XVII и XVIII веков. Вот образцы его находчивых афоризмов.

Об одном ученом: «Знание его сильная сторона, а всезнайство — слабая».

Или о трусости: «Трус — это человек, который в минуту опасности думает ногами».

ПЕРЕМЕНКА!!! ПЕРЕМЕНКА!!! ПЕРЕМЕНКА!!!

Тихо в лесу. Все замерло под белым покрывалом. Спят деревья, склонив отяжелевшие от снега ветви. Укрылись в норах звери. Не слышно голосов птиц. . . Но прислушайтесь, приглядитесь получше: природа и зимой не спит, жизнь продолжается.

ПОМОЩЬ ПТИЦАМ

Несколько лет зимой у меня кормятся птицы. Они едят крупу, булку, пшено. Сало я подвешиваю к веткам. Соленое сало не даю, потому что птица, поклевав соленого сала, захочет пить. Она клюет снег и простужается.

Каждую зиму к нам прилетает синица и стучит клювом в стекло. Она как бы говорит: «Принимайте гостей!» Только мы подвесим сало и насыплем еду в кормушку, как из леса прилетает целая стайка синиц. Синицы поедят, сядут на дерево под нашим окном и засвистят на разные лады.

Витя Тихомиров, 10 лет, поселок Красово, Ленинградской области

ЧЕЙ ДОМ?

Настала зима. Улетели перелетные птицы, а зимующие искали себе заброшенные гнезда для ночевки. Но есть птицы, которые не покидают своих гнезд и ночуют там всем выводком. Это — ремезы.

Однажды квартира ремезов оказалась занятой. Один ремез полез было в гнездо, но сидевший там крапивник долбанул его в лоб. Однако январский холод давал о себе знать, и наконец один из ремезов закрыл глаза и полез в гнездо. Но крапивник вытолкнул ремеза и сам выскочил наружу и начал преследовать его на полянке. Остальные ремезы не упустили момент — все юркнули в гнездо. Вскоре туда ворвался тот ремез, что удирал от крапивника. За ним влетел и крапивник. Но удивительно — там стало тихо. Решили, наверное: чем теснее, тем теплее. . . Однако потасовки по вечерам между ремезами и крапивником продолжались всю зиму.

Равиль Лайтыпов, 11 лет, Ижевск, Удмуртская АССР

КАК Я ПОМОГ ВОРОБЬЯМ СТРОИТЬ ДОМ

Каждую зиму у нас кормятся воробьи. Однажды я увидел во рту у воробья кусочек ваты. Он нес его для гнезда. Я захотел

«ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ» «ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ»

помочь воробьям строить гнезда. Повесил кусочки ваты на веточку, к которой мы с мамой привязываем кусочки сала для птиц. Веточка эта прибита к наружной раме окна.

Вернувшись из школы, я посмотрел на веточку: ваты там не было. Я снова развесил вату и стал наблюдать. Чтобы воробьи меня не заметили, я взял большой картон и проделал дырку для глаз. Сажу за картоном тихо-тихо. Воробьи сели вокруг веточки, чирикают и ждут. Наконец один воробей взлетел на ветку и клюнул вату. Тогда и другой подлетел, схватил вату и улетел... Потом третий, четвертый... Потом я уронил картон — и воробьи разлетелись.

Сейчас, когда я сел, чтобы записать все происходящее, воробьи сидят у окна и ждут, когда я уйду из комнаты, чтобы они могли снова таскать вату...

Всеволод Андриянов,
5-й класс, Новгород

ГОЛУБИ

На голубятне у наших голубей вывелись птенчики. Было это так. Утром я прибилась у Байки и Черзы в гнезде. Вдруг под перьями у Черзы я заметила маленькую головку с большим клювом. Птенчиков было два. Росли они очень быстро, и вскоре у них появились перья. Сначала я удивилась: как голуби-родители кормят своих детей? Как-то я открыла дверцу и увидела: Байка раскрыл клюв, а голубята сунулись своими клювами к нему. Птенцы очень пищали. Я боялась часто наведываться к ним, чтобы не пугать. Однажды я тихонько поднесла палец к птенчику, но быстро отдернула руку: голубенок распушился и клюнул мой палец...

Когда птенцам было по две недели, Черза снесла еще одно яичко...

Фатима Тагирова,
город Сибай, Башкирская АССР

ТУК - ТУК

ИЛИ
СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ
СТАРОГО ДЯТЛА

«Я с детства мечтаю стать дрессировщиком и поэтому воспитываю в себе выдержанность, терпение и мужество. Пока еще я дрессирую моих кроликов, и они меня почти слушаются. Я уже учусь в седьмом классе и очень люблю животных. Я никак не могу найти книгу про дрессировку животных. Пожалуйста, помогите!»

Саша Карпов,
Кировская область

«Я хочу взять для воспитания щенка-овчарку. Что нужно читать о воспитании четвероногого друга?»

Ира Листопадская,
г. Бердск

Тук - тук,
дорогой Саша!

О поведении животных читал я хорошую книгу английского автора. Советую и тебе ее прочитать. Ты узнаешь, какие животные легче поддаются дрессировке и как их дрессировать. Называется книга «Поведение животных», автор Н. Тинберген. Книга выпущена издательством «Мир» в 1969 году, в Москве.

Тук - тук,
дорогая Ира!

О воспитании и дрессировке собак ты можешь прочитать в следующих книгах и журналах:

1. Михайловский А. В. Воспитание щенка. М., ДОСААФ, 1971.

2. Твой друг. Сборник по собаководству. М., ДОСААФ, 1973.

3. Служебная собака. Учебное пособие. М., ДОСААФ, 1972.

4. Рябинин В. Воспитай друга. «Юный натуралист», №№ 9—10, 1971.

5. Острецова Л. Юный дрессировщик. Л., «Детская литература», 1974.

«ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ» «ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ»

ШАХ И МАТ

Конечно, моя кошка в шахматы не играет. И, чтобы сделать такую фотографию, пришлось пойти на хитрость: под некоторые фигурки я подкладывала кусочки мяса...

Майя Вилнис, 13 лет. Рига

«Создадим угрозу на королевском фланге...»

ДРУЖБА

С птицей синицей мы дружим давно.
Я сыплю ей крошки и сыплю зерно,
И семечки сыплю, и сало крошу
А после синичку к обеду прошу.

*Наташа из города Карабаш
Челябинской области*

«ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ» «ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ»

Большой сбор у БАРАБАНА

ВЕСТИ с пионерских маршрутов

Шефствуем над малышами. Перед Новым годом в поселке выросло восемь снежных гор, разрисованных яркими красками.

Совет дружины школы № 7,
город Ухта

Нашу агитбригаду колхозники называют «Снежным батальоном». Даже в холод и вьюгу отправляется «Снежный батальон» в окрестные деревни выступать с концертами и лекциями.

Совет дружины школы № 12,
город Чебоксары

Проводим операцию «Живое серебро». На реке Воронеж прорубаем лунки, чтобы рыба не задохлась.

Валерий Попов, школа № 4,
город Липецк

В гостях у «Барабана»

Кузьма Георгиевич Хромов.

ЧАСОВОЙ

В дни Великой Отечественной войны наш стрелковый полк освобождал Новороссийск. Я шел с солдатами по улице, среди развалин. Город дымился. В одном из подъездов я увидел мальчишку. С деревянным игрушечным ружьем он стоял навывтяжку у стены. Я подошел к нему и спросил:

- На посту стоишь?
- Так точно, товарищ командир!
- Кого же ты охраняешь?
- Товарища Ленина! — четко произнес мальчишка.

Я огляделся и увидел на стене фотографию Владимира Ильича. Ленин был снят в накинутах на плечи пальто. Он щурился, точно от солнца.

Невольно на лице моем появились слезы. Мальчик заметил их и спросил:

- Дядя, вы ранены?
- Нет, сынок. А как звать тебя?
- Василек, — ответил часовой и еще крепче прижал к плечу свою деревянную винтовку.

До сих пор не могу забыть эту встречу.

К. Хромов,
Азербайджанская ССР, город Сумгаит

В школе у нас несколько хоккейных команд. И у всех игроков — настоящая хоккейная форма. Деньги на форму заработали летом — вырастили в совхозе восемь гектаров капусты.

Лена Верташенок,
поселок Малыга, Магаданской области

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОИСКА

ВИКТОР ТОГО

Как-то в одной из школ Ленинграда я увидел фотографию. Человек с миноискателем идет по полю. Странно: человек в штатской одежде, а под фотографией дата — 1968 год... Для чего штатскому миноискатель, да еще в 1968 году?

Снова я увидел эту фотографию, когда забежал в магазин, где продаются телевизоры. На нескольких экранах сразу появился тот человек в ватнике. В руках он держал миноискатель...

ПО СЛЕДАМ «ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА»

Из телевизионной программы я узнал, что передача называлась «Всемирный следопыт». Позвонил на студию. Режиссер передачи посоветовал мне ехать в 371-ю школу, поговорить с Екатериной Ефимовной Кондратьевой, директором.

Еду в школу. Знакомлюсь с Екатериной Ефимовной. На столе у нее ворох бумаг — документы, фотографии, газетные вырезки, письма...

Вот и знакомая фотография. А за ней — целая история.

ПОЧЕМУ ТАК НАЗВАЛИ УЛИЦУ (Рассказывает Е. Е. Кондратьева)

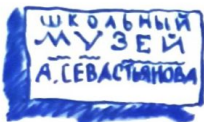
Наша школа на улице Севастьянова, дом 13, была открыта пятнадцать лет тому назад. Сейчас, понятно, трудно вспомнить, кто из ребят первым обратил внимание на название улицы. Большинство как-то не задумывалось над этим. А вот когда пятиклассники пошли на экскурсию в Музей истории Ленинграда и увидели там обломки фашистского самолета, сбитого летчиком Севастьяновым, тут-то и посыпались вопросы: «Уж не тот ли это Севастьянов?» — «Тот!..» — «И он — Герой Советского Союза?» — «Да!..» — «А за что ему дали Героя? Где он служил? Где родился?»

Вопросы, вопросы... Как получить на них ответы? Фамилия Севастьянов была теперь на устах у всей школы.

Ребята из этого же пятого класса раздобыли где-то книгу «Твои герои, Ленинград». Там оказался очерк, посвященный Севастьянову. Очерк прочли в пятом классе вслух, а все остальные классы встали на книгу в очередь.

ОТ ИНТЕРЕСА К ДЕЙСТВИЮ

(Рассказывает выпускница 371-й школы Оля Аносова)

На первых порах наш интерес к Севастьянову был чисто стихийный. Ни о каком поиске речи не шло. Просто нам захотелось побольше узнать о герое. В соседней, 203-й, школе уже был стенд, посвященный герою. Мы побывали в этой школе. Наташа Семочкина и Люда Гусева несколько раз ездили в Публичную библиотеку, рылись в старых газетах. Эти девочки были заводилами. А еще мальчишки: Гена Ушаничев, Сережа Терентьев, Саша Титкин, Витя Рубенков. То, что узнавал один, становилось достоянием всех.

Со временем мы увидели, что уже столько собрали материалов о Севастьянове, что можно создавать свой школьный музей, и открыли его.

Что же мы узнали?

Узнали, что Алексей Тихонович Севастьянов служил в 26-м Гвардейском истребительном авиаполку. Но ведь это было в годы войны, столько лет назад! Полк мог получить другое наименование, могли его и просто расформировать. Начали наводить справки и... удача! Напали на след.

Но сначала надо, пожалуй, о самих боях за Ленинград.

«О БУДУЩНОСТИ ГОРОДА ПЕТЕРБУРГА»

Начиная войну с Советским Союзом, фашисты рассчитывали на скорую победу.

В секретной директиве Военно-Морского штаба германских вооруженных сил от 29 сентября 1941 г. № 1 «е» 1601/41 под названием «О будущем города Петербурга» по этому поводу было сказано:

«Стереть Петербург с лица земли. Для этого тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сровнять его с землей.

Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты...»

Но, как известно, просьб о пощаде они не дождались...

26-й ГВАРДЕЙСКИЙ...

Просьб о пощаде фашисты не дождались. Город боролся. Это приводило гитлеровцев в бешенство. Они обрушивали на Ленинград ежедневно сотни снарядов и авиабомб.

Для отражения действий вражеской авиации был создан и 26-й Гвардейский истребительный авиационный полк (26 ГИАП).

НОЧНОЙ ТАРАН

(Рассказывает выпускник 371-й школы Сергей Терентьев)

Стали мы искать материалы о подвиге Севастьянова.

Мы учились терпению и последовательности, что очень важно в каждом поиске, в каждой работе. Отвлекусь и приведу такой пример. С почтовой маркой. Когда наши девочки ездили в библиотеку посмотреть подшивки старых газет, кто-то им там сказал, что была во время войны выпущена марка в честь подвига нашего летчика. Раньше, когда у нас не было опыта, мы, наверное, кинулись бы искать эту марку по квартирам, надоедали бы филателистам, листали свои альбомы. Бегали бы по магазинам. А теперь — нет. Теперь мы проверили это со знанием дела. Достали каталог советских марок и убедились, что марки, нужной нам, не было.

А вот старые фронтовые газеты помогли сразу. Мы нашли в них рассказ, записанный журналистом прямо в полку со слов самого Алексея Севастьянова:

«Два раза с ближней дистанции я бил по нему из пулемета. Как заговоренный, гад! Зашел в третий раз. Вплотную сблизился. Жму на гашетку — ничего. Кончился боезапас. Мне прямо умереть захотелось с горя! Я же клятву партии дал. И решил: рубану его винтом по хвосту! Прибавил оборотов и р-раз! И опять летит, гад, дальше — будто ничего не случилось. А я же видел: у него стабилизатор к черту! Но недалеко он ушел. Гляжу — завалился на крыло и, как лист с дерева, вниз...

Но и моя машина погибла... Такое дело получилось...»

Этот бой видели сотни ленинградцев. Ведь он проходил над Петропавловской крепостью, а самолеты дрались в скрещенных лучах прожекторов.

Рассказывает участник обороны Ленинграда И. Самутин

В ночь на 4 ноября 1941 года, будучи в Управлении штаба фронта на Литейном проспекте с поручением от начальника особого отдела 42-й армии, я узнал, что в воздушном бою над Ленинградом сбит фашистский самолет «хейнкель-111». Самолет упал на деревянные сооружения и подсобные помещения ресторана и кафе на углу улиц Потемкинской и Салтыкова-Щедрина. Немецкий летчик приземлился на парашюте в Таврическом саду и при

этом повредил себе руку и расшиб голову. После оказания медицинской помощи его доставили в Управление для допроса. Второй самолет — наш — упал в Невском районе. Летчик спустился на парашюте на территорию Невского машиностроительного завода им. В. И. Ленина.

Он оказался Алексеем Севастьяновым.

Для нас большой интерес представляли показания летчиков, сбитых над Ленинградом. На допросе выяснилось, что фашистский пилот со сбитого «хейнкеля-111» воевал во многих странах Европы, бомбил города и села Польши, Франции, сделал 20 налетов на Лондон, за что имеет много наград и в том числе Железный крест, врученный ему лично Гитлером. Он признался, что на Восточном фронте недавно, и сказал, что сбить его мог только очень опытный ас.

Алексей Севастьянов.

«ПРИСВОИТЬ ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА»

Несколько девочек из 6-го класса съездили в Музей истории войск Ленинградского военного округа. Вот какой документ они нашли:

«4 ноября 1941 года, в 22 часа, прикрывая г. Ленинград на самолете «Чайка», младший лейтенант Севастьянов таранил своим самолетом самолет противника «Х-111», который был сбит и упал в Таврический сад Ленинграда. Пилот самолета противника жив и взят в плен. Летчик Севастьянов выпрыгнул из своего самолета с парашютом и благополучно приземлился невредимым. За проявленный героизм, мужество и отвагу, граничащие с самопожертвованием, достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Командир 26 авиаполка Б. Романов.
Военком Б. Левицкий».

РАССКАЗЫВАЕТ САША ТИТКИН

(Из выступления в телевизионной передаче «Всемирный следопыт»)

После таких находок, как вот эти военные документы, у нас каждый раз было ощущение, будто мы сами побывали в осажденном Ленинграде, жили в то суровое время.

И еще — мы уже очень скоро стали понимать, что нужна помощь отцов, старших, надо искать ветеранов полка, боевых соратников Алексея Тихоновича.

Через несколько дней мы нашли газету «На страже Родины» от 9 июня 1942 года. В ней был опубликован Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР:

«За образцовое выполнение боевого задания в борьбе с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» младшему лейтенанту Севастьянову Алексею Тихоновичу.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

Н. Горкин

Москва, Кремль
6 июня 1942 года».

Так Алексей Севастьянов стал Героем Советского Союза.

ПЕРВЫЙ СЕВАСТЬЯНОВСКИЙ СБОР

В Музее боевой славы бывшего 26-го Гвардейского полка узнали ребята и о родственниках Алексея Тихоновича. Живы его мать и братья. Но сам летчик погиб в бою. Удалось найти адреса однополчанина героя, его боевых товарищей.

Приближалось 4 ноября — двадцать вторая годовщина ночного тарана. На этот день был запланирован сбор пионерской дружины.

Сережа Терентьев, Саша Титкин, Витя Рубенков и Гена Ушаничев принялись мастерить макеты. Из пластилина и картона соорудили Дорогу жизни и Воронью гору — памятные для ленинградцев-блокадников места. Мальчишки эти, тогда пятиклассники — шестиклассники, были отнюдь не блестящего поведения, но подготовка к сбору так увлекла их, что они теперь приходили в школу к восьми утра, а уходили поздно вечером, когда за ними являлись родители.

На тот первый сбор смог приехать только старший брат героя — Сергей Тихонович. Он и рассказал ребятам о детстве и юности Алексея, передал привет от матери, Марии Ниловны.

В тот же день произошла и другая знаменательная встреча. На сбор ветеранов бывшего 26-го авиаполка в гости к ребятам приехал человек, который видел последний бой Севастьянова, — Василий Степанович Цыганенко.

Это и был тот самый человек в ватнике, которого я увидел на экране.

«МЫ ОХРАНЯЛИ ЛЕНИНГРАДСКОЕ НЕБО...» (Рассказывает В. С. Цыганенко)

Наш аэродром был на самой Дороге жизни. Мы охраняли ленинградское небо. Не пускали самолеты врага в Ленинград.

В тот день два самолета-штурмовика находились в готовности на взлетной полосе. В одном из них был ваш покорный слуга, во втором — летчик Молтенинов.

И вдруг — тревога.

Мы взлетели.

Не успели набрать высоту, как из-за облаков на нас кинулись «мессеры»¹. Дело дрянь. В воздушном бою тот хозяин, кто наверху.

С земли видят: дело худо. Мы с Молтениновым ходим кругами, закрываем друг другу хвосты, а подняться не можем. С земли решили выслать нам подмогу. Смотрим, на помощь к нам идут два истребителя. Ну и «мессеры» это дело заметили — белая взлетная полоса хорошо просматривается с воздуха. Эти ястребки даже взлететь как следует не успели, как на них навалились фашисты. И вот так крутимся мы с Молтениновым, а в паре километров от нас — те двое на МИГах. Вообще-то МИГ-3 неплохие машины, но на большой высоте: у них высотные моторы. На шести тысячах метров они просто превосходны. . . В общем, совсем плохо тем двоим. Какая у них высота — восемь сотен, не больше. Вдруг видим, один из «мессеров» норовит пристроиться к хвосту МИГа. В воздушном бою одно правило: «Сам погибай, но товарища выручай. . .» Иначе нельзя. В бою нужно быть уверенным в товарище, как в самом себе. . . Наш второй на МИГе кинулся на «мессера», а о себе уже не думал. . . В общем, очередь в хвост. Вспыхнул наш «ястребок», пошел вниз. . . В нем-то и был Алеша Севастьянов.

Случилось это 23 апреля 1942 года.

МАТЬ ГЕРОЯ

4 ноября 1966 года в гости к ребятам приехала мать героя с двумя сыновьями — Виктором и Сергеем.

Всем полюбилась Мария Ниловна — немолодая русская женщина в крестьянском одеянии. Тяжелые складки длинной суконной юбки, серый головной платок. Лицо в морщинах, большие рабочие руки. У Марии Ниловны шестеро сыновей. И всех шестерых в грозный час войны она послала защищать Родину. Трое не вернулись. . .

— Он был такой же, как все деревенские мальчишки, — рассказывала Мария Ниловна. — Такой же, как его братья. Разве что волосы посветлей. . . Сколько бывало мороки с этими волосами! Росли быстро. Отец стричь не успевал. А уж как наладится стричь, так мозоли ножницами набьет, пока голову обрядит. Такая была голова. . . А уж как Алеша работать любил! Особенно сенокос. Намается спозаранку-то. . . Так намашется косой, ровно взрослый мужик. И в ночное ездить любил. . .

Может быть, именно там, в ночном, у костра и родилась у Алеши мечта о небе. . .

КЛЯТВА

Слушая Марию Ниловну, ребята переносились мыслями в глубину России, в тверскую деревеньку Холм, ощущали себя ровесниками ее сына. словно не она приехала к ним в гости, а сами они забежали в дом Алеши да и заслушались рассказов его мамы. . .

Встреча окончена.

— Спасибо вам, Мария Ниловна, за ваше доброе материнское сердце, за вашу прекрасную душу!

¹ Так летчики на фронте называли истребитель «мессершмитт».

В гостях у пионеров мать героя — Мария Ниловна.

Бережно приняла мать героя портрет сына из рук девочек.

Наступила тишина, ребята словно боялись помешать свиданию матери с сыном. . .

И тогда, как клятва, прозвучал в тишине чей-то голос:

— Мария Ниловна! Мы найдем самолет вашего сына!

ГДЕ НАДО ИСКАТЬ?

Знали: самолет упал в районе поселка Рахья.

Еще зимой пятиклассники совершили туда лыжную вылазку. Своими глазами увидели мемориальную доску на местной школе, где сказано о гибели самолета А. Т. Севастьянова.

Но где именно упал самолет? В рахьинской школе ребята тоже многие годы собирали материалы о герое, но и там сказать об этом никто не мог.

Решили идти по домам, расспрашивать старожилов.

Очевидцев падения разных самолетов оказалось не так уж и мало. Но. . .

«Да-а. . . Видела, как упал самолет. . . Горел. . . Ой, как горел! . . Где-то тут и упал. . . Но то был немецкий! . .»

«Самолет? . . Да, видел. Летом это было. . . Не то в июле, не то в августе. . .»

«Большой такой, двухмоторный. . . Чуть дом наш не сбил. . . Как брякнется. . . Вон там, за огородом. . .»

Ни двухмоторные, ни падающие летом, ни тем более фашистские самолеты ребят не интересовали. Они искали одномоторный МИГ-3, упавший весной, в конце апреля.

Так прошла зима 1966/67 учебного года...

В начале следующей осени юные следопыты снова поехали в Рахью. Снова пошли по квартирам.

И вдруг в доме мастера участка Александра Алексеевича Демина услышали рассказ:

— Видел я бой... Тот, про который спрашиваете. В конце апреля сорок второго года... Что могу рассказать? Было это днем. Солнечным, погожим. Видимость — отличная... На какой высоте дрались? Метров, наверное, четыреста. В общем, и звезды на крыльях я видел, и даже голову летчика в шлеме. На него — нашего-то — навалились сразу трое. Уже в воздухе не стало у него крыльев, а потом и хвоста. Потом, гляжу, падает. Вот так, под углом... Мы к нему бегом. Прибежали — воронка дымит-ся, в ней уже — вода... Погиб он, тот парень. Место я вам покажу. Примерно, конечно.

Это была удача!

ЕДИНЕНИЕ СИЛ

Все складывалось наилучшим образом. Следопыты нашли очевидца падения самолета. Кроме того, бывший инженер 26-го авиаполка Павел Михайлович Замятин брался уточнить это место, так как сразу через два часа после боя побывал там и даже вешку поставил.

Теперь нужно было искать. На том и порешили. Вот только растает снег. Ясно было и другое: искать самолет, упавший с высоты восьмисот метров в болото, без соответствующей техники трудно, даже бессмысленно. Самолет ушел под землю. Нужны миноискатели. Но где их взять?

Обратились в Московский райком партии Ленинграда.

Направили письмо в штаб Ленинградского военного округа.

Объяснили, как необходимы миноискатели. Своими знаниями о подвиге Севастьянова, о его жизни они решили поделиться с ребятами из других школ. Созвали городской слет всех пионерских дружин, носящих имена героев-летчиков.

КАЗАКОВ, КОТОРЫЙ КАЗАКОВА...

На слет пригласили однополчан А. Севастьянова. Послали письмо Е. Н. Казакову, председателю Совета ветеранов 26-го авиаполка. Уж ему-то наверняка есть о чем рассказать!

Каково же было удивление всех, когда вместо Е. Н. Казакова приехала женщина.

— Простите... — сказали ей, — а ваш муж?.. Он что, не смог приехать?

— Муж?.. — улыбнулась женщина. — Я и есть тот человек, кого вы пригласили. Только я не Казаков, а Казакова, Евгения Николаевна, бывший сержант 26-го авиаполка, специалист по вооружению. Готова вам помочь.

Ну и ну! Женщина во главе Совета ветеранов!.. Да еще в авиационном полку!

ИЗ ДНЕВНИКА Е. Н. КАЗАКОВОЙ

3 сентября 1968 г., вторник

В 11 часов ко мне на работу пришел В. С. Цыганенко. Сказал, что новая поездка была успешной. С помощью местного жителя А. А. Демина удалось установить примерное место падения самолета. Василий Степанович начертил схему предполагаемого квадрата. Нужны бульдозеры и экскаватор. Нужны также минеры.

9 сентября 1968 г., понедельник

Минеров обещали прислать. Приедут и школьники. Выезд на место 13 сентября...

13 СЕНТЯБРЯ 1968 ГОДА

Они приехали в поселок Рахья. Ветераны — В. С. Цыганенко, А. Д. Серебрянников, П. М. Замятин, Н. И. Ладанов, В. А. Борисов. Преподаватель 371-й школы В. В. Семочкин. Школьники Женя Шепелев и Саша Титкин.

Собрались у конторы Ириновского торфопредприятия. Здесь их уже поджидал Александр Алексеевич Демин.

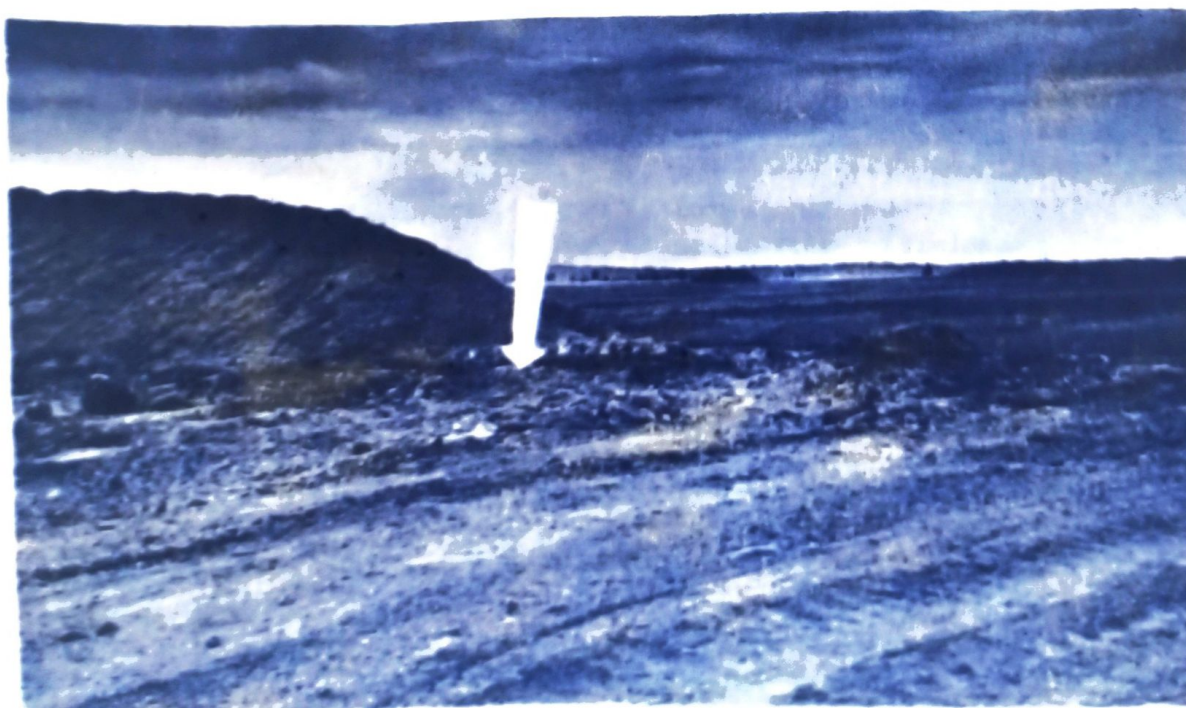
Подошла машина с минерами. Можно ехать на место.

Волновались все страшно. «Найдем? Не найдем?..» Все-таки четверть века прошло. Может, истлело все?

Гладкое рыжее поле, бывшее когда-то болотом.

Демин сказал: «Где-то здесь...»

Поставили вешки. Строго в одну линию. Одна вешка, вторая, третья...

Точное место падения самолета.

А параллельно — в пятидесяти метрах — другая такая же линия. Так и было разделено все поле на коридоры из вешек. По бокам вешки, а с торцов — торфяные кучи.

Идет поперек коридора солдат с миноискателем. Идет от вешки к вешке. Пятьдесят шагов туда. Пятьдесят обратно. Держит солдат в руках железную трубу, заканчивающуюся железным патрубком. Этот патрубок — магнит. Несет его солдат над самой поверхностью земли. На голове у солдата наушники, на боку — коробка. В коробке прибор со шкалой и стрелкой. «Услышит» магнитный патрубок железо в земле — зашумит в наушниках у солдата, запрыгает стрелка прибора. И тогда спешит на место экскаватор. Вгрызается зубастым ковшом в грунт, а все ждут, что же сейчас откроется глазу, что спрятано в недрах земли... Металлический болт... Больше ничего...

Снова идет солдат по полю. Снова шумит в наушниках, и снова прыгает стрелка прибора. На этот раз ковш экскаватора извлекает из земли металлическую рельсу.

— А ну-ка отдохни, браток. Дай я... — не может сдержать нетерпения Василий Степанович Цыганенко.

Не повезло молодому воину — может быть, повезет ветерану, может быть, у него более чуткое ухо и больше мастерства.

Пятьдесят шагов туда. Пятьдесят обратно. Так и ходят они по очереди: молоденький солдат и солдат-ветеран.

Три дня поисков! Шум наушников еще не раз заглушит биение их сердец. Но бесплодны все усилия. В конце третьего дня молчаливый Цыганенко скажет в отчаянии:

— Слушай, Александр Алексеевич, сделал бы ты какой-нибудь щуп.

Демин не заставит себя уговаривать. Из подручных средств будет сооружен длинный штырь. Один раз забьют его в землю. И второй. И удостоверятся, что на глубине 1,8 метра залегает песок. Какой вывод? С болота уже снят двухметровый пласт торфа: ведь первоначальная толщина пласта была около четырех.

— А самолет ушел на шесть—восемь метров, — думает вслух Павел Михайлович Замятин.

16 сентября, к вечеру, экскаватор извлечет из земли металлическую деталь. Всю ржавую. Ржавчину отобьют, и деталь отправят на экспертизу в Ленинград. И будут, волнуясь, ждать ответа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ

«Металлический предмет, найденный 16 сентября 1968 года близ предполагаемого места падения самолета МИГ-3, никакого отношения к указанному самолету не имеет».

И наконец удар, который мог оказаться последним: решением специалистов дальнейшие поиски были признаны нецелесообразными.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПОСЛЕ НЕУДАЧИ

Всем была ясна причина неудачи: слабая техника. Нужны хорошие миноискатели! Приняли решение: действовать по всем каналам. Еще один помощник ребят — Наталья Афанасьевна

Малютина — поехала в Ленинградское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Рассказала о поиске. О неудачах. Сумела убедить в необходимости и дальше искать героя. В штаб военного округа пошло такое письмо:

*Члену Военного Совета Ленинградского ордена Ленина военного округа
генерал-лейтенанту Можаяву Ф. А.*

31 октября 1968 года г. Ленинград

Президиум Совета Ленинградского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры обращается к Вам с просьбой принять все возможные меры для извлечения самолета с останками до сих пор не погребенного Героя Советского Союза летчика 26-го Гвардейского истребительного авиационного полка А. Т. Севастьянова, погибшего 23 апреля 1942 года во Всеволожском районе между станциями Рахья и Проба.

*Заместитель Председателя Президиума
С. Пермский*

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ...

 Конечно, жизнь шла своим чередом. Ребята учились. Писали контрольные работы. Проводили пионерские сборы. Но во всем этом не было прежнего настроения. Поселилась в душах неуверенность...

А в середине декабря в школу пришел окончательный отказ. «Сработало» заключение экспертов. Кто-то, от кого зависело быть или не быть поиску, поверил в непогрешимость бумажки. Это означало: минеров больше не будет. В кабинете Екатерины Ефимовны снова школьники и ветераны. Что делать? Может, не стоит больше искать? Ведь столько уже сделано. Три года — и все безрезультатно...

А как же клятва? Клятва, которую ребята дали матери!

Решили — искать. И снова поехали в Рахью. И встретили там еще одну свидетельницу боя — Марию Митрофановну Грекову.

«ИСКАТЬ НАДО ЗДЕСЬ...»

Мария Митрофановна работала на участке Гладкое. Она несколько не удивилась ребятам. Как будто ждала их прихода...

— Да, видала, как он падал... Я торф носила. С болота в кучу. Как раз шла по дороге. И вдруг такой шум, треск... Испугалась! Молоденькая была, совсем девчонка. Испугалась и легла на дороге. Он чуть меня не сшиб... Где упал?.. Дайте-ка вспомню... Вот так я шла... Здесь он упал... Искать надо здесь!

БОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ

Эта встреча подстегнула ребят. Надежда вернулась в их сердца. И они решили: «Напишем генералу армии П. И. Батову — уж он-то наверняка поможет». Так и сделали. И вскоре пришел ответ: продолжать поиск!

Одна за другой извлекались из земли новые находки...

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Седьмого июня 1971 года к полудню в Рахью прибыли саперы: младший лейтенант В. Д. Белоруков, младший сержант А. А. Керуто, ефрейтор В. В. Басов, рядовые А. Е. Храмов, В. А. Ступак, А. И. Ковжижин.

Снова, как два года тому назад, активно участвует в поиске А. А. Демин. Здесь же М. М. Грекова.

Снова шагает по земле солдат. Пятьдесят шагов вперед. Пятьдесят назад. Но теперь он во всеоружии новейшей техники: в руках легкий электромагнитный индикатор, компактный ранец за спиной.

Метр за метром прослушивается болото. Экскаватор роет рыжую землю. Теперь трофеев гораздо больше. Старые рельсы узкоколейки, ступицы автомобиля, колеса вагонеток и разный прочий металлолом... А это что? Кусок снаряда?! Это уже оттуда. С войны.

Понедельник. Вторник. Среда... С раннего утра и до позднего вечера идет поиск погибшего самолета. Лето. У школьников экзамены. Но школа по-прежнему живет одним — поиском. На поле днюет и ночует преподаватель физкультуры Виктор Васильевич Семочкин. Дежурят ветераны. Понедельник — Красюков и Литенков. Вторник — Курсков. Среда — Цыганенко. Ходят с миноискателем солдаты. Ходит неугомонный Цыганенко. Ищет своего боевого товарища.

Четверг... Пятница. Пройден почти весь намеченный квадрат, остался

маленький участок, совсем еще недавно занятый торфяной кучей.

Завтра суббота, потом воскресенье — выходные дни. 15 июня уйдут минеры. «Не найдем — конец», — записывает в дневнике Е. Н. Казакова.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 14 ИЮНЯ 1971 ГОДА

 Идет солдат по полю. Пятьдесят шагов туда, пятьдесят обратно. Пятьдесят туда... Обратно — шаг, второй, третий... Пятый... Шестой... Вдруг стрелка прибора резко идет вправо, со стуком упирается в край шкалы.

Срочно — экскаватор!

И вот уже ревет мотор, придавливая гусеницами торф, пробирается к месту находки машина. Григорий Борисович Булгаков крепко сжимает пальцами рычаги управления. Заглох было и снова затарахтел мотор, дрогнул, пошел вниз ковш. Блестящие зубья врезались в коричневую массу. Под пластом приподнятой торфяной земли блеснул металл — изогнутый смятый лист алюминия со следами краски. Крыло самолета!

Копать дальше?

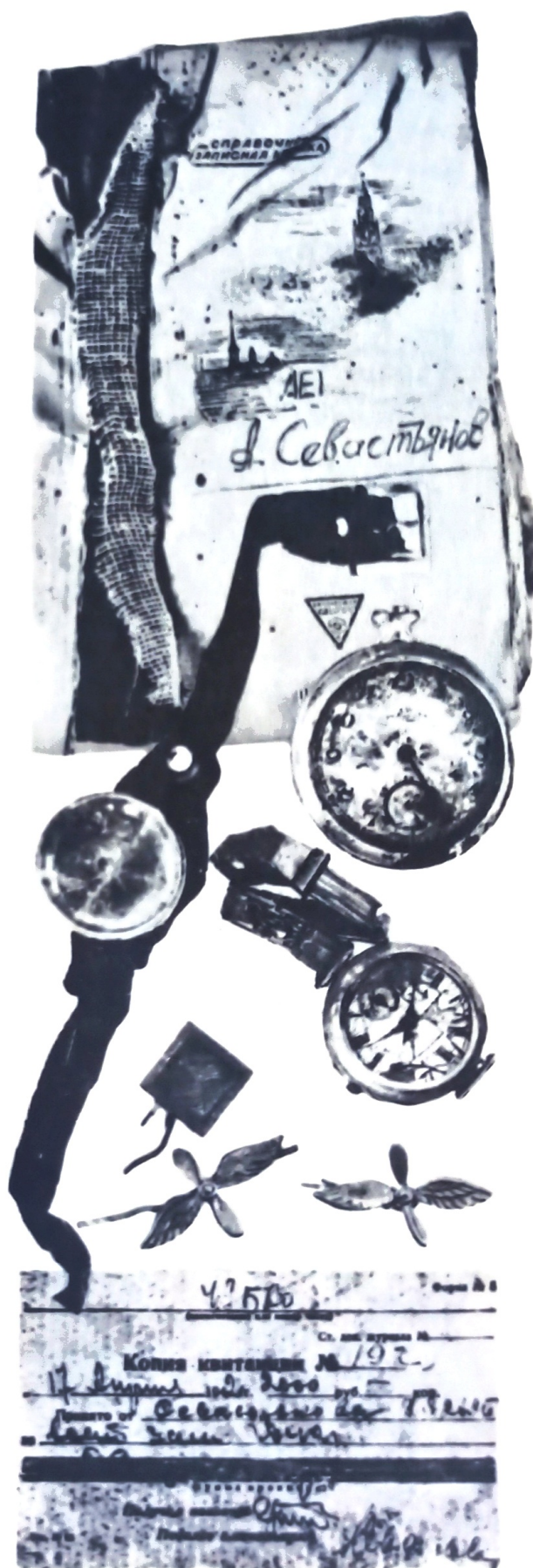
Нельзя. Нужна комиссия, нужны эксперты, врачи, оружейники, ветераны полка. Каждый найденный предмет надо сфотографировать, описать, сберечь.

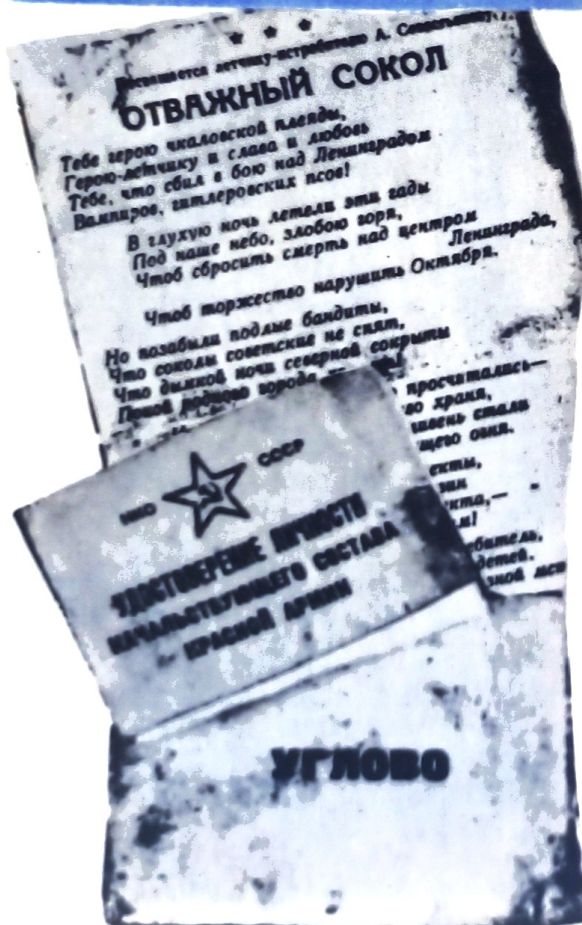
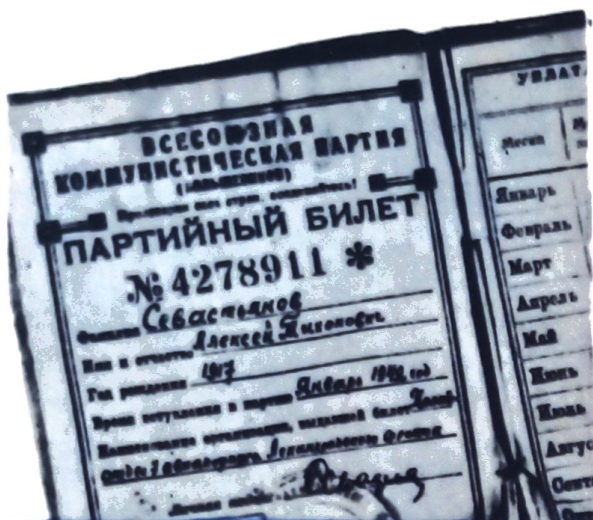
Да и тот ли это самолет?

ВТОРНИК, 15 ИЮНЯ 1971 ГОДА

 После полудня на торфяном поле собрались десятки людей — все, кто имел отношение к поиску или кто был нужен для опознания самолета.

Не было героев поиска — школьников. Младшие уехали на летние каникулы, старшие в этот день сдавали экзамен.

Горько — но ничего не поде-
лаешь... Поднимается и падает
экскаваторный ковш. Бережно из-
влекаются из земли части самолета.
Вроде бы МИГ? Наконец отрыто
то, что было когда-то кабиной.
Точно — МИГ! Двадцать девять
лет пролежала кабина в земле. На
рычаге — кожаная перчатка...
В земле — лоскуты гимнастерки.
На одном — орден Ленина. Но не
один Севастьянов в полку был на-
гражден этим орденом!

В карманах — подворотнички.
... Бывший шофер полка Нико-
лай Ильич Ладанов впился глаза-
ми в находки. Утром того трагиче-
ского дня он снял с руки и отдал
Алексею часы. «После боя — вер-
нешь». А бой оказался послед-
ним...

Из земли извлекаются одна за
другой новые находки.

Вышитый кисет... Но ведь Се-
васт'янов не курил!

Книжечка в картонном перепле-
те. На обложке — «Удостоверение
личности начальствующего состава
Красной Армии». Фотография
слиплась с обложкой. Не отделить.
Сквозь листок с обратной стороны
с трудом читается: «СЕВАСТ...»

— А может, это Севастополь-
ский? — раздается чей-то голос. —
Ведь был у нас и такой летчик.

Новые предметы. Кожаная ко-
бура, в ней пистолет. Поржавев-
ший ТТ с полной обоймой.

Компас. Ракетница. Ножны от
финского ножа. И наконец — за-
писная книжка. На ней четкая
надпись: «Москва. Ленинград.
А. Севастьянов».

ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ ЖИЗНИ

Это — самолет ге-
роя.

Все, что отдала земля, принадлежа-
ло ему.

А вот и часы. Золотые наручные часы Ладанова. Они остановились в 13 часов 18 минут.

И еще одни. Карманные. У них нет минутной стрелки — она отлетела в момент удара о землю. Но след вдавившейся стрелки хорошо виден на циферблате — 13 часов 20 минут. . .

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

. . . Всю ночь трудился военный эксперт доктор Гальцев. Обработывал каждый найденный лоскуток. И здесь, в окружном госпитале, была сделана еще одна находка. Был обнаружен партийный билет. Вот он!

Не пострадала ни одна запись. В партийном билете — газетная вырезка со стихотворением, посвященным герою, квитанция на 2000 рублей, внесенные Алексеем Тихоновичем в Фонд обороны.

В криминалистической лаборатории подполковник милиции Б. В. Краверский и капитан милиции О. Н. Володимерская восстанавливали найденные документы.

Двадцать девять лет пролежали они в земле. Записи, сделанные чернилами, исчезли, но следы карандаша удалось прочитать. Помогли ультрафиолетовые и инфракрасные лучи. С их помощью даже удалось «видеть» фотографию А. Т. Севастьянова на удостоверении личности. . .

Такова история тринадцатилетней работы красных следопытов. Выросли те, кто начинал ее. Многие пошли по стопам любимого героя и стали курсантами военных училищ, офицерами Советской Армии. Окончили школу или продолжают учиться в последних классах те, кто завершал ее.

Конечно, это поиск не мой. Мне искать было нечего. Я только рассказал о нем. Все нашли ребята, ленинградские пионеры-школьники.

И не одни. Без старших, без ветеранов полка, без других взрослых, помощников и руководителей, поиск юных следопытов не увенчался бы успехом.

Дело надо делать сообща.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ И НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

«Никто не забыт и ничто не забыто» —
Горящая надпись на глыбе гранита.
Потухшими листьями ветер играет
И снегом сыпучим венки засыпает.
Но, словно огонь, у подножья гвоздика.
Никто не забыт и ничто не забыто.

САША ШАМАРИН,
Челябинск

О Ш И Б К А

Дело было в Архангельске. По школьному музею шла экскурсия. Музей был посвящен юнгам Соловецкой школы юнг, а экскурсанты собрались необычные — юнги, которых разыскиали пионеры. Юнги приехали из разных городов страны и теперь слушали свою собственную историю...

Экскурсию вела девочка. Она переходила от стенда к стенду и говорила: «Вы видите, товарищи, бескозырку юнга Геннадия Клыкова...» Или: «Обратите внимание, здесь хранится комсомольский билет юнга Алексея Якушина...»

Дошла очередь до одной фотографии...

— Это, — сказала девочка, — юнга Павел Рева. Погиб он в последние месяцы Великой Отечественной войны...

И тут случилось совершенно непредвиденное. Кто-то из юнг негромко сказал:

— У вас вышла ошибка... Я — Павел Рева, юнга Северного флота. Но только я не погиб, остался жив...

Вот что Павел Николаевич Рева рассказал: «В тот январский день 1945 года корабль наш был в походе. Я стоял на вахте. Вдруг — взрыв! Фашистская подлодка выстрелила акустической торпедой в наш корабль. Я упал. Дышать стало трудно: что-то горело. Слышу, орудия нашего корабля ведут огонь по подводной лодке, но сам корабль без хода и корма у него оторвана...»

Подожли другие наши корабли и начали преследовать фашиста. Я же после контузии стал терять сознание и с трудом добрался до носового кубрика и лег... Потом — госпиталь. Потом попал на другой корабль, на Черноморский флот.

А мои товарищи-юнги с других кораблей решили, что я погиб. Ведь на нашем ко-

Вот он, Павел Рева.

рабле юнги размещались в корме, а в корме после взрыва погибли все...»

Если вам доведется побывать в этом школьном музее, вы услышите эту самую историю.

Надпись под фотографией Павла Николаевича Ревы ребята исправили.

И еще вы узнаете от них, что бывший юнга живет теперь в Харькове, работает на заводе инженером и очень подружился с пионерами-следопытами школы номер одиннадцать города Архангельска.

ОЛЕГ ОРЛОВ

МОРСКИЕ СЛЕДОПЫТЫ ИЩУТ «ДЕЛЬФИН»

Мы стараемся узнать все, что еще можно, о гибели шхуны «Дельфин». Шхуна подорвалась на mine во время Великой Отечественной войны, когда везла сейфы с военными документами. Мы думаем, что жив смотритель маяка, который видел взрыв мины, а значит, знает место, где затонул «Дельфин». . . Это — наша карта. . .

С пионерским приветом!

Сергея Колбасов, Дима Кусков
город Корсаков

„Бейдевинд“

Бейдевинд — есть курс корабля, круто к ветру идти означающий, и токмо опытным шхиперам и капитанам сподручный. . .

Из старинного наставления по
морскому делу.

Есть на Волге, в поселке Вербовском, Клуб юных моряков. Начался он с пустяков — строили мальчишки кораблики да лодочки с парусами — модели. Потом ребят стало больше, нашелся и руководитель — Игорь Александрович Черстов, знаток моря и кораблей, — клуб стал расти. Обзавелись шлюпками, в походы пошли. А идти на шлюпках, не зная такелажного дела, парусов, да и просто правил плавания по рекам, нельзя. Так начались настоящие занятия морским делом. А те, кто пришли в клуб несмышлеными мальчишками, подросли, возглавили Совет клуба. И название придумали — «Бейдевинд».

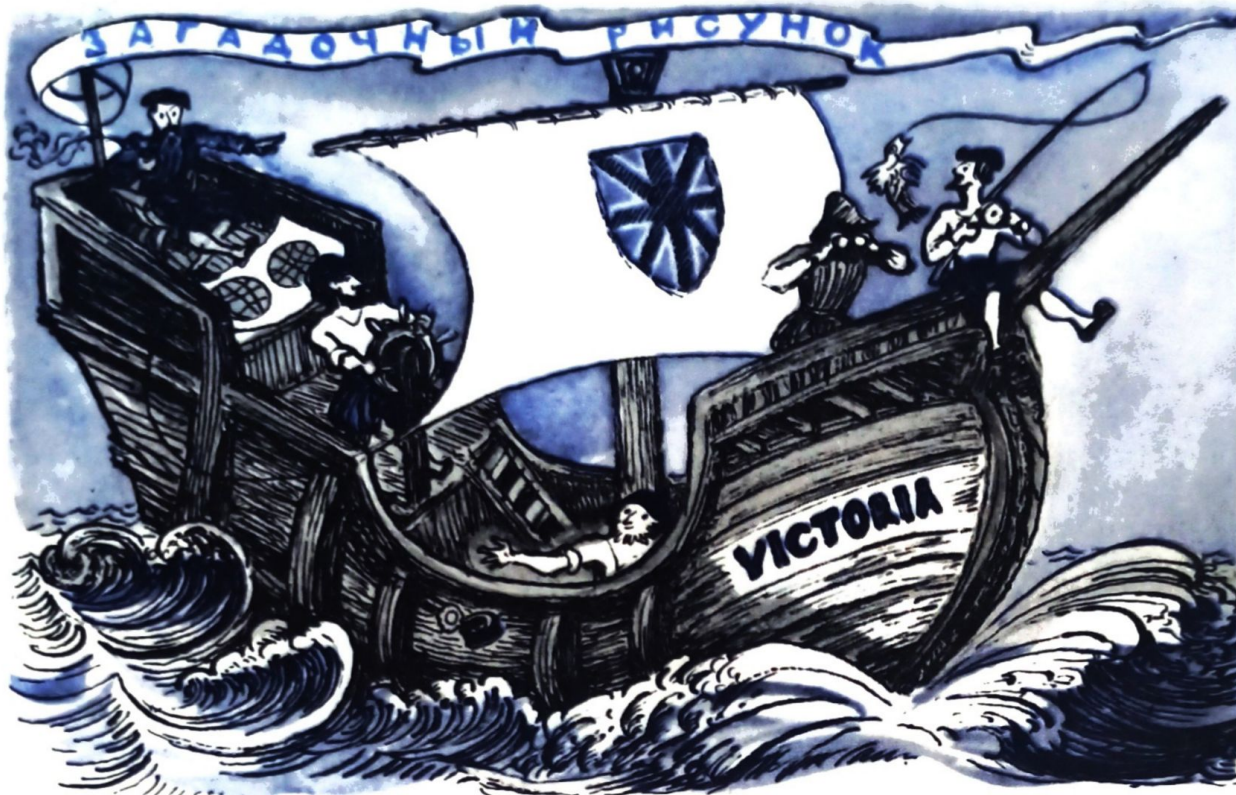
Теперь, если члену клуба шестнадцать лет исполнилось, он по крайней мере старшина шлюпки, или командир, или судоводитель-любитель. А походы на шлюпках Совет планирует в 500 и 700 километров. . .

Делаются попытки поднять затонувший в 1912 году лайнер «Титаник», столкнувшийся с айсбергом. «Титаник» погрузился в океанскую пучину на глубину 3880 метров. Поднять лайнер предполагается специально построенными понтонами. Если «Титаник» будет поднят, его доставят в морской музей английского города Ливерпуля.

МОРЕ И НЕБО

Клин стальной уходит в море
Быстроходных кораблей,
В небе виден клин крылатый
Белогрудых журавлей.

Олег Карлов.
Барнаул

— Вижу землю! — воскликнул Колумб.

(Художник, рисуя эту картинку, сделал десять ошибок. Найди их.)

УДИВИТЕЛЬНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

БОЙ КОРАБЛЯ С ГУСЕМ

Мы с братом сделали катер величиной с утенка. Мой брат уверял, что наш катер лучше остальных кораблей. При всех мы завели резиномотор и пустили кораблик. Мотор работал превосходно. И вдруг мы заметили, что наш катер идет прямо на гуся с молодыми гусятами! Гусь не испугался и поплыл на наш катер. Завязалась битва. Гусь бил катер крылом и шипел, но

катер шел вперед и только покачивался от ударов. В конце концов гусь в ярости перевернул наш катер.

Мухаметшин Разин, Азнакнево

ПИСЬМО, НАПИСАННОЕ ПОСЛЕ УРОКОВ

Здравствуйте, дорогая редакция!
У нас в классе на классном часе прошла беседа «В жизни всегда есть место подвигу». Мы раскрывали смысл самого слова «подвиг». И на один вопрос: «Случайно ли совершаются подвиги?» — почти все ответили: «Да». Но мне кажется, что подвиги совершаются не случайно. Почему? А потому, что, когда человек попадает в сложную обстановку и напрягает все силы, подвиг зависит от человека, а не от обстановки. А вы как думаете?

Тамара Мерзлова

На письмо Тамары Мерзловой отвечает писатель Борис Николаевич Никольский

Дорогая Тамара! Спор, который возник между ребятами в вашем классе, по-моему, и очень интересный и очень важный.

Хочу сразу же сказать: ты, конечно, права, когда считаешь, что подвиг в жизни не совершается случайно. Но вот давай попробуем разобраться, почему ты права, попробуем убедить тех ребят, кто был с тобой не согласен.

Расскажу сначала очень простую историю. Как-то, когда я служил в армии, на политзанятиях в нашем взводе между солдатами возник примерно такой же спор, как и у вас в классе. Обсуждалась заметка, опубликованная в газете. В этой заметке речь шла о солдате, который, проходя по берегу бурной речки, увидел тонущую девочку, бросился в воду и спас ее. Офицер, руководитель политзанятий, спросил:

— Как вы думаете, какими качествами должен был обладать солдат, чтобы совершить подобный поступок?

Ответы посыпались один за другим:

— Храбростью!

— Выносливостью!

— Мужеством!

— Решительностью!

— Правильно, — сказал офицер, — все это правильно...

И вдруг поднялась рука самого тихого, самого неразговорчивого солдата в нашем взводе.

— А по-моему, — смущаясь, сказал он, — этот парень еще должен был уметь плавать...

Все засмеялись, а офицер сказал:

— Конечно, это само собой разумеется...

Между тем, если подумать, эти слова о том, что солдат «еще должен был уметь плавать», были не так уж наивны, как может показаться на первый взгляд. Ведь не

умей солдат плавать, и его храбрость и решительность могли бы оказаться бесполезными — он бы попросту утонул вместе с девочкой. Значит, очень важно, чтобы человек кроме готовности совершить подвиг обладал бы еще и силой и умением, знал бы, как надо поступить в решающий момент.

Кстати, у меня есть знакомый, которому однажды пришлось попасть в сходную ситуацию. Он шел по Литейному мосту через Неву, когда увидел тонущего человека. Не колеблясь, он прыгнул в воду и спас тонущего. Конечно в этот момент и на мосту и на набережной были и другие люди, и все они конечно хотели прийти на помощь гибнущему человеку, но вот сделал это почему-то только один. Почему? Одни люди попросту растерялись, другие не знали, как поступить, третьи не были уверены, что справятся с быстрым течением реки. . . А тот человек, о котором я рассказываю, долгое время служил на флоте, был смел и решителен, умел ориентироваться в неожиданной обстановке — именно потому он первым бросился в воду. Конечно то, что в эту минуту он оказался на мосту, было случайностью, но то, что он решился на подобный поступок, уже не случайность. Иначе говоря, он внутренне, по складу своего характера уже был подготовлен к такому поступку.

Случай, о котором шла речь, пожалуй, было бы слишком громко называть подвигом, скорее это просто смелый, мужественный поступок, но от смелого поступка до подвига — один шаг.

Или возьмем другой пример. Сапер обезвреживает оставшиеся после войны бомбы, мины. Безусловно, чтобы остаться один на один с неразорвавшейся бомбой, нужно огромное мужество, хладнокровие, но нужна и подготовка, нужно мастерство, умение. Сапер сознательно идет на риск. Он храбрый человек, но он делает все для того, чтобы выполнить свою работу и не погибнуть. И если все-таки какая-нибудь сто первая или тысяча первая бомба оказывается для него роковой и взрывается раньше, чем ему удастся разгадать ее коварный секрет, мы склоняем перед ним голову и говорим: «Он до конца выполнил свой долг, он совершил подвиг». Но если мину или бомбу случайно находит мальчишка — а до сих пор еще нередки такие случаи — и, чтобы щегольнуть своей храбростью, начинает ковырять и развинчивать ее, и мина взрывается, а мальчишка остается инвалидом на всю жизнь, — мы не скажем, что он совершил подвиг, мы скажем, что он поступил глупо, безрассудно и своим поступком не принес ничего, кроме горя, и себе и своим родителям. . . Потому что в его действиях не было никакого смысла.

Мне кажется, что глубоко ошибаются те — а подобных людей немало, — кто считает примерно так: неважно, что у меня расхлябанный характер, неважно, что я чему-то не выучился как следует, что к своему повседневному делу я отношусь кое-как, — мол, когда будет нужно, в решающий миг, я уж не пожалею себя, я покажу, на что я способен. Нет, неправда, так не бывает, или если бывает, то лишь в редких случаях.

Не надо забывать, что очень многое, если не все, зависит от характера человека, от тех черт, которые закладываются, воспитываются еще в детстве. Один человек торопливо пройдет мимо, если на его глазах бьют слабого, беззащитного, а другой не стерпит, вмешается; один человек в панике бросится прочь, если рядом вспыхнет цистерна с бензином, а другой храбро и умело — подчеркну: у м е л о — кинется тушить пламя, чтобы не произошел взрыв; один человек застынет в растерянности, видя ребенка, который вот-вот сорвется с края балкона, а другой, не теряя ни секунды, ринется на помощь, пройдет по карнизу, сумеет в последний момент подхватить малыша. . . Разве все это случайно?

И сила воли, и выносливость, и смелость, и умение принять верное решение в считанные секунды — все это не приходит само собой в один прекрасный момент, все это вырабатывается в человеке постепенно, день за днем, шаг за шагом. И начинается воспитание характера с мелочей — об этом тоже не стоит забывать.

Всему миру известен подвиг Юрия Алексеевича Гагарина — человека, впервые проложившего дорогу в космос. Но кто же возьмется утверждать, что этот подвиг был случаем? Кто не знает, как долго, тщательно, как самоотверженно готовился Юрий Гагарин к своему полету!

А молодогвардейцы? Разве случайно именно Олег Кошевой и его товарищи создали подпольную организацию, не побоялись вступить в смертельную схватку с врагом? Та атмосфера, в которой они росли, их отношения между собой, в школе, в семье, пример старших товарищей, книги, которые они читали, песни, которые пели, — все это научило их любить свою Родину и ненавидеть врага, подготовило к свершению подвига.

Конечно, мне могут сказать: не каждому в жизни выпадает стать космонавтом или лицом к лицу встретиться с врагом. Большинство людей занято будничной и, казалось бы, совсем не героической работой. И как же быть тогда с утверждением о том, что в жизни всегда есть место подвигу?

Вот тут я и подхожу к очень важному, на мой взгляд, разговору. Мне кажется, нередко мы чересчур легко произносим слово «подвиг» — это во-первых. И понимаем его слишком прямолинейно, упрощенно — это во-вторых. «В жизни всегда есть место подвигу» — и вот мы уже начинаем озиаться по сторонам: кого бы спасти из горящего дома или выхватить из-под колес несущегося поезда? А если дома не горят и на железной дороге все спокойно, мы чувствуем себя вроде бы слегка обманутыми: как же так, ведь говорили, что подвигу всегда есть место, а где же он? . . .

Честно говоря, когда я служил в армии, я тоже частенько мечтал совершить какой-нибудь, ну если не подвиг, то по крайней мере героический поступок. Особенно часто такие мысли приходили в голову ночью, на посту. Читал же я в газетах — бывают подобные случаи: то от короткого замыкания пожар на посту вспыхнет — и часовой отважно борется с огнем, то тормоза у машины в нужный момент откажут — и шофер, рискуя жизнью, направляет ее в кювет, то граната не разорвется — и опять риск, опасность. . . Но в нашей части, как нарочно, ничего подобного не случалось. И пожар на посту не вспыхивал, и машины работали исправно, и гранаты взрывались, как им положено. . . И вот однажды я неожиданно подумал: а ведь это очень хорошо! И жалеть тут совершенно не о чем! Ведь это значит, что те люди, которые изготавливают на заводах гранаты, а потом хранят их на складах, — все эти люди по-настоящему хорошо делают свое дело!

И теперь, уже давно отслужив в армии, я часто возвращаюсь к этим мыслям. Подвиг, совершаемый в мирные дни, порой ведь имеет и оборотную, теневую сторону. Как часто он бывает исправлением чьей-то ошибки, небрежности, расхлябанности, халатности! Человеку приходится рисковать жизнью порой только потому, что другой человек кое-как, безответственно отнесся к своему делу, к своим обязанностям! Вот происходит железнодорожная авария — об этом случае писали наши газеты — сталкиваются два состава, машинист ценой собственной жизни предотвращает гибель многих людей. . . Подвиг? Да, безусловно. Мы восхищаемся этим человеком, мы славим его мужество, мы называем его героем. Но не мешает вспомнить и о том, по чьей вине произошла катастрофа — о дежурном, который перепутал автоматические стрелки, который был преступно небрежен в своей работе. Отнесись он добросовестно к своим обязанностям, и машинисту не пришлось бы расплачиваться жизнью за чужую халатность. . .

Таких примеров немало.

Вот я и думаю: может быть, самое главное в жизни человека — это прежде всего честно и добросовестно, не давая себе скидок и поблажек, изо дня в день делать порученное дело, тщательно выполнять свою работу, пусть порой трудную, порой скучную, но так необходимую другим людям. Может быть, это и есть самый главный, хотя и не всегда заметный, подвиг в человеческой жизни. . .

Желаю, Тамара, тебе и твоим товарищам успехов. Всего доброго!

Борис Никольский

.....КОННИЦА.....

**Мчится конница вперед,
Саблями сверкая.
Ветер свищет и поет,
Знамя развевая.**

**Разгромил отряд врагов,
Лошади заржали,
И бойцы под звон подков
В рощу ускакали.**

**Игорь Чемермазов, 6 класс,
пос. Омчак Магаданской области**

НОВОГОДНЯЯ ЕЛКА

АЛЕКСАНДР САХАРОВ

Мы с Валькой деремся с самого раннего детства.

Как только у Вальки зубы прорезались, он меня в затылок укусил, когда я к маме полз из-под стола, — так мама говорит, я этого не помню.

Мы и потом дрались всегда и везде, где встречались: на улице, у реки и в школе уже третий год, не переставая.

А вышло вот что.

В последний день перед каникулами в школу все пришли просто так — не учиться, а за табелями с отметками. Уроков не было; кто книжку читал, кто в окно смотрел.

Вдруг отворяется дверь и входит завуч Борис Петрович. Поздоровался и говорит:

— Вот ты, — кивает на меня, — и ты, Валя, идите скорее. У меня для вас работа есть.

Оказалось, что нужно елку срубить в лесу для школы.

— Давайте поскорей, ребята, — говорит завуч, — потому что теперь темнеет рано. И я в лесничестве договорился.

Дома я надел сапоги, взял топор, спички на всякий случай и вышел за ворота Вальку ждать.

... Мы шли тихой улицей, и я думал: «Наверное, подеремся в лесу из-за елки». Не то чтоб боялся, а так. Валька посильней меня, конечно, зато я злей.

Было холодно, и снег под ногами скрипел визгливо, как несмазанная дверь в старом сарае, и у меня стали ноги в сапогах мерзнуть. Здесь Валька говорит:

— Нужно на Масляную поляну идти — там ельник хороший.

Я промолчал, потому что все равно, где драться из-за елки, а ноги и так замерзли — зря валенки не надел.

В лесу над дорогой висели клочки сена. Я сразу понял: этой дорогой в сенокос везли в деревню сено с лесных полей. Воз-то высокий — зацепит ветку, другую — вот и клочки на осинах. Их, говорят, лоси едят зимой — если дотянутся, конечно.

Кончился осинник, пересекли гарь, просеку и вышли на Масляную. За поляной густо синел ельник, кое-где в белых кляксах: снег на ветвях. Вдруг шевельнулась клякса одна...

— Стой, — прошептал Валька. — Сова.

Мы стали подкрадываться к сове, потому что в книжке написано, что сова днем не видит ничего, как пенек, а вышло зря. Может, это сова нам такая попалась — зрячая — или в книжке ошибка, только сова повернулась к нам лицом и смотрит внимательно, как врач, — даже стыдно. Мы остановились, а она снялась с ветки и полетела. Ветка качается, а ее не видно — снег кругом, и сова белая.

Елку мы нашли быстро и даже не спорили, потому что хорошая елка — что ж спорить? А рубить я Вальке уступил. Пусть рубит, коль хочет, да и нога у меня закоченела совсем — не до елок.

Пока Валька елку рубил, я костер разжег, чтоб ногу греть. Грел, грел — без толку: надел сапог и встать не могу — ломит больно, а Валька сел на снег рядом со мной и снимает левый валенок.

— На, — говорит, — бери.

Я надел валенок, и мы пошли: впереди Валька в сапоге и в валенке, а сзади я так же — в валенке и в сапоге.

Пришли в школу в сумерках. Внесли елку в сени, а Борис Петрович увидел нас и говорит строго:

— Конечно, что елка — это хорошо. Но что за маскарад? — и смотрит на наши ноги. — Кто ж это придумал из вас?

Валька отвечает:

— Это мы вместе, Борис Петрович. Видите, у нас все поровну — и сапоги и валенки.

Борис Петрович помолчал и рукой махнул.

— Ладно, — говорит, — а я подумал было, что вы урок хотите сорвать нелепым маскарадом.

Да какие ж уроки теперь — завтра каникулы и елка.

... Дома я натер ногу гусиным салом, да поздно. Большой палец распух, стало больно ходить. Обидно было, конечно, все каникулы хромать из-за елки, но не будь ее и мороза, мы с Валькой, наверное, до сих пор дрались бы, как бараны.

А теперь нет, и Борис Петрович говорит, что мы поумнели.

Учитель. В доме пять этажей. На каждый этаж ведет двадцать ступенек. Сколько ступенек нужно пройти, чтобы дойти до пятого этажа?

Ученик (после долгого обдумывания). Все.

Учитель. Ну, что сказал тебе отец, когда увидел твою тройку по поведению?

Ученик. Сказал: «Эх, если бы у тебя и по остальным предметам были такие отметки!»

Александр Кушнер

ЗАДАЧА

Вот условие задачи:
Две трубы, бассейн, вода.
Я решу ее иначе,
Веселее, чем всегда.
Составление уравнения —
Очень важное умение.
Но скупа и суховата
Запись, сделанная мной,
А вода зеленовата,
Отливает синевой.
В воду с тумбочки покато
Я войду стрелой крылатой.
Поплыву сначала брассом,

А устану — на спине,
И замечу я не сразу,
Что неловко стало мне,
Что вода, катя буруны,
Заливать пошла трибуны,
Затопила душевые,
Раздевалку и подвал,
Затопила мостовые...
Тут я понял, что пропал.
Я плыву и чуть не плачу.
Все кричат: «Сюда! Сюда!»
Это он решил задачу:
Две трубы, бассейн, вода.

ПЕРЕМЕНКА!!! ПЕРЕМЕНКА!!! ПЕРЕМЕНКА!!!

ДОМАШНИЕ ЗАДАНИЯ

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Сколько человек греются
в лесной сторожке?

— Представляешь себе, — говорит Коля, — на меня только что напала собака Жучка, выхватила у меня тетрадь с заданием по английскому языку и сразу же съела!

— Я советую тебе, — ответил Коля Васе, — выкопать тетрадку из сугроба, извиниться перед Жучкой и честно признаться Нине Ивановне, что ты не выполнил домашнего задания.

— Как ты обо всем узнал? — воскликнул Коля.

Действительно, ребята, к а к?

Ответ на домашнее задание первой четверти «Загадочное письмо»:
«Будет вам от нас». — «Мы сами с усами».

ЗИМНИЙ ЛЕНИНГРАД

Через снег смотрит Пушкин кудрявый вперед,
И кораблик на шпигеле по тучам плывет.
Припорошены снегом колонны ростральные,
Над Невой два сфинкса застыли печальные,
Медный Всадник замерз. В легком инее конь...
Алым маком во льду светит Вечный огонь.

Лена Бодрова, 7-й класс,
169-я школа, Москва

ТРЕТЬЯ ЧЕТВЕРТЬ ЗИМА

РАСПИСАНИЕ ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ

В пионерской комнате —
важный разговор о шефах

Про следопыта Домоседова

Переменка

Урок биологии, или «Зеленые страницы»

О школьных рекордах

Большой сбор у «Барабана»

Линейка в 5-м «а»

Морская газета

Театр сорванцов

Письмо, написанное после уроков

Про черные ящики на снегу

Домашние задания — веселые и забавные

БОРИС НИКОЛЬСКИЙ

Мне выдали командировочное удостоверение, пункт назначения — Свердловск. Объяснили в редакции задание. Пожелали счастливого пути. И тогда я взял шариковую ручку и блокнот и стал собираться в дорогу. Шариковая ручка у меня была новенькая, а блокнот старый, заслуженный — не раз уже я путешествовал вместе с ним.

Каждая страничка могла напомнить о разных городах и разных людях.

И тут, собираясь в командировку, я раскрыл его наугад и увидел листок, на котором были такие записи:

«Поход

Октябрьский вечер

Лекция о международном положении

Субботник

Шефство над отстающими

Сбор металлолома...»

А еще весь этот листок по краям был разрисован завитушками и рожицами. Такие узоры обычно рисует человек, когда ему бывает очень скучно.

С каких же пор сохранился у меня в блокноте этот листок?

Где и когда я рисовал эти завитушки?

Ах да, ну конечно...

Это было в одной школе, в одном классе — не буду говорить, в какой именно и в каком именно классе, — дело давнее, теперь это уже неважно.

Приехал я в эту школу тоже по редакционному заданию. О ребятах школы шла слава, что они сделали немало полезных дел.

И вот я сидел в классе после уроков вместе с ребятами и расспрашивал их, и пытался их расшевелить, и рассмешить даже пытался, а у них были такие лица, словно я — инспектор гороно, а они — ученики, не выучившие урока.

И тогда им на помощь заторопилась учительница. Разговор наш протекал примерно так.

Учительница. Ребята, ну вспомните, что мы делали в прошлом месяце?

Ребята. В прошлом месяце?

Учительница. Ну да, в прошлом месяце.

Ребята. В прошлом месяце мы...

Учительница. ... собирали...

Ребята. ... собирали... собирали...

Учительница. Ну, что собирали? Ма-ку...

Ребята. Макулатуру.

Учительница. Ну вот, вспомнили. А куда, ребята, мы ходили весной?

Ребята. Куда?

Учительница. В краеведческий... что?

Ребята. В краеведческий музей...

Так вот и тянулся наш разговор. В конце концов на странице моего блокнота все-таки появился перечень разных дел, которые действительно были сделаны ребятами этого класса и аккуратно отмечены птичками в плане работы...

И я даже подумывал потом написать об этих их разных делах, но каждый раз, когда раскрывал блокнот на этой страничке, я рядом с записями видел нарисованные мною завитушки и узоры, и они сразу напоминали мне, какими скучными были лица ребят и с каким трудом и неохотой припоминали ребята все, что им приходилось делать. И рука не поднималась у меня похвалить их!

И вот теперь, собираясь в Свердловск, я, как нарочно, наткнулся именно на эту страничку и даже заколебался: может быть, не стоит брать с собой этот старый блокнот, — может быть, несчастливый он?

Но кто же в наше время верит в приметы? Конечно же, никто в приметы не верит. И я храбро сунул блокнот в карман и поехал в аэропорт.

А через несколько дней с этим же блокнотом в кармане я шагал по Свердловску. И испытывал такое чувство, словно в кармане у меня хранится что-то дорогое и очень важное.

Светило солнце, и у меня было отличное настроение. А может быть, я ошибаюсь, может быть, солнце в тот день и не светило вовсе, но настроение все равно у меня было отличное.

Только что я встретился с ребятами из 7-го «в» класса 86-й школы. И разговор у нас был веселый и интересный. Ребята говорили и по очереди, и хором, и перебивали друг друга, и я еле успевал заносить кое-что в блокнот.

И вот теперь я торопился в гостиницу, потому что мне не терпелось поскорее остаться наедине со своим блокнотом, подумать обо всем, что я услышал сегодня, и поскорее начать работать.

Я пришел в свой номер, сел за стол, раскрыл блокнот и прочел:

«Поход

Вечер 8 Марта

Шефство над отстающими

Субботник

Беседа о международном положении

Сбор...»

Вот так фокус!

Нет, я не ошибся. Это была не та, старая страничка, а новая сегодняшняя! И все-таки...

Неужели и правда этот мой блокнот несчастливый? И мне опять не повезло?

Ну, нет! Похожи-то эти две странички, может, и похожи, да не совсем! А точнее говорить, так и совсем непохожи.

Просто суть, оказывается, не только в том, что делать, но и в том, как делать! Вот о чем заставил меня задуматься в этот вечер мой старый блокнот.

Ребята двух школ относились к делу по-разному.

Одним — свердловчанам — было интересно.

Другие, те, мои старые знакомые, просто проводили мероприятия, потому что так нужно, потому что им велели.

Вот в чем была великая разница.

Можно ведь 8 Марта устроить вечер самодеятельности, прочесть несколько стихов, сплясать, похлопать в ладоши и на этом успокоиться — дело сделано.

А можно назвать вечер «НАШИ МАМЫ». И заранее приготовить фотостенд с фотографиями мам учеников своего класса. И рассказать, кто из мам работает лаборантом, а кто учительницей, кто инженером, а кто врачом. И расставить столики, и заварить душистый чай, и испечь торт и печенье — конечно своими руками. И мальчики в этот день будут официантами, а девочки и их мамы — именинницами. И еще можно придумать, чтобы первый прозвучавший вальс был вальсом для мам — и чтобы лучшей паре потом был присужден приз! И веселые аттракционы, и небольшой скетч тоже можно придумать! Но и на этом не закончатся праздничные неожиданности. Вдруг завертятся, тихо шурша, валики магнитофона, и прозвучат любимые мамини песни — в конце концов, разве так уж трудно отыскать их, эти песни, и записать на ленту магнитофона. . . И если все будет действительно так, то у всех участников праздника еще надолго сохранится счастливое воспоминание об этом вечере. . .

А так, именно так, все и было в 7-м «в» классе 8 Марта. . .

И только одно, пожалуй, до сих пор смущает ребят — что деньги на угощение пришлось все-таки собирать дома, с тех же мам, куда же годится такое дело? . . Нет, в следующий раз они эти деньги заработают сами. Сюрприз так уж сюрприз.

А еще поговаривают теперь в 7-м «в» классе, что не стоит обижать и пап. Что, если попробовать устроить для них вечер 23 февраля? Посмотрим тогда еще, кто отличится!

Можно просто организовать в классе обыкновенную лекцию, не особенно заботясь о том, интересна она ребятам или нет, и тогда, чего доброго, придется покрепче запирать дверь, чтобы никто не сбежал раньше времени.

А можно пригласить в класс человека, который четыре года находился в служебной командировке в Японии, и этот человек — заместитель начальника цеха Уралхиммаша Феликс Александрович Большиков — принесет с собой снятый им самим кинофильм и расскажет столько интересного, что потом пройдет год и полтора, а ребята все будут вспоминать об этой беседе и об этом кинофильме. . .

Так и сделали в 7-м «в» классе.

Можно без конца прорабатывать двоечников и троечников и призывать их исправиться, а они, как ни в чем не бывало, будут по-прежнему получать свои горячо любимые двойки и тройки — разве так не бывает? Да сколько угодно! Наверное, в любой школе. . .

А можно прикрепить к отстающим комсомольцев с завода и объявить об этом на сборе и написать черным по белому, вернее даже, напечатать на пишущей машинке, как в настоящем приказе, и тогда вдруг произойдет чудо! Еще не успеют шефы начать заниматься школьными науками со своими подопечными, а те вдруг начнут быстро-быстро подтягиваться! И вот уже вместо пяти человек, которых намечали взять на буксир, остается один-единственный! Что ни говори, а стыдно, когда занятой рабочий

человек после своей важной работы еще должен возиться с тобой — жалким двоечником! Тут уж поневоле постарайся исправиться!

Конечно вы догадываетесь, что я опять имею в виду семиклассников из 86-й школы.

Можно устроить вылазку в ближний лесок — с самыми строгими запретами «туда не ходить», «сюда не ходить», «не купаться», «не разбегаться» и т.д. и назвать все это походом. Скучновато, конечно, но зато спокойно.

А можно устроить поход на Чертово Городище, на гору Волчиху, или к дикой Смолинской пещере, где есть настоящие гроты и куда опасно входить без веревок и свечей, и конечно, поход тогда не обойдется без пароля, и без игры в «борьбу за знамя». И без ночевки в палатках тоже не обойдется такой поход! А ночью бесшумные тени, словно индейцы, прокрадутся к палаткам бледнолицых вождей и потихоньку свяжут их — вот утром будет потеха и веселье! И потом еще будет вдоволь веселья — когда ребята начнут выбираться из Смолинской пещеры «на свет божий» и хохотать друг над другом, потому что все будут грязными как черти! Ведь путешествовать по пещерам — это тебе не гулять по асфальтированной улице. И тогда скорее к речке — стирать-отстирывать одежду, чтобы вернуться домой чистенькими, как и положено. А еще те, кто не умели плавать, будут учиться держаться на воде, и тут тоже не обойдется без забавных приключений.

И эти походы надолго останутся в памяти семиклассников...

Ясное дело, есть в 7-м «в» и свои невзгоды, и свои неприятности, и свои неудачи.

Вот задумали ребята ехать в Ленинград, даже на овощебазу уже ходили, морковь от грязи очищали и мыли, первые двадцать четыре рубля заработали, а тут вдруг кое у кого, как назло, успеваемость захромала (не будем говорить у кого — пока этот очерк появится в печати, пройдет немало времени, может быть, и троечники станут пятерочниками). Захромала успеваемость, и все, точка, классный руководитель Нина Николаевна Осинцева, которая обычно очень горячо поддерживает все дела ребят, тут же воспротивилась: «Пока не подтянетесь, не пойдете больше работать...» — «Ничего, от Ленинграда мы все равно не отступимся», — говорят ребята.

Так что всякие бывают осложнения, нельзя без них, но все-таки живет 7-й «в» интересной жизнью. И это главное.

Что же, эти ребята особенные? Или слово какое-нибудь волшебное знают. Нет, слова волшебного они не знают.

А секрет один у них все же есть.

Секрет очень простой. Рядом с ними живут и работают хорошие люди — комсомольцы пятого цеха Уралхиммаша.

Их шефы.

Шефы? А может, просто друзья? Потому что на шефов кое-где частенько смотрят, как на добрых, но дальних родственников. Надо отремонтировать школу — помогут шефы, нужен автобус для экскурсии — дадут шефы, необходимо на выпускном вечере произнести напутственное слово — произнесут шефы...

А комсомольцы с Уралхиммаша — друзья ребят. Они тоже помогают ребятам. Но помогают в самом главном — помогают сделать их жизнь интересной.

Началось все с того, что комсомолка токарь Люда Корякина работала летом пионервожатой в лагере. Сдружилась с ребятами. И позже, когда

стала она комсоргом цеха, комсомольцы решили взять шефство над семиклассниками. У Люды «свой» класс — 7-й «в», у комсомольца разметчика Виктора Сердитых «свой» — 7-й «б».

И когда готовили ребята вечер к Восьмому марта, вместе с ними была Люда; это она посоветовала устроить концерт по заявкам, и принесла свой магнитофон, и помогла ребятам записать любимые песни их мам.

Только не подумайте, что Люда все делала за ребят. Ничего подобного! Кто пек пироги? Кто отвечал за концерт самодеятельности и разучивал и исполнял номера? Кто придумывал аттракционы? Ну, конечно, сами ребята. Стоило только увлечь их, и предложения, веселые выдумки посыпались одна за другой. Пожалуй, даже не нужно лишний раз и говорить об этом: не поработай сами ребята как следует, не прояви инициативы и изобретательности и, главное, не имей желания — и, ясное дело, тут бы никакие шефы не выручили. Теперь же все, что происходило в школе, стало и для пионеров-семиклассников и для комсомольцев с завода общим делом.

И когда отправлялись семиклассники в поход, это комсомольцы цеха шли вместе с ребятами. И учили ребят плавать тоже комсомольцы.

А когда в пятом цехе проводился КВН, самыми горячими болельщиками были гости — ребята-семиклассники.

Зато когда ребятам надо было доходчиво рассказать об экономике, об экономической жизни завода, в класс пришел комсомолец Игорь Азанов, и ребята первый раз, может быть, представили себе, какой сложной жизнью живет огромный завод, их Уралхиммаш...

И когда в классе стала отставать сразу по нескольким предметам Галя Скукина — ей трудно давался русский язык, — сама Люда Корякина занималась с ней, и Галя не раз приходила к Люде в общежитие, и они вместе сидели над учебниками... Ведь и у Люды Корякиной была нелегкая жизнь. Она росла в семье, где было семь детей. Были переезды из одного интерната в другой. И учеба не всегда шла гладко — так что кому, как не ей, было понять Галю и помочь ей...

А теперь, когда Галя немного подтянулась, у нее появился новый шеф — Лена Печенкина, девочка из их же 7-го «в» класса. Лена и Галя стали подругами, и Галя теперь приходит к Лене домой так же, как приходила раньше в общежитие к Люде Корякиной. И может быть, это самый главный итог этой маленькой истории.

А когда...

Впрочем, пожалуй, довольно.

Стоит только еще сказать, что Люда Корякина была делегатом XVI съезда комсомола. И, вернувшись из Москвы, конечно она сразу же рассказала о своих впечатлениях своим семиклассникам.

Она говорила о том, что больше всего взволновало, что тронуло ее почти до слез: о пионерском приветствии съезду, о буденновской шашке, которую седоусый маршал, поцеловав, подарил комсомолу, о девочке-героине из Вьетнама... И когда она рассказывала об измученной, но не сдавшейся вьетнамской девочке из Сонгми, пионеры слушали ее, затаив дыхание...

... Ну вот, пожалуй, и весь мой рассказ. И значит, можно отложить свой старый блокнот до новой командировки, до нового редакционного задания. Или хотя нет, еще минутку. Вот я вижу торопливо записанные мною с краю страницы слова: «Теперь все в школе хотят иметь таких шефов». Эти слова я слышал несколько раз, пока разговаривал с ребятами из 7-го «в»...

Василий Фетисов

ЧТО СЫГРАЛ Я В ДРАМКРУЖКЕ

Затащил меня дружок
в драматический кружок.

— Вы котов играть хотите? —
говорит руководитель.
— Что же, можно и котов... Я готов!
— И я готов!

Стал котом он в сапогах,
Носит шпоры на ногах.
Мне же дали в драмкружке
роль без слов — кота в мешке.

Друг мой к замку подъезжает,
Про меня поет стишок

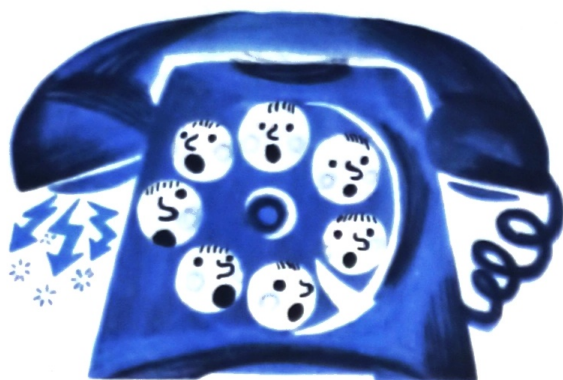
И в мешок меня сажает,
на плечо берет мешок.

Кто-то другу тут сказал:
— Котофей, взгляни-ка в зал! —
Глянул он — и замер весь:
Оказалось — мама здесь!

От волненья
мой дружок
уронил с плеча мешок.
И тогда что было сил
я в мешке заголосил.

Вдоволь в этом драмкружке
я наплакался в мешке.

ПРО СЛЕДОПЫТА ДОМОСЕДОВА

ВОЛЫТ СУСЛОВ

Как вы думаете: какое на свете самое великое изобретение? Колесо? Атомный реактор? Космический корабль? Не спорю, серьезные вещи. Но самое-самое великое — это телефон.

Если уметь им пользоваться, можно что хочешь открыть, организовать, даже героем стать! Не верите? Ну так послушайте...

Учился в одной обыкновенной средней школе один необыкновенный ученик — Костя Домоседов. Сначала никто и не догадывался, что он необыкновенный, а потом в их классе решили организовать отряд красных следопытов.

— Ура! — крикнул пока еще обыкновенный Домоседов. — Бороться и искать, найти и не сдаваться!

Все дружно зааплодировали.

— Мы все добудем, найдем и откроем! — заявил Домоседов. — Кто ищет, тот всегда найдет!

Тут все сразу почувствовали в нем что-то необыкновенное и выбрали Костю командиром. Конечно, вопросы задавать начали:

— А кого искать будем?

— Кого надо, того и будем, — авторитетно отвечал командир.

— А в поход пойдем? С рюкзаками?

— Рюкзаки отменяются. У меня свой метод!

Вскоре узнал командир, что их отряду поручается выяснить боевой путь отважного воина рядового Пехотинцева. Пришел командир Домоседов домой, сел за телефон и диск крутит.

— Алло!.. Библиотека? Вас беспокоит командир отряда красных следопытов Домоседов. Нам поручили выяснить боевой путь товарища Пехотинцева. Убедительно прошу вас подобрать всю литературу, где о нем что-нибудь написано.

— Военкомат? Здравия желаю, товарищи! Домоседов говорит. Очень прошу установить, на каких фронтах сражался рядовой Пехотинцев.

— Музей? Сделайте срочно копию с портрета товарища Пехотинцева.

— Редакция? Вам надлежит разыскать и сообщить нам адреса всех одноклассников и родственников рядового Пехотинцева...

— Алло! Шефы? Для похода по местам боевой славы нам необходим транспорт. Подавайте нам автобус! Непременно с мягкими сиденьями, вентиляцией, горячим какао и экскурсоводом!..

И что бы вы думали? Месяца не прошло, как Домоседов уже докладывал на торжественном собрании:

— Нами проделана огромная работа! В результате следопытского поиска мы выяснили боевой путь... Разыскали однополчан... Обнаружили редчайший портрет... Провели поход...

Вокруг только и разговоров, что о Домоседове: ах, какой следопыт! На три метра сквозь землю видит! Настоящий разведчик!

Пока просто про Домоседова говорили, я еще головой кивал, но когда сказали «разведчик», — меня словно взрывной волной оглушило. «Как же так? — думаю. — Фронтовых разведчиков я хорошо помню, доводилось встречаться с ними в войну. А тут — какой же разведчик Домоседов этот? Да если бы его — туда!..»

Сразу я все это себе представил.

Звонят, значит, изо всех штабов командиру полка: так и так, мол. Прибыл с последним пополнением всем известный следопыт Домоседов. Рекомендую его в разведку. Ибо много по этой части наслышаны. Вызывает Домоседова командир полка.

— Надо бы, — говорит, — выяснить, где у противника стоят пушки.

— Слушаюсь, — отвечает Домоседов. — Это я мигом. — И бегом в землянку связистов у полевого телефона ручку крутить.

— Алло!.. Передний край? Убедительно прошу вас сообщить, где там у врага пушки стоят? Что-что? Лесок мешает? Сам сходи? Как это — сам сходи? А вы на что? Алло!.. Не слышу!.. Придется доложить, что связь оборвалась.

Очень удивился командир, услышав такой ответ. Даже спросил:

— А без телефона вы не умеете?

— Без телефона? Как это? — растерялся Домоседов. — Я всегда по телефону. В крайнем случае — письменный запрос...

— Кру-гом! — скомандовал командир.

И отправился Домоседов на кухню. Картошку чистить.

Н-да, великое изобретение — телефон. Только мне-то самому звонить некогда: письмо вон пришло, ответа требует...

«Дорогая редакция! Наш отряд борется за право носить имя сержанта Саперского. Напишите нам, кто он такой и все, что вы о нем знаете. С пионерским приветом! Красные следопыты».

Вот так-то...

Нонна Слепакова

ЧТО ТАКОЕ ПЕРЕМЕНЫ

Перемены — это... это...
Это — поезд, это — путь!
Это город после лета,
Изменившийся чуть-чуть!

Пять минут возни и визга
И полетов кувыркком
После Игрека да Икса
Перед Русским Языком!

На простор меняю стены!
На учебники — листву!
Перемены, перемены,
Я без вас не проживу!

Во всех странах мира школьники пишут сочинения и отвечают у доски. И конечно, не всегда они пишут и говорят умные вещи, иногда чепуху несут, особенно нерадивые ученики.

Такой-то чепухой нерадивых и заинтересовался французский писатель-юморист Жан-Шарль и составил книгу «Ярмарка неучей». Вот несколько отрывков из нее.

* * *

Обезьяна — животное, больше всех похожее на человека. Она даже умеет гримасничать.

* * *

Пустыня — местность, где нет ничего, кроме нефти.

* * *

Кошка имеет четыре ноги: две передние, чтобы бегать, и две задние, чтобы тормозить.

* * *

Еж, жаба и ласточка помогают садовникам есть насекомых.

ПЕРЕМЕНКА!!! ПЕРЕМЕНКА!!! ПЕРЕМЕНКА!!!

Галилей заставил Землю вертеться, но епископы стали его мучить, чтобы он снова ее остановил.

Днем Земля вращается вокруг Солнца, а ночью — вокруг Луны.

Архимед, сидя в ванне, закричал «эврика!», когда нашел свое мыло.

Притяжение Земли открыл Ньютон. Оно всего заметнее осенью, когда падают яблоки.

Закон Архимеда: всякое тело, погруженное в воду и не всплывшее в течение часа, следует считать утонувшим.

Пастёр изобрел оспу, бешенство и другие болезни. Это — благодетель человечества. Он изобрел еще микробов и выращивал их в бульоне и пастеризованном молоке.

Чем менее быстро падает тело, тем более медленна его скорость.

Корова ест немного, но дважды пережевывает, поэтому ей хватает.

Витамины — это маленькие насекомые, которые сидят в салате, если его плохо помыть.

ПЕРЕМЕНКА!!! ПЕРЕМЕНКА!!! ПЕРЕМЕНКА!!!

ЗАЙЧИКИ

Случилось это в зоопарке.
В клетке сидели беляки-зайцы: бело-фарфоровые, с черными кончиками ушей и чудесными темно-ореховыми глазами.

Посетители зоопарка наперебой старались протиснуться к клетке. Протиснувшись, каждый непременно ахал и что-нибудь говорил. Девушка в высоких сапожках сказала: «Ах, какая миленькая шапочка получилась бы во-он из того беленького!» Старичок в валенках лихо крикнул: «Ой, не могу! Дайте мне скорее ружье — руки чешутся!» Дядя в яловых сапогах вспомнил: «Это страх, сколько я этих косых за свой век перебил!» Парень с сигаретой на губе присел на корточки и спросил: «А что, если косому дым в нос пустить? А?»

Тут к зайцам, растолкав локотками ноги взрослых, протиснулась маленькая девочка. Увидев фарфоровых зайцев, она всплеснула руками и тоненько вскрикнула: «Зайчики мои беленькие, какие же вы красивенькие!»

Все вокруг вдруг замолчали, посмотрели на девочку и разошлись.

Н. Сладков

ПОЧТА «ЗЕЛЕНых СТРАНИЦ»

Наш отряд юннатов только начинается, но мы уже сделали кормушки и развесили их по парку, чтобы спасти голодных птиц. Выпустили два раза газету «Юннат».

Собираем семена всяких растений. Это семена чайной тыквы, огурцов, помидоров, яблок; семена цветов — анютины глазки, ноготки и другие.

Лиза Новикова,
Челябинская область

КОСУЛИ

Однажды зимой по дороге из школы мы увидели пять косуль. Они стояли возле дерева, ели кору и опавшие листья. До чего же косули красивые! Они увидели нас и от-

«ЗЕЛЕНые СТРАНИЦы» «ЗЕЛЕНые СТРАНИЦы»

бежали в сторону. Но они уже меньше боятся человека. С каждым годом косуль в наших местах становится больше, потому что охоту на них запретили...

Исмаиль Фахрутдинов,
Оренбургская область

Однажды ко мне прибежала моя подружка. Она принесла утку. Оказывается, отец ее был на озере и в камышах нашел утку. Она была ранена. Мы посадили ее в сарай и побежали к учительнице по зоологии узнавать, чем питаются дикие утки. Потом нашли старую ванну и побежали на болото за водой. Налили болотной воды в ванну. На дно насыпали песку с галькой. Поставили ящик с песком, сделали гнездо из соломы и ушли. Ранку мы ей намазали мазью. Сначала она пряталась в темный угол, когда мы приходили, но потом начала привыкать. Скоро рана у нее зажила — и мы ее выпустили. Было очень жаль с ней расставаться.

Таня Созонова,
Тюменская область

МОЯ ОШИБКА

Я, убегая в школу,
Увидела скворца.
Насвистывал он хмуро
У самого крыльца.
— О чем грустишь? —
спросила.

А скворушка в ответ:
— Сама живешь ты в доме,
А мне скворечни нет!

Назия Гильфанова,
Старо-Избайкинская школа

Спешите!!! Спешите!!! Спешите!!! Спешите!!!

Спешите увидеть
первых весенних бабочек: крапивниц, лимонниц, траурниц.

Спешите услышать
песни зябликов, зорянок, дроздов.

Спешите понюхать
первые цветы мать-и-мачехи, перелеска, волчьего лыка.

Спешите развесить
дуплянки и скворечники.

... Еще зима, но весна уже не за горами...

«ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ» «ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ»

РЕКОРДСМЕНЫ

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВ

«Вес взят! — закричал диктор по телевизору. — Отличный результат! Это шестьдесят восьмой мировой рекорд нашего замечательного атлета!»

— Вот это да! — с завистью сказал Генка. — Шестьдесят восьмой! А ведь ему еще, наверно, и тридцати нет. Колоссально!

— А вот я читал в одном журнале, — сказал я, — что в Англии есть такая книга, куда всякие необычные рекорды записываются. Съел больше всех сосисок — рекорд. Плюнул дальше всех — тоже рекорд. Или вот, к примеру, три человека кувалдами рояль за десять минут расколошматили.

— Настоящий рояль?! — удивился Генка.

— А то как же. Самый настоящий.

— Здорово! Это сколько же роялей для тренировки нужно?!

На лестничной площадке Генка сказал:

— Так, значит, любой рекорд в ту книгу записывается?

— Любой. Главное, чтоб никто до тебя такого не сделал.

— Тогда гляди. Лифт видишь?

— Ну?

— Иду на мировой рекорд!

— Ломать будешь?!

— Зачем ломать. Пятьдесят раз вверх и вниз без остановки!

Генка залез в кабину и хлопнул дверью.

— Считай!

... Когда он пошел на десятый заход, внизу стали собираться люди. А Генка, чтоб его рекорд не прервали, до первого этажа чуть-чуть не доедет, на кнопку «стоп» нажмет — и опять вверх.

— Что такое? В чем дело? — удивленно говорили люди. — Почему лифт не останавливается?

— Товарищи, — сказал я, — потерпите немного. Там человек мировой рекорд устанавливает.

— Безобразие, — сказала женщина с портфелем. — Лифт не игрушка. Сейчас же прекратите хулиганство!

— Надо узнать, кто их родители, — сказала старушка. — И привлечь.

— Вот я им покажу рекорды, — сказал небритый мужчина, — пусть только вылезет. Слышишь, бездельник, немедленно вылезай!

— Надо лифтершу позвать, — сказала старушка. — Она лифт остановит, и мы его оттуда за шкурку вытащим.

Кто-то пошел за лифтершей, кто-то сказал, что надо позвать дружинников. Я взлетел на третий этаж и, когда Генка мимо меня проезжал, крикнул:

— Генка, вылазь! Сейчас лифт остановят, тебя за шкурку будут тащить!

И тут лифт, которому, наверное, надоело взад-вперед без остановки гонять, встал. Как раз между первым и вторым этажами. Я видел, как Генка нажимает подряд все кнопки, но лифт не двигался.

— Не едет больше, — растерянно сказал он.

— Ага, застрял, дебошир, — злорадно сказал небритый.

— Как бы ему там еще свет погасить, — сказала старушка. — Пусть бы в темноте посидел.

— Вот сломал лифт, — сказала женщина с портфелем, — так и сиди теперь там всю ночь.

— Свет бы еще выключить, — снова сказала старушка.

И люди стали расходиться.

— Сидишь? — спросил я.

— Сижу, — ответил Генка из лифта.

— Ничего, Генка, не расстраивайся. Ты зато двадцать восемь раз накатал!

Лифтерши не было целый час, и за это время был установлен мировой рекорд сидения в лифте...

Утром в школьной раздевалке я сказал:

— Генка, я тоже иду на рекорд. Сегодня буду весь день ходить на одной ноге. — И прямо из раздевалки запрыгал наверх в класс.

Сначала все шло хорошо, и я даже в столовку сумел доскакать. Но на географии мой рекорд чуть было не рухнул. Людмила Ивановна вызвала меня отвечать. Я встал и стою на одной ноге как цапля.

— Подойди же к карте, — говорит она.

Делать нечего, я запрыгал к доске.

— В чем дело, Сережа? Почему ты скачешь? У тебя нога болит?

— Ага, — говорю, — болит.

— Так что же ты, голубчик, сразу не сказал. Надо сейчас же в медпункт. Ребята, помогите ему.

— Не надо, — говорю, — мне помогать. Не болит у меня нога.

— В чем же тогда дело?

Я молчу. Только равновесие стараюсь удержать. Потому что, если ни за

что не держаться, на одной ноге трудно долго стоять. Стою, балансирую. Ребята хихикают.

— Вот что, Лапин, иди в коридор и там попрыгай. А потом поговорим. В общем, рекорд я отстоял. Вернее, отскакал.

С этого все и началось. Мы с Генкой забыли обо всем на свете и целыми днями только и думали, какой бы еще рекорд установить.

Я прочитал пятьдесят шесть раз стихотворение Лермонтова «Бородино». Вслух.

Генка ответил тем, что молчал четыре часа.

Я написал слово «мыло» восемьсот шестьдесят три раза. Генка съел контрольную работу, за которую получил единицу.

Я провел мелом самую длинную в мире линию.

Генка сто двенадцать раз мигнул на уроке русского...

К концу недели на моем счету было девяносто шесть рекордов, на Генкином — девяносто семь. А последний рекорд мы установили в пятницу.

На классном собрании Людмила Ивановна сказала:

— Петров и Лапин, попрошу встать. Пусть на вас весь класс полюбуется.

Мы встали, и все повернули головы, чтобы на нас полюбоваться.

— Вот, посмотрите на них, — продолжала Людмила Ивановна. — Все рекорды побили.

— Рекорды? — встрепнулся Генка. — А откуда вы про наши рекорды знаете?

— Тут и знать нечего. Достаточно журнал открыть. У тебя, Петров, за неделю девять двоек, а у друга твоего восемь. Хороши, нечего сказать. Завтра чтоб без родителей в школу не приходили.

Когда мы шли домой, Генка сказал:

— А у меня все-таки больше.

— Чего больше? — не понял я.

— Ну этих... двоек. У меня девять, а у тебя восемь. Рекорд за мной. И Генка вздохнул.

Летом всей семьей ездили в Москву. Когда вернулись, соседка спрашивает Вову:

— Ты был в Москве?

— Был.

— А что видел?

— Много-много ног!

Прислала Ира Воброва
из Горького

НАХОДЧИВЫЙ
ПАЛОЧКИН

— Палочкин! Разве это Волга? До сих пор это был Днепр!

— Правильно, Сергей Сергеевич. Знаете, мы с Ивановым поспорили — заметите вы ошибку или нет.

Большой сбор у БАРАБАНА

ИНТЕРВЬЮ ПО ВИДЕОФОНУ

— Кто говорит?

— Совет командиров двести девяносто четвертой ленинградской школы. Хотим рассказать про нашего барабанщика Сережу Граненкова. Сережа научил целый отряд горнить и барабанить. А еще у него сила воли: по всем видам спорта результаты были на золотой значок ГТО, а прыжки на «серебро». Ему говорят: «Молодец!» — а он молчит и прыгает... И дотянул до «золота»!

— И товарищ хороший?

— Хороший.

— А списывать дает?

— Списывать? Был такой случай. Один мальчик подошел к Сергею: «Дай списать!» Сергей не дал. А после уроков говорит: «Хочешь, объясню?» И вытащил человека из двоек.

— Ну, а посмотреть на вашего Сережу можно?

— Пожалуйста. Сережа, иди скорей сюда!

ВЕСТИ

С пионерских маршрутов

Мы собрали 400 книг для подшефной школы поселка Новая Вилга и сами повезли их туда. Мы рассказывали сельским ребятам про нашу школу, дали концерт, а потом вручили книги. Нас благодарили, а после повели на сельскохозяйственную выставку. Нам очень понравилась выставка. Теперь будем дружить с сельскими школьниками, потому что это интересно.

Юлия Бурлакова,
Петрозаводск

По приказу командующего городской игрой «Зарница» наш отряд выступил в поход и принял участие в игре. Отряд действовал слаженно, хорошо ориентировался на местности.

Неожиданно мы попали в зону заражения, но зараженных не было, так как у всех были противогазы. Потерь в отряде нет, один боец Иванов Юра получил ранение в правую ногу (понарошке!). Наши санитары быстро наложили жгут. Мороз стоял трескучий, но в бою было жарко. Впереди мы увидели высоту и по команде пошли в атаку. С криком «ура!» мы захватили знамя.

Галя Михайлова,
редактор «Боевого листка», Псков.

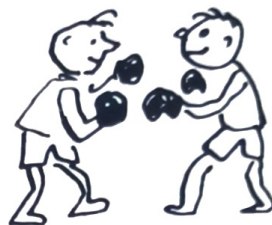
ШКОЛА ВОЖАТИКА

Отрядные вожатые спрашивают

...Класс хороший, а все-таки скучно. Надо с ними что-то провести, а что — я не могу придумать.

Таня Мартянова

...Мы не можем найти дела, чтобы их всех заинтересовать.

Римма Жукова

...В прошлом году с ними было так легко, а сейчас трудно.

Лида Миронова

...Вова учится плохо, а любит драться.

Катя У.

...Люба и Лариса, две подружки, все сплетничают друг с другом, а от коллектива уходят.

Света Ш-ва

...Женя такой: что другие делают — то и он!

Сергей Желтков

ВОЖАТИК. Посмотри внимательно рисунки слева и справа. А как у тебя в подшефном отряде? Похоже? .. А теперь задумайся: что ты сам, вожатый отряда, знаешь и умеешь? Что любишь, чем интересуешься?

Ты, конечно, выписал себе «Пионерскую правду», «Пионер» или «Костер»? И еще помни: если ты будешь ходить в свой отряд как из-под палки — ничего у тебя не выйдет. Желаем успеха!

Про наших взрослых

Рассказывают юнкоры из Пскова

Мой дедушка был кавалеристом. Участвовал в гражданской и Отечественной войне. Он пастух в колхозе. Ему сейчас 86 лет. У него есть медали. У дедушки хороший характер.

Андрей Бедошеев

Самый любимый и дорогой человек — моя бабушка. Она родилась в 1907 году неподалеку от Пушкинских гор. Она помнит все события, которые там происходили. Бабуля строила первую школу в деревне. Вступила в колхоз и повела за собой других. Многие называют ее «мама Лиза» и любят как родную.

Рита Зарцалова

Я говорю: «Папа, курить вредно?» Он говорит: «Очень». Я говорю: «А почему же ты тогда куришь?»

Славик С-в, Ленинград

На уроке физики учитель объяснил новую тему и говорит: «Баранов, повтори, что я сейчас сказал». А Баранов наш так привык прогуливать, что и говорит по привычке: «А я на уроке не был!»

Прислала Оля К.,
Брянская область

Мы в библиотеке стоим в очереди. Библиотекарьша: «Тебе, Леня, какую книгу дать?» А Пашин: «Мне дайте ту зеленую-зеленую, которую прошлый раз Витьке давали».

Саша Рюмин, Рязань

Товарищ Саркис и его отряд

ВЛАДИМИР АРРО

Я расскажу тебе про то, какой есть отряд в городе Ереване и какой у него вожатый.

Если выстроить этот отряд на линейку, то он растянется на полкилометра, в строю будет тысяча сто шестьдесят человек. (Только не думай, пожалуйста, что я преувеличиваю.) На правом фланге окажутся: академики, депутаты Верховного Совета, народные артисты, писатели, директора заводов, знаменитые спортсмены, художники, врачи, учителя, инженеры — цвет Армянской республики. Они придут сюда со своими детьми и внуками, потому что те тоже считают себя членами этого отряда. В середине строя будут стоять старшеклассники и студенты. А на левом фланге выстроятся сорок пионеров из школы имени Максима Горького, из шестого «в».

Двадцати пяти человек в строю не окажется, их убили на войне.

Перед строем отряда будет стоять пионервожатый. Шестиклассники, отдавая рапорт, назовут его товарищ Мнацацян (в Армении учителей и вожатых называют по фамилии), а для людей пожилого возраста он, как и прежде, товарищ Саркис. Сам он всех без различия называет по имени. На призыв своего вожатого все взметнут руки над головой и скажут: «Всегда готовы!»

... Такой линейки еще не было, зато каждый год бывает общий отрядный сбор. В 1975 году отряду имени Агаси Ханджяна исполнилось пятьдесят лет. А вожатый, товарищ Саркис, в этом отряде с 1931 года.

Невероятно все это, да? Ведь отряд чаще всего живет только пять лет. Уходят ребята в комсомол, и от отряда, если даже он был самый боевой и веселый, остаются только воспоминания. А тут — пятьдесят лет. Да это почти вся история пионерской организации.

Передо мной краткая летопись.

«1925 год. 25 июня при второй типографии Еревана создается пионерский отряд. В честь вновь полученной печатной машины отряду дается наименование «Линотип». В первый пеший поход отряд вышел 15 августа, в тот же день в окрестностях города зажегся первый отрядный костер. 10 октября все пионеры в честь создания отряда посадили по одному дереву в саду типографии».

Это конечно для нас с тобой далекое прошлое, седая история, но вот что интересно: мы можем поговорить с теми первыми пионерами, и те деревья они нам, наверное, покажут, и до сих пор над отрядом шефствует типография, и главное, что жив сам отряд.

Как же это ему удалось?

Еще одна выдержка из летописи.

«1930 год. 22 апреля состоялся первый прощальный сбор отряда «Смена смене идет». Старшие пионеры прощались с отрядом, а их место занимали октябрята. Это стало самой красивой и важной традицией отряда, которая повторяется каждые пять лет, в день рождения В. И. Ленина».

Теперь ты понимаешь, в чем весь секрет? Бывших пионеров не забывали, их можно было всегда позвать на помощь, с них брали пример.

Вторая смена провела тайный сбор под названием «О чем я мечтаю». Этот сбор на Всесоюзном конкурсе занял одно из первых мест. В награду отряд получил похвальную грамоту, а вожатый — велосипед.

С тех пор каждое новое поколение, достигнув седьмого класса, начинало готовиться к такому сбору. Пионеры в тайне друг от друга мастерили, репетировали, рисовали, тренировались — готовились рассказать о своей будущей профессии.

— Ну, и сбываются их мечты? — спросил я у Саркиса Михайловича.

— Судите сами, — ответил он. — В первой смене почти все до единого добились того, о чем мечтали. Обычно ко дню прощания с отрядом пионер успел овладеть хотя бы элементами какой-то профессии. В пятом, в шестом классе ребята еще мечтают от одного дела к другому, зато в седьмом почти всегда знают, чего хотят.

Теперь ты понимаешь, почему академики, народные артисты, писатели, спортсмены, художники, врачи, инженеры так нежно, так бережно относятся к своему отряду? Потому что самое главное в их жизни начиналось здесь.

От всех смен в наследство нынешнему отряду остался известный и тебе принцип: один за всех, все за одного. Его не просто провозглашают, он становится личным открытием для каждого в особый момент. В пятый класс

(не раньше) приходят бывшие воспитанники отряда и рассказывают, как это у них было.

Вот что обычно вспоминают пионеры четвертой смены.

В разгар войны в Испании все пионеры Советского Союза боролись за право получения знамени пионеров города Барселоны. Завоевать его мог отряд, который получит больше оборонных значков. Ну, и конечно, как всегда, дело решала полная успеваемость.

В эти самые дни с одним пионером — Левиком Садояном — произошло несчастье: он обварился кипятком и надолго слег в постель.

С этого дня у отряда появилась новая тимуровская тайна: был организован филиал школы. Преподавателями в ней были все пионеры отряда, а ученик один — Левик. Учителя об этом не знали. Через месяц Левику позволили встать, но ходить он еще не мог, и ребята на руках понесли его в школу. Был конец четверти. На уроке звеньевой сказал учителю физики:

— Спросите Левика.

— Левика я не спрошу, — ответил учитель, — у него большие пробелы в знаниях. Думаю, что он не будет аттестован.

— Спросите, пожалуйста, — настаивал звеньевой. Все пионеры требовательно смотрели на учителя, и тот согласился.

— Ну, пусть идет к доске. Иди, Левик.

Садоян встал из-за парты, но остался стоять.

— Видите, он сам не хочет идти, потому что ничего не знает. Зачем зря позориться, правда, Левик?

Но тут к Садояну подошли два пионера и отнесли его к доске на руках. Учитель удивленно смотрел на них.

Первую задачу Левик Садоян решил на отлично. Вторую на отлично. Третью на отлично.

Учитель недоумевал...

Да, так я не досказал, как там получилось со знаменем пионеров города Барселоны. ЦК комсомола присудил его отряду имени Агаси Ханджяна. Оно и сейчас хранится в отрядном музее.

Теперь ты понимаешь, почему академики, народные артисты, писатели, спортсмены, художники, врачи, инженеры, студенты в день общего сбора спешат в пионерский отряд? Потому что все самое лучшее в их жизни и началось здесь, в отряде.

Пятому сменному отряду досталось всего два мирных месяца: от 22 апреля до 22 июня 1941 го-

да. В первый же день войны по пионерской цепочке отряд собрался в парке и дал клятву: всеми силами помогать Родине в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

В июле они провожали на фронт своих старших товарищей. Ушел на фронт и их вожатый товарищ Саркис. Но перед уходом сказал, что... постарается остаться у них вожатым. И действительно, все четыре года войны товарищ Саркис продолжал руководить отрядом. Каждую неделю пионеры получали с фронта письма.

После войны маршал Баграмян подарил пионерам горн с надписью: «Передовому отряду Армии за оказанную в годы войны помощь семьям воинов Советской Армии».

О войне напоминает всем и бронзовый памятник бывшему воспитаннику отряда дважды Герою Советского Союза Нельсону Степаняну. Нельсон защищал ленинградское небо и погиб в воздушном бою.

Война оставила отряду траурный список двадцати пяти верных защитников Родины.

Теперь ты понимаешь, что еще собирает вместе тех, кто остался в живых. Это — светлая память.

Товарищ Саркис ждал меня во Дворце пионеров. Он сказал буднично:

— Ну, пошли в отряд.

Еще бы ему не говорить буднично: вот уже сорок лет он ходит к своим пионерам два раза в неделю!

— Так часто?

— А что тут такого? — удивился и он. — Ведь я их люблю и они любят меня.

Из его рассказа я понял, что воспитанники отряда не расстанутся со своим вожатым всю жизнь. Он знает их родителей и друзей. Он провожает их в комсомол, в институт, на работу, в армию.

— Неужели, — спросил я, — за все это время у вас не было плохих ребят?

— А вы думаете, плохие ребята бывают? Помоему, бывают плохие обстоятельства. Вот послушайте. Был у меня один воспитанник, сорвиголова. Из школы хотели выгнать его за всякие проделки, но мне удалось мальчишку отстоять. Во время войны он был командиром батареи. Получил за отвагу три ордена Славы. Сейчас — директор республиканской спортивной школы — Саркис Мартиросян. Вот и задумаешься: тогда, в те дни, когда из школы выгоняли, был ли он плохим? А вот пример еще более поразительный. Был у нас в

отряде один пионер, всем неплох, но получал одни тройки по математике. Мы и так с ним, и этак, ничего хорошего не выходило. Кто он сейчас, как вы думаете? Выдающийся математик, академик Сергей Амбарцумян. Значит, не сумели мы тогда подобрать к нему ключик. А плохих ребят, в этом я убежден, нет.

— Как же вы их воспитываете? — не унимался я.

— Их воспитывает жизнь, я для них на первых порах проводник, поводырь, вожатый. А еще я рассказываю им и знакомлю с бывшими моими пионерами и говорю: будьте как они. Вот и вся моя премудрость.

Но не все так просто, как может показаться на первый взгляд. Товарищ Саркис тщательно готовится к каждой своей встрече с отрядом. И еще надо знать, кто чем живет, и поэтому часто бывает в семьях. С пионерами ходит в походы, зажигает костры, поет песни, играет в шахматы. Еще не было такого случая, чтобы в назначенный день товарищ Саркис не пришел или опоздал.

Однажды он присутствовал на важном заседании бюро Центрального Комитета компартии Армении. Секретарь вдруг прервал свое выступление.

— Товарищ Мнакацян, — спросил он, — почему ты все время смотришь на часы? Или то, что я говорю, тебя не интересует?

— Очень интересует. Но меня ждет пионерский отряд. Я могу опоздать.

— Иди, — секретарь кивнул. — Я позвоню, чтобы тебе дали машину. Свои обязанности вожатого товарищ Саркис совмещает с работой директора Дворца пионеров.

Что же основное?

— Основное, — говорит Саркис, — Дворец пионеров, главное — отряд.

Теперь уж ты до конца понимаешь, почему собираются вместе, надев красные галстуки, академики, народные артисты, писатели, спортсмены, художники, врачи, инженеры, студенты. У них есть вожатый — товарищ Саркис Мнакацян.

Вот она — десятая пионерская смена! Шестой «в» школы имени Максима Горького.

Красивые, смуглые, глазастые. Все в белоснежных рубашках, в алых галстуках. Прямо праздник, а не отряд. Встают друг за другом, рассказывают про то, как заслужили первое место в дружине, в районе, в городе. И обычные и необычные это дела. Потому необычные, что делают они их с охотой, с выдумкой, с весельем, с задором.

И уже вырисовываются кое-какие черты их будущего.

Амбарцум играет в сборной футбольной команде.

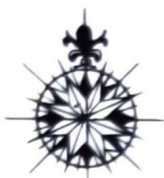
Армен рисует, пишет маслом. Его работы отмечены на выставках детских рисунков в Болгарии и Франции. На одном из них есть надпись: «Рисуй так». И подпись — Мартирос Сарьян.

Гаянэ — танцовщица, с шести лет солистка ансамбля. Говорят, что танцует прекрасно.

Нина пишет стихи, Гарине играет на каноне — старинном инструменте, Каэн занимается прыжками в воду. Да мне и не перечислить всего, потому что у каждого есть любимое занятие.

Нет, дело не в том, что именно это занятие станет делом жизни. Из этих сегодняшних музыкантов, шахматистов, фотографов вырастут и врачи, и учителя, и инженеры, и милиционеры, и рабочие. Будущее этих ребят решается сегодня: это будут интересные, образованные, добрые, беспокойные люди.

МАЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ

В Нахимовское Володю Заблоцкого не приняли: в школе он учил немецкий, а в Нахимовское надо было сдавать английский. Огорчился он, конечно, сильно. Весь день пролежал на чердаке возле слухового окна. Море между крышами синело горячее и далекое. Корабли по морю плыли. Эх, прощай мечты...

Потом взял Володя себя в руки и послал документы в мореходку. За экзамены не беспокоился; в учебе он был упрямый. Однако снова не повезло ему. Зрение у Володи оказалось плохое.

...Обо всем этом я узнал и очень Володе сочувствовал. Потом мальчишка исчез с моего горизонта. И вдруг получаю от него письмо. На конверте адрес: г. Николаев, Судостроительный техникум.

Не пал духом Володя. Судостроение — все-таки к кораблям поближе. Стали мы переписываться. И тогда-то я оценил его характер. Почти каждое его письмо начиналось словами: «Простите, что задержался с ответом, — некогда...» или «Извините, что не писал долго, нет времени, занимаюсь по ночам».

Год за годом, курс за курсом, и все ему — некогда...

«Некогда. У нас была практика на судостроительном заводе. Насмотрелся на корабли досыта. Видел спуск теплохода. Сейчас снова учимся и снова без троек...»

«Нет времени, начал учить немного испанский, посмотрим, что выйдет. Хочу знать язык Колумба и Дон Кихота...»

И наконец Володя написал: «Все экзамены сдал на «5». Как всегда, нет времени — ухожу на корабль, на практику. Когда-то, помните, я очень горевал, что не смогу стать капитаном... А теперь я и не знаю, может ли быть что-нибудь лучше, чем корабли строить, а потом их испытывать...»

Вот такая маленькая история.

Олег Орлов

ЮНКОРЫ СООБЩАЮТ

В Гданьске я был несколько раз, и этот город всегда производил на меня громадное впечатление. Прекрасная готическая архитектура, а самое главное — Балтийское море. Из Гданьского порта выходят большие траулеры к африканским берегам и в Северную Атлантику. Польский рыбный промысел занимает одно из первых мест в мире. В нескольких словах нельзя рассказать о красотах Гданьска и Балтийского моря. Об этом можно писать всю жизнь.

Марек Пилимон, Варшава

ДВА «ЧЕЛЮСКИНА»

Вот уже несколько лет наш отряд дружит с командой волжского теплохода «Челюскин». Каждый год летом моряки теплохода берут в плавание по два человека из нашего отряда. Мы уже научились управлять машинами, изучили рулевое управление. Не раз мы стояли самостоятельно вахту. В честь теплохода мы и назвали свой отряд — «Челюскин».

Сережа Дмитриев,
Тольятти

Сережа Дмитриев в ходовой рубке теплохода «Челюскин».

ЭСМИНЕЦ В ГОСТЯХ У ПИОНЕРОВ

В день слета юных моряков пионерлагеря «Орленок» мы заметили в море силуэт корабля. Это был эсминец. Он подошел и встал на рейд. Вот так сюрприз! Оказалось, что он пришел к нам в гости! Мотоботы доставили нас на борт корабля. В первый раз я увидел совсем близко мощные торпедные аппараты и орудия. Мы побыва-

ли в кубриках, боевой рубке, орудийных башнях. На корабле служат моряки из разных республик Советского Союза. Нашлись и наши земляки — ленинградцы. А на другой день моряки были гостями «Орленка».

Саша Антонов,
Ленинград

КАК БРАКОНЬЕРОВ НАПУГАЛИ

Случилось это прошлым летом. Неподалеку от нас протекает красивая речка. Рыбы в ней много. Но повадились на речку браконьеры. Наши ребята решили их про-

учить. Организовали голубой патруль и вышли в рейд вечером. Возле берега заметили лодку. В лодке трое браконьеров готовили сети. Мы крикнули из-за кустов: «Ни с места!» Браконьеры кинулись к мотору, завели его и дали газ. Но на повороте они не снизили скорость. Мотор взревел. Из-под винта поднялся фонтан пены, и лодка перевернулась. Наступило затишье. Через несколько секунд вынырнула одна браконьерская голова, потом другая, третья. Один браконьер крикнул: «Все живы?» Головы ответили: «Все».

Браконьеры подтолкнули лодку к берегу, вылили воду. Но уехать не смогли: утопили бак с бензином...

Голубой патруль «Гроза браконьеров»,
Башкирия, Белорецк

СПРАШИВАЕТЕ — ОТВЕЧАЕМ

«Я читала роман Гончарова «Фрегат «Паллада». Очень бы хотела узнать: где построили фрегат и что с ним было дальше?..»

Катя Машатина, Ейск

«1 сентября 1832 года пополудни в 1 час фрегат со стапеля спущен на воду благополучно...»

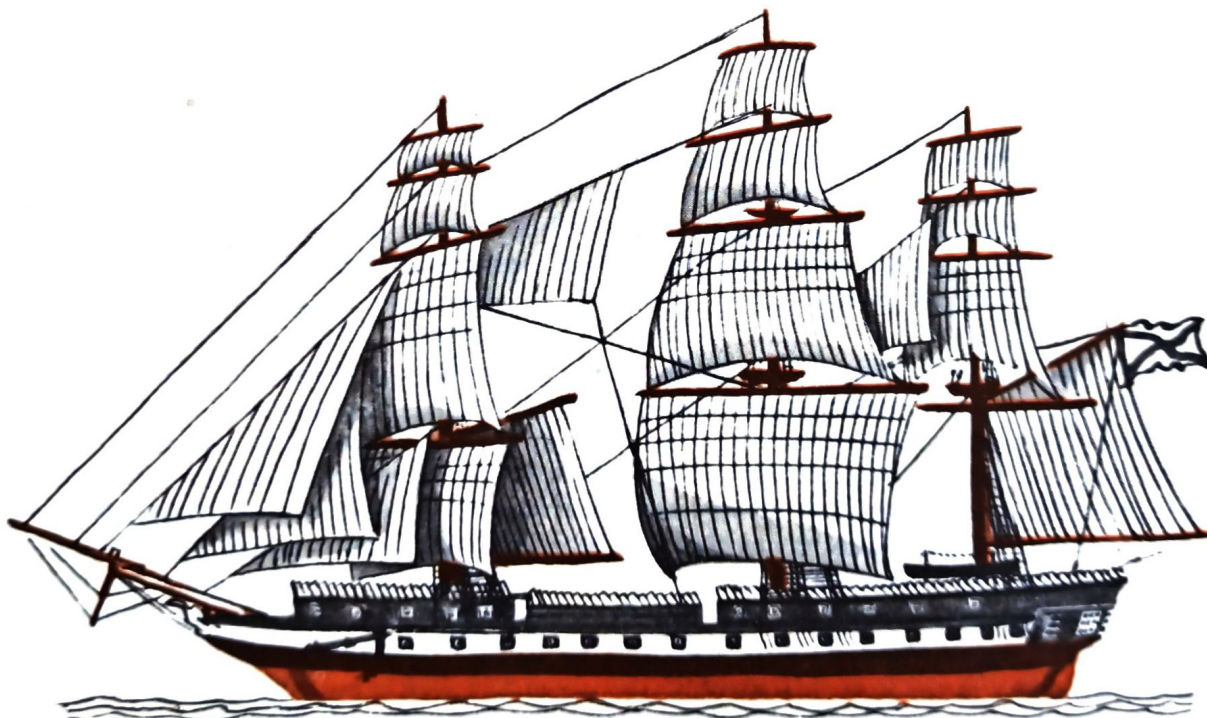
Так докладывал начальству командир «Паллады», капитан-лейтенант Павел Степанович Нахимов, будущий адмирал и герой обороны Севастополя.

Построен был фрегат в Петербурге на Охтинской верфи. Это был самый красивый и самый быстроходный фрегат в мире. Когда «Паллада» заходила в иностранные порты, заграничные корабельщики тща-

тельно, со всех сторон зарисовывали фрегат, чтобы потом сделать такой же. Но второй «Паллады» так никогда построить и не смогли.

В 1852 году «Паллада» вышла в кругосветное плавание. На борту ее находился и знаменитый русский писатель Иван Александрович Гончаров. Это плавание он и описал в романе.

Началась Крымская война. Она застала «Палладу» в Приморье. Фрегат был один, а в Японское море вошла целая эскадра английских многопушечных кораблей. На «Палладе» собрался совет. Решили: найти глубокий залив и затопить корабль... Провиант и пушки свезли на берег. Команда покинула фрегат. Последние из уходивших открыли в трюмах заборные краны — кингстоны. Дело было зимой. Фрегат накренился, повалился на бок и, ломая мачтами лед, скрылся под водой...

ОТВЕТ НА ЗАГАДКУ ИЗ «МОРСКОЙ ГАЗЕТЫ» II ЧЕТВЕРТИ

В чем же ошибся художник! Во времена Колумба не могло быть: спиннинга, бинокля, консервов, электрической лампочки, карты полушарий, наручных часов, курительной трубки, прицельного приспособления на пушке. Кроме того, на парусе художник нарисовал не испанский герб, а чужой флаг. И с названием корабля художник напутал. Каравелла Колумба называлась «Санта-Мария», «Виктория» — галкон Магеллана.

ТЕАТР ЮНЫХ СОРВАНЦОВ

АЛЕКСАНДР КРЕСТИНСКИЙ

Как-то Вадька посмотрел кинофильм «Три мушкетера». Он тотчас прибежал к друзьям и сказал:

— Давайте сделаем рапиры и будем сражаться!

Сказано — сделано. Отправились на конденсаторный завод, утащили с заводского двора плющенко — металлические полосы. Сделали из них рапиры.

Целыми днями около дома слышались воинственные крики, звон скрепяемых рапир, и в небольших количествах лилась кровь.

Взрослые забеспокоились не на шутку. Целый вечер они держали военный совет, а утром поступили совсем не так, как принято поступать в таких случаях. Они не отнимали рапир, не прятали их в потайные места, не угрожали домашним арестом в случае неповиновения. Просто бабушка предложила сшить настоящие костюмы мушкетеров.

Предложение всем понравилось, и вскоре четверо друзей щеголяли в широких шляпах, роскошных плащах и колетах, сделанных из обыкновенной клеенки. Облаченные в мушкетерские одежды, они с еще большей страстью стали сражаться на рапирах.

Тогда бабушка сказала:

— Так. Костюмы у нас есть. Рапиры тоже. Давайте ставить спектакль.

По идее, д'Артаньяна должен был играть Вадька — самый маленький и быстрый. А Портоса — Сашка. Он самый большой. Но каждый хотел быть только д'Артаньяном.

Тогда кто-то придумал кинуть жребий. Четыре одинаковых, скатанных в трубочку бумажки бросили в шапку. Жребий есть жребий: Сережка стал

Атосом, Сашка — д'Артаньяном, Вовка — Арамисом, а Вадька, маленький Вадька — Портосом!

Новая забота: мальчишек четверо, а героев гораздо больше. Как быть, например, с графом де Рошфором? И вообще, без врагов не интересно...

После долгих споров отказались от Арамиса — что ни говорите, он был не настоящий мушкетер! Вовка получил роль графа де Рошфора, а Сашка — д'Артаньян — по совместительству — графа Букингема.

Бабушке предъявили ультиматум: пусть каждый по ходу пьесы сражается и побеждает. Иначе — не согласны!

Особенно трудно было убедить Вовку — де Рошфора, — что он не должен побеждать. С Вадькой, конечно, были свои трудности: на генеральной репетиции, в заключительной сцене, когда мушкетеры выхватывают шпаги из ножен, Вадька достал из кармана самодельный пистолет и закричал:

— Руки вверх!

В труппу пригласили первых актрис. Миледи сразу же дали нагрузку: в свободные минуты она изображала лошадь д'Артаньяна. «Изображала» — не совсем точное слово. Голову лошади сделали из старого валенка — пришили уши, глаза-пуговицы, приклеили гриву. Валенки надели на длинную палку, и в нужный момент миледи высовывала валенок из-за кулис, расклевывая его на палке. Это означало, что лошадь выглядывает из-за ограды, что она встряхивает гривой.

Так начался театр, хотя в тот момент никто не предполагал, что он уже начался.

Быть артистом почетно. Но очень трудно. Задрознили Вовку мальчишки с соседней улицы: «Эй, ты, ар-ти-ист» — и застыдился Вовка своего веселого занятия. А летом, когда выступали в пионерлагере, среди зрителей оказались Вовкины недоброжелатели. Он совсем расстроился: «Лучше убегу из лагеря, а играть не буду...»

В конце концов ушел Вовка из театра.

Попросился играть Сашка Логвинов. Взяли его. Во время спектакля дружки из первого ряда поймали Сашку за ногу и потянули со сцены.

— Лога, не срамись!

У Сашки оказался покрепче характер: он остался.

Вообще трудно быть артистом. Ты приходишь и говоришь: «Я уже выучил слова» — и начинаешь быстро-быстро читать наизусть свою роль, чтобы доказать, какой ты хороший артист. А тебе говорят: «Не умеешь сидеть, не умеешь ходить, не умеешь снимать шляпу, не знаешь, куда девать руки. Тебе надо посещать танцевальный кружок. Каша у тебя во рту...»

Не всякий такое выдержит...

А еще школа. Чуть что, учителя говорят:

— Вот исключим тебя из театра, будешь знать!

И хотя ты прекрасно понимаешь, что они не могут этого сделать — театр-то не в школе! — все равно неприятно.

Или, скажем, такой случай. Обещали всему театру билеты на елку в Москву, а потом обманули: дали билеты, да не всем.

Иные люди сразу сказали: «Если не всем — не поедем».

А ты теребишь билет в руках и не знаешь, как поступить. Тебе очень хочется на елку! И ты думаешь так: «Возьму и поеду. Кому от этого плохо?»

И ты едешь на елку. В то время как другие не едут. И тебя что-то гложет по дороге обратно. И мандарины и конфеты в пузатом кулке тебя не радуют. Ты гонишь от себя грустные мысли, а они не уходят. Потому что ты нарушил закон жизни, который называется чувством локтя. И ты знаешь, что тебе этого не простят.

Кто первым предложил название театра? Так ли это важно — придумывали вместе. И название — ТЕАТР ЮНЫХ СОРВАНЦОВ — понравилось всем.

Впрочем, нет! Нашлись в городе люди — правда, их было совсем немного, — которые сказали:

— «Театр юных сорванцов»? Да это же все равно что сказать «Театр юных хулиганов»! Вы хотите расклеить по городу афиши с таким названием? Ни в коем случае! Ни за что! Ну, театр юных артистов или юных пионеров... А то — сорванцов!..

Теперь эти люди привыкли к названию театра, посещают спектакли и даже хлопают иногда.

А «сорванцы» — вот они какие. С одним из них однажды произошел такой случай. Дело было на даче. Некий человек держал у себя в саду большую овчарку. Один раз он ушел по делам, а овчарка сорвалась с цепи. Люди боялись к ней подходить, потому что овчарка на них рычала. А тот мальчик подошел, взял овчарку за ошейник, отвел на место и привязал.

А еще я узнал, что у сорванцов есть правило: когда репетиция затягивается допоздна, мальчики провожают домой девочек, и это совсем не считается у них чем-то стыдным, как думают некоторые другие ребята.

В каждом настоящем театре есть свой драматург, сочинитель пьес. У сорванцов таким человеком стала бабушка.

Надо вам сказать, что эта бабушка всю жизнь любила рассказывать детям сказки. И тогда, когда она была еще молодой. И потом, во время войны, в эвакуации, где сказки в какой-то мере заменяли детям тепло и еду.

Когда бабушка стала настоящей бабушкой, она начала придумывать сказки сама, фантазировать. Так родились бабушкины пьесы — «Два заклинания», «Неоконченный турнир» — сказка о приключениях девочки Тани в шахматной стране — и другие.

Мне не удалось увидеть «Неоконченный турнир» полностью. Я видел только одну сцену, которую сорванцы показали в Ленинграде, закончив свою летнюю гастрольную поездку по маршруту: Павлово-Посад — Москва — Большая Волга — Калинин — Торжок — Вышний Волочек — Бологое — Ленинград. Конечно они не могли привезти с собой декорации, и перед тем, как начать выступление, один из актеров вышел на авансцену и сказал зрителям:

— Представьте себе, что это замок Белого Короля. Здесь — башня, там — темница, а на стене темницы сидит огромный страшный паук.

Не знаю, как другие зрители, но я прекрасно себе представил все это, тем более, что актеры играли в замечательных костюмах, сшитых под руководством той же бабушки, бабушки-драматурга, бабушки-портнихи, бабушки — мастера на все руки.

Декорации я увидел позже, когда приехал в Павлово-Посад, в гости к сорванцам. Они провели меня через темный клубный зал на сцену, зажгли свет и вытащили старые декорации. Это была древняя крепостная стена с башнями и маленькой дверцей, через которую убежала из темницы девочка Таня. А теперь я сам, согнувшись в три погибели, прошел в эту маленькую скрипучую дверь и вдруг в полумраке сцены увидел на сене паутину, а на ней огромного паука, круглые глаза которого то загорались зловещим огнем, то потухали.

— Там батарейки, — объяснили мне ребята. — По пьесе Таня убивает паука. Видите, здесь отверстие круглое? Сюда вставляется воздушный шарик. Таня его прокалывает — он лопаётся со страшным шумом. . .

Потом артисты доставали из глубокого сундука аккуратно сложенные костюмы и примеряли их: костюм королевы, коня, пешки, туры, или, как ее звали в пьесе, Тура-Ладыанса.

Ребята показывали мне, как надеваются костюмы жирафа и зебры. Я подумал, что на роль жирафа согласился бы. Тут мне объяснили, что жирафа играют двое — один идет впереди, другой сзади — и что это очень трудная роль, хотя и без слов. И рассказали, как Надя забыла один раз надеть жирафьи штаны и испортила всю сцену, потому что зрители смеялись не там, где им положено смеяться.

Тут же я познакомился с девочкой Наташей, которая долго и очень хорошо играла вторую половину жирафа, а теперь, в новой пьесе, получит наконец роль со словами.

Вечером в доме то и дело хлопали двери — сорванцы собирались на репетицию новой бабушкиной пьесы. Это будет сказка про Аленушку.

Сашкина и Сережкина мама оказались очень строгими режиссерами. «Подумай, зачем ты выходишь на сцену? Чего ты хочешь? Помни, готовых слов у тебя нет. Выслушай партнера, придумай, что ответить, и только потом говори. . . Ты злая мачеха, но притворяешься доброй. А ты играешь так, будто на самом деле добрая. . .»

Все были очень внимательными, старались не пропустить ни одного слова и почти не обращали внимания на кота Цап-Царапыча, который играл в прятки с шотландским сеттером Капитаном Дюком. В конце концов Капитан Дюк устал и грохнулся на пол. Он положил морду на лапы и, шумно вздыхая, стал смотреть на актеров печальными карими глазами. В эти дни в бурных спорах решалась его судьба: быть ему актером или не быть. Дело в том, что бабушка и Сережка предложили выпустить его на сцену в тот момент, когда царевич с егерем во время охоты встречаются в лесу Аленушку. «Представляете, егерь трубит в рог — и на сцену вылетает наш Капитан!»

Мама и Сашка против: «Нельзя Дюка выпускать, все только на него и будут смотреть, а про пьесу забудут».

Этот спор пока еще не кончился, и судьба Дюка не решена. Быть может, потому он так шумно вздыхает и так печально смотрит на всех. Или его просто тянет в лес? Ведь он настоящий породистый охотничий пес. . .

ПИСЬМО, НАПИСАННОЕ ПОСЛЕ УРОКОВ

Я хочу посоветоваться с вами. Как мне любить литературу? Читаю книги и не дочитываю, просто неинтересно мне становится. И когда читаю, то перескакиваю со страницы на страницу. А когда принесут домой сказки, я читаю их и не могу оторваться, а литературу не люблю. Притом у меня плохая память.

Я учусь в восьмом классе.

Помоги мне, дорогая редакция, очень прошу!

Марина Бойчук,
Башкирская АССР, город Белорецк

На письмо Марины отвечает писатель Алексей Иванович Пантелеев

Дорогая Марина!

Я давно знаю, что есть люди, которые не любят читать. Понять таких людей мне, сказать по правде, нелегко. Сам я всю жизнь, с тех пор как выучил буквы и научился складывать их в слова, люблю читать, люблю книгу — и не только внешний вид ее, не только шелест ее страниц, но даже запах книжный люблю, потому что ведь каждая книга пахнет — бумагой, клеем, типографской краской. Особенно хороши книги старинные, побывавшие во многих руках, пережившие многих хозяев. От таких книг исходит чуть слышный запах свиной кожи, свечного нагара и еще чего-то неуловимо тонкого и нежного, чем может пахнуть только очень старая книга. В детстве, я помню, меня охватывала дрожь, холодело сердце, когда я брал в руки такую книгу.

Очень хотел бы понять, разобраться, что же происходит с тобой.

Бывают, ты знаешь, такие случаи, когда человек почему-либо теряет аппетит. Он с завистью смотрит, как другие уплетают за обе щеки черный хлеб, огурцы, мятый картофель с соевым маслом, а сам отворачивается от самой вкусной, самой изысканной пищи. . . Мне кажется, что у таких, как ты, Мариночка, утрачен аппетит духовный. Но, к счастью, у тебя он утрачен не совсем. И воля к выздоровлению у тебя не потеряна — это самое главное. Ведь ты просишь совета, — значит, дело не безнадежное, дело вполне поправимое.

Разберемся же давай в твоей беде.

« . . . Когда принесут домой сказки, — пишешь ты, — я читаю их и не могу оторваться, а литературу не люблю ».

Во-первых, почему принесут? Кто принесет? Разве ты сама не бываешь в библиотеке?

А потом, должен тебе сказать, что и сказки, если они записаны и напечатаны в книге, — тоже литература. И народные сказки, то есть такие, которые были придуманы когда-то давно неизвестным, безымянным автором и даже многими авторами, и другие сказки — литературные, сочиненные писателями.

Выходит, что ты себя оклеветала, сказав, что не любишь литературу. Любишь, и даже очень, но не всякую, а такую, где есть что-нибудь фантастическое, волшебное, загадочное, волнующее и при этом рассказанное простым, доступным каждому языком.

А ведь я знаю ребят, которые даже и сказок не читают. И не испытывают никакого неудобства от этого. (Впрочем, кто знает, может быть, и испытывают, ведь в душу к ним я не заглядывал.) Кто же в этом виноват — в том, что у людей нет вкуса к чтению?

Не всегда легко ответить на этот вопрос. Причина может лежать и внутри и вне. И в нас самих, в нашей лени, в нашей косности, нелюбознательности, и в том, что нас окружает. Бывает так, что дома никто не читает, не показывает доброго примера, а бывает, наоборот, когда кто-то из домашних слишком настойчиво, упорно, настырно предлагает и даже навязывает книгу. Много зависит от школы, от учителя. «Литература — не таблица умножения, — писал когда-то К. И. Чуковский, — ее нужно не зубрить, а любить». Если учитель по-настоящему любит книгу, он не может не увлечь, не передать эту любовь и своим ученикам.

Очень большой вред приносит неумелое и неумеренное пользование телевизором. Вероятно, и ты знаешь немало ребят, которые все свое свободное время (и не только свободное, но и отпущенное на приготовление уроков) просиживают перед голубым экраном. Сколько драгоценных часов и минут это бездумное гляденье отнимает у книги, у литературы!

Я не знаю, милая Марина, всех обстоятельств твоей жизни, но понимаю, что нельзя в твоём возрасте читать одни сказки, как нельзя человеку всю жизнь питаться, скажем, одним мёдом или одной земляникой. Я очень хорошо понимаю, что нелегко тебе от сказки про Мальчика-с-пальчика сразу перейти к «Мертвым душам», к «Герою нашего времени», к лермонтовскому «Мцыри», а потом — к «Что делать?» Чернышевского, к «Былому и думам» Герцена, к «Анне Карениной» и «Войне и миру»... Не легко, да, но и не так уж чудовищно трудно.

Просто надо найти — или соорудить, построить — какой-то «мостик» от Мальчика-с-пальчика к «Войне и миру». Вот тебе мой совет.

Продолжай читать сказки. Их на свете много. У каждого народа мира — свои. Прежде всего прочти русские народные сказки, собранные А. Н. Афанасьевым. Одновременно читай сказки, сочиненные или пересказанные писателями. Датчанином Андерсеном. Французом Перро. Немцами Гофманом, Гауфом, братьями Гримм. Сказки и баллады Жуковского. Сказки Пушкина. «Городок в табакерке» Одоевского. «Черную курицу» Погорельского. «Конька-горбунка» Ершова. «Золотой ключик» А. Н. Толстого.

Затем бери (неприменно сама бери в библиотеке, если нет дома и если не читала их еще) такие книги, как «Робинзон Крузо» Дефо, «Хижина дяди Тома» Бичер-Стоу, «Принц и нищий» Марка Твена, «Пчелка» Анатоля Франса, «Без семьи» Мало, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя, «Каштанка» Чехова, «Песня про купца Калашникова» Лермонтова. Потом возьми какой-нибудь роман Диккенса — «Давид Копперфильд», или «Оливер Твист», или «Большие ожидания».

Потом — «Детство» Л. Н. Толстого. Потом — какой-нибудь роман Вальтера Скотта. Потом перечитай «Капитанскую дочку» Пушкина. Потом возьми роман «Князь Серебряный» другого Толстого, Алексея Константиновича.

А дальше, я уверен, ты уже сама будешь ориентироваться в том огромном, безбрежном океане, который называется Мировая Литература.

И еще два совета.

Заведи тетрадку или альбом и записывай каждую прочитанную книгу. Автор. Название. Какое издательство. Сколько страниц.

Например:

А. Н. Толстой. «Золотой ключик». М., «Детская литература» 187 стр.

Еще лучше, если коротко изложишь содержание книги и свое впечатление о прочитанном.

Второй мой совет такой. Задай себе какую-нибудь «норму». Для начала — 30 страниц в день. Потом — пятьдесят. Потом — сто. Имея навык, можно читать и по триста, и по четыреста страниц в день и даже больше. Но если ты будешь читать по 100 страниц, это составит 3000 страниц в месяц. Десять хороших, полновесных книг! Сто двадцать книг в год!

Понимаю, что одновременно тебе надо будет читать и то, что «проходят» в школе. Ну, что ж. Найдется время и для этого. В конце лета ты прочтешь и те книги, которые вы будете изучать в девятом классе. Завидую тебе! Тебе предстоит чтение одной из самых прекрасных книг на свете — «Войны и мира» Толстого.

Желаю тебе успехов! Напиши мне, пожалуйста, пригодились ли тебе мои советы. Думаю, что узнать об этом будет интересно и твоим товарищам, читателям «Костра».

Жму твою руку.

А. И. Пантелеев

ПЛОТНИК

У него в руках топор
Молнией играет.
Брызжет желтая щепа.
Мастер дело знает.

Скоро скрипнут на ветру
Новые ворота.
Вытрет дяденька лицо,
Мокрое от пота.

Уважают стар и млад
Мастера такого.
Уваженье к ремеслу —
Мастерства основа.

Роберт Хамдиев,
Чувашская АССР,
Озын-Куакская средняя школа

ЧЕРНЫЕ ЯЩИКИ НА СНЕГУ

АЛЕКСАНДР КРЕСТИНСКИЙ

Это было длинным зимним вечером. По тропинке вдоль дома шли мальчишки — Валя и Коля. Шли медленно, потому что за плечами у каждого был тяжелый черный ящик.

На пути оказался школьный стадион. «Ух!» — сказал Валя и поставил свой ящик на снег, чтобы отдохнуть и поразмяться. «О-хо-хо!» — сказал Коля и сделал то же самое. Валя наклонился и слепил снежок. «Огонь, пли!» — закричал он. Коля спрятался за свой ящик и тоже слепил снежок.

По тропинке шел Сима. Он нес под мышкой узкий черный футляр, похожий на восьмерку. Сима потоптался в нерешительности, потом воткнул восьмерку в снег и принялся ловко лепить снежки. Он был запасливый, этот Сима, и хотел сначала налепить побольше снежков, а потом уж кидаться.

По тропинке шел Леня. Он тащил на плече огромный черный футляр, похожий на юного гиппопотама. Увидев приятелей, Леня положил свою ношу в сугроб. Когда крепкий снежок попал в бок гиппопотаму, тот отозвался гулким ревом.

И так много снежков летало по стадиону, что прохожим вполне могло показаться, будто произошло чудо и поперек обычного снега, падающего сверху вниз, пошел еще один, быстрый и беспорядочный.

За снежной пеленой исчезли Валя, Коля, Сима и Леня. Их голоса звучали где-то на самом краю стадиона. А на поле появился совсем маленький мальчик, закутанный с ног до головы. Его вел за руку папа.

Увидев черные ящики, мальчик спросил:

— А это что?

— Это аккордеоны, — сказал папа, — а вот это скрипка, — он показал в сторону восьмерки. — А вон то, большое, — виолончель. Это все музыка, — объяснил он.

А за мутным школьным окном, в теплом классе с блестящим пианино в углу и желтыми барабанчиками на полке, стоял человек. Он хмурил свои густые седые брови и хрустел тонкими пальцами. Он щурился в окно, но ничего не видел там, кроме непрерывной снежной ленты, бегущей сверху вниз. Человек смотрел на часы и сердито кашлял.

Это был дирижер оркестра.

Музыканты опаздывали.

РЯБИНА

Хороша стоит рябина
У соседнего двора.
У меня в глазах рябило
От нее, как от костра.

И березонька, и липа
С золотой своей косой
И сравниться не могли бы
С этой яркою красой.

С этой русской царь-девицей
Только алая заря
Лишь одна могла б сравниться,
На ветру огнем горя.

*Галя Халявко.
12 лет, Ленинград*

ДОМАШНИЕ ЗАДАНИЯ

ЗАДАЧА ПРО АПТЕКАРЯ

Городской аптекарь магистр Тинктур разбил свою единственную мензурку. А в это время явился посыльный из дворца с приказом приготовить эликсир для больного короля. Предание сохранило состав эликсира: 3 скрупулы валерьяновых капель, 5 скрупул касторового масла, 8 скрупул раствора марганцевокислого калия, 11 скрупул нашатырного спирта. Принимать натошак, перед употреблением взбалтывать.

Плохо пришлось бы магистру, если бы в аптеке не нашлось двух склянок, вместимость которых была ему случайно известна. Одна склянка вмещала 7 скрупул, другая — 10. С их помощью магистр Тинктур и отмерил необходимое количество лекарственных веществ. 3 скрупулы он отмерил просто: налил склянку вместимостью 10 скрупул доверху валерьянкой, залил из нее доплна меньшую склянку. В большой склянке осталось 3 скрупулы. А как он отмерил 5, 8 и 11 скрупул?!

Предание об этом умалчивает.

Реши эту задачу.

СЛУЧАЙ С ПОГРАНИЧНИКОМ

Сержант Василий Егоров возвращался на мотоцикле на погранзаставу. Он вез мешок с сахаром, полученный на складе. С ним была его верная собака Джульбарс. По дороге сержант Егоров задержал нарушителя границы. А когда они ехали через ущелье, дорогу им преградил медведь. Медведя Василий тоже решил привезти на заставу, потому что солдаты-пограничники любят животных.

Чтобы попасть на заставу, необходимо переправиться через реку. На берегу есть лодка. В ней сержант уже переправлялся с противоположного берега с мотоциклом и овчаркой. Но если к этому прибавить хотя бы еще один груз: нарушителя, медведя или мешок, — лодка утонет. Сержант задумался: лодка берет только три груза. Оставлять на том или на этом берегу медведя с нарушителем нельзя. Медведь съест задержанного. Медведя с Джульбарсом оставить тоже невозможно — они подерутся. Медведя с мешком тоже не оставишь — косолапый съест сахар. Нарушителя с мотоциклом оставлять тоже нельзя — он уедет.

Сержант справился с задачей и за четыре переезда с одного берега на другой перевез всех, за что получил благодарность начальника заставы. Как ему это удалось? Может быть, вы, ребята, смогли бы сделать это быстрее?

ЛЕДОХОД

Набрала воды река,
Затопила берега,
Подняла свой панцирь-лед
И, шумя, к мосту идет.

Мост — преграда велика.
Призадумалась река:
«Как бы мне его снести
И своим путем пойти?»

Человек велик трудом,
Справился умно со льдом,
Прогремел за взрывом взрыв,
Новый путь к реке открыв.

И в открывшийся проход
Устремился ледоход.
Лед река пронесет,
Все вокруг оживет.

Витя Еременко, 4-й класс,
хутор Орлов Ростовской области

ЧЕТВЕРТАЯ
ЧЕТВЕРТЬ

ВЕСНА

РАСПИСАНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ ЧЕТВЕРТИ

.....

Урок математики,
что на нем случилось, что после,
и еще про зайцемобиль

Большой сбор у «Барабана»

Рассказывают любознательные:
как в одной деревне графа побили

Урок биологии, или «Зеленые страницы»

Наш КИД

Переменка

Из Московского Дворца пионеров —
очень важный разговор

Морская газета

Письмо, написанное после уроков

Урок труда, или Что такое уметь?

Экзамены в каменном веке

Домашние задания — веселые и забавные

ЮРИЙ ДРУЖНИКОВ

ЗАЙЦЕ- МОБИЛЬ

Вечером случилось нечто такое, чему поверить было трудно.

К Усову забежал Гарик.

— Я, собственно говоря, хотел тебя предупредить: задача ни у кого не получается, даже у меня. Можешь спокойно ее не делать. Завтра что-нибудь придумаем. О погоде поговорим...

— О погоде можно, — согласился Генка. — Только задачу я решил. Спиши — и все.

— Не может быть! А с ответом сходится?

— Сходится.

Гарик долго глядел в тетрадку.

— Молоток! Чувствуется моя школа! Но списывать не буду — нарушение принципа.

Всю ночь Генке снилось, что он решает сложнейшие задачки — одну за другой, как орешки щелкает. А потом выходит к доске отвечать. Класс немеет от восторга, и Аллочка Борисовна стоит с разинутым ртом. Ай да Усов! Сонкина, величайшего математика из четвертого «б», обошел!

На другой день выяснилось, что, кроме Генки, задачу действительно не решил никто. Генка скромно сидел и молчал, к нему подходили, просили его вызваться отвечать. Генка был на все согласен. Синяя птица пятерка, можно сказать, была уже у него в руках.

К сожалению, Аллочка Борисовна, которой предстояло пятерку поставить, еще этого не знала. Она понятия не имела ни о том, что Усов задачу решил, ни о том, что весь остальной класс надеется на Усова. И, стремительно вбежав, как всегда, в свой четвертый «б», Алла Борисовна сказала, словно боясь после об этом забыть:

— Сегодня к нам в класс должны пожаловать гости.

Сразу начались догадки, вопросы, пересуды. Класс, ухватившись за соломинку, целеустремленно оттягивал роковой момент. Время шло, Генкина пятерка принимала форму нолика, нолик постепенно превращался в облачко. Облачко выпорхнуло в окно, растворилось в высоте. И никто этого не заметил.

Тем временем делегаты солидно шли по коридору парами, взявшись за руки. Они с достоинством осматривали школу и лишь изредка, когда кто-нибудь, опаздывая на урок, проносился мимо них со скоростью света, растерянно останавливались, натыкаясь друг на друга, и в испуге втягивали головы в плечи. К таким скоростям делегаты не привыкли и, разинув рты, вопросительно оглядывались на воспитательницу. Та щурила глаза: дескать, идите-идите, еще не то увидите...

Возле четвертого «б» воспитательница велела делегатам остановиться, подравняться и подтянуть колготки.

Света Мельникова шла как раз из буфета, доедая булочку с повидлом.

— Ой вы мои миленькие, хорошенькие! — запричитала она. — Как вы сюда попали? Ой, мальчик, давай я тебе носик вытру!

— Девочка, ты из четвертого «бэ»? — спросила воспитательница. — Скажи учительнице, что мы пришли.

Света влетела в класс. Урок уже шел.

— Алла Борисовна! Там вас грудные спрашивают, из детского сада...

Алла Борисовна побежала к двери приглашать гостей.

Делегаты выстроились у доски. Весь класс их разглядывал с особым удовольствием, потому что домашнее задание становилось таким же ненужным, как пятое колесо у телеги...

— У нашей группы детского сада, — начала воспитательница, когда все затихли, — большая к вам просьба. Ребята очень любят играть, а вы — все мастера — умелые руки. Сделайте нам, пожалуйста, что-нибудь. Ладно?

— А что сделать? Что? — спросила Мельникова.

— Да уж что сможете! А мы вам за это скажем... Что мы скажем, ребята? Три—четыре!..

— Спа-си-бо! — недружно заявили делегаты.

Потом воспитательница взяла самого маленького, Вову, за руку и повела к двери. Остальные делегаты, толкая друг друга, потянулись за воспитательницей. Знакомство состоялось. Света догнала Вову и еще раз вытерла ему нос.

— Давайте быстро подумаем, что мы сделаем для наших подшефных, — сказала Аллочка Борисовна, — и займемся наконец математикой.

— Ясно! — сообразил Гаврилов. — Игрушки конечно!

— Игрушки разные бывают, — философски заметил Усов.

В классе начался спор.

— Куклы всем надоели! У каждого их полно!

— Я придумал: сделаем зверей пострашнее!

— Верно! Зверей! Подарим зоопарк!

— Каждый сделает по зверю...

— Я буду делать лису, — сказала Мельникова. — У мамы мех остался от воротника.

— Я сделаю зебру! У меня платье старое, полосатое...

— Я — жирафу! У бабушки накидка в жирафьих пятнах...

— Погодите! — сказал Гаврилов. — Одному подарим лису, другому зебру, третьему жирафу — они же все перессорятся. А? Алла Борисовна?

— Решайте сами, вы у меня самостоятельные, — сказала Алла Борисовна. — А что ты предлагаешь, Гаврилов?

— А вот что. Старик Хоттабыч подарил футболистам двадцать два мяча, чтобы не ссорились. И нам надо всем дарить одинаковых зверей. Чтобы не ссорились... Без обиды... И делать легче!

— Если одинаковых, — сказала Мельникова, — тогда давайте делать зайцев. Зайцев почему-то все малыши любят...

— Правильно, зайцев, — поддержали Мельникову остальные девочки. — Мордочку сшить и туловище. Ватой набьем, глаза нарисуем, уши пришьем — и можно дарить.

Алла Борисовна, ко всеобщей радости, так и не успела из-за этих зайцев заняться математикой. Но домашнее задание все же записала.

Дома перво-наперво Генка вытащил бабушкино шитье и свои инструменты.

Заяц обязан быть летом сереньким, а зимой — беленьким. Но ни серой, ни белой материи у бабушки не было. Была розовая, осталась от распашонок, которые бабушка шила для соседского малыша.

Генка вырезал из розовой материи туловище, голову и одно ухо. На другое ухо материи не хватило.

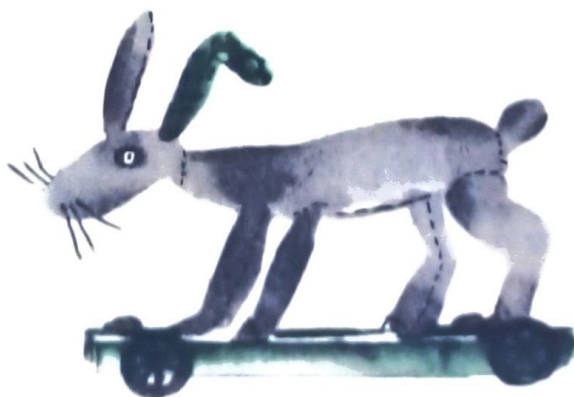
Швейная машинка у бабушки была открыта. Нитки в ней были заправлены черные, но шпульку вставлять Усов не умел и решил шить черными. Усов прострочил зайцу живот. Вытащил его из-под лапки, но оказалось, что живот пристрочился к животу Генкиной рубашки.

Генка взял ножницы и, чтобы не портить зайцу живот, отрезал его с частью рукава. Теперь надо набить живот ватой. Но как набить, когда со всех сторон застрочено? Пришлось разрезать, наложить в отверстие ваты и снова зашить. Живот получился первого сорта. Только видно, что зайцу сделали операцию аппендицита.

Голова шилась легче. На этот раз он застрочил не все, оставил отверстие, потолкал туда ваты и хотел зашить, но раздумал. Это же рот! Настоящий рот! Ну, подумаешь, из него вата торчит!

Голову Генка пришил к туловищу и занялся ушами. Первое ухо вышло замечательно длинное, но несколько узкое, похожее на чулок. Генка пришил это ухо к голове и стал думать, из чего сделать другое ухо. Усов нашел лоскуток красный в горошек — от блузки. Из него он выкроил второе ухо, пришил, нарисовал чернилами глаза, но заяц получился безжизненный. Ему не хватало усов. Из чего их сделать? Конечно из проволоки. Стал Генка искать проволоку и нашел батарейку. Тут уж идея сама собой пришла. Распорол он снова зайцу туловище, вату вынул, засунул батарейку и вставил в глаз лампочку от карманного фонаря. Глаз у зайца загорелся. Теперь другое дело! Надо бы и в другой глаз вставить лампочку, но больше лампочек нет.

Заяц стоял, помахивал ухом в красный горошек, светил одним глазом и не шевелился. Чего-то в нем не хватало. Усова посетила еще одна мысль, и он помчался во двор. Возле песочницы играли малыши. В два счета Генка обменял фонарик без батарейки на заводной автомобиль без ключа и вернулся обратно. Он оторвал от автомобиля кузов так, что осталась одна рама с колесами. Взял плоскогубцы и завел ими пружину. Заяц затрещал и как бешеный помчался по комнате, светя впереди себя одним гла-

зом. Он ударился в стену и повернул обратно. Так заяц мчался до тех пор, пока завод не кончился.

Генка отсоединил провод от лампочки, чтобы не села батарейка, завернул зайца в бумагу, засунул вместе с плоскогубцами в портфель. Задание было выполнено. Генка так увлекся, что про задачи, которые Алла Борисовна велела решить дома, и не вспомнил...

На другой день четвертый «б» ташил в школу свертки, и только и разговоров было, как пойдут после уроков в детский сад. Гаврилов проверял, кто что сделал, и ставил в списке плюсы.

Генка вынул из портфеля сверток и сунул Гаврилову под нос. Мишка не стал разворачивать, нашел Усова в списке и поставил плюс. Тут в класс как раз вошла Алла Борисовна. Она раскрыла журнал и сразу спросила:

— Кто не приготовил домашнего задания? Вчера целый урок проболтали...

На этот раз задачи решили все, и все молчали. А Генка решил, что речь идет о зайцах. Зайца он, как известно, сделал.

— Гена Усов, прошу с тетрадкой!

— Я лучше с зайцем! — предложил Усов.

— С задачами!

— Ой... А вчерашнюю задачу можно?

— Ну знаешь ли, Усов! — возмутилась Алла Борисовна. — Если не сделал, имей мужество сознаться... И получить двойку... Два!

Если бы не заяц, который лежал в парте и которым Генка собирался всех удивить, день можно было бы считать неудачным.

После уроков все двинулись в детский сад. Девчонки шли под руку парочками, а мальчишки сзади, подталкивая друг дружку в сугробы на глазах у смеющейся Аллы Борисовны.

Завидев четвероклассников, воспитательница сказала своим:

— Быстрее допивайте компот и выходите строиться!...

Никто не стал допивать компот. Все выбежали строиться. Генка с грустью смотрел на обилие оставшегося компота. Он очень любил компот и мог съесть кастрюлю в один присест.

Гаврилов вышел вперед, откашлялся солидно и произнес: «Дорогие дети! Уважаемая воспитательница!» Но в это время уважаемая воспитательница сказала:

— Сейчас шефы подарят вам игрушки!

И все испортила. Никакой торжественности не получилось, а просто все бросились к малышам и стали разворачивать и показывать подарки. Света Мельникова стояла возле маленькой девочки с большим бантом. Девочка проверяла, все ли у зайца на месте. Он был симпатичен, Светкин заяц, только косоват немножко. Но ведь заяц и должен быть косым.

Гарик сделал огромного зайца из воротника своего старого пальто. Заяц был темноват, потому что воротник был из крашеного кролика. Но это тоже было ничего. Заяц и кролик как-никак родственники.

Тут Генка увидел, что маленький Вова стоит в стороне и к нему никто не подошел. Генка молча протянул Вове сверток. Вова стал немедленно разворачивать.

— Кто это? — спросил он.

— Это зайцемобиль.

Генка подключил проводочку к батарейке — и глаз у зверя загорелся. Потом он вынул из кармана плоскогубцы, завел пружину и поставил зайца

на пол. Заяц нервно вздрогнул, тряхнул ухом в красную горошину, отчего лампочка замигала. Едва Усов отпустил руку, заяц затрещал и помчался прямо на Вову. Испугавшись, Вова сперва отступил на шаг, но тут же бросился догонять игрушку.

— Зайцемобиль! — радостно закричал он. — У меня зайцемобиль!

Зайцемобиль остановился, мигая глазом. Вова схватил его, тут же рассмотрел, как он устроен, погладил и принес Генке.

— Заведи еще!

Ребята побросали своих зайцев и столпились вокруг Усова.

— Теперь дай мне! — потребовал рыжий мальчик.

— И я хочу зайцемобиль, — сказала маленькая с большим бантом. —

А просто зайца — не хочу. . .

Усов снова завел игрушку и вернул Вове. Но у Вовы ее тут же вырвали. Заяц затрясся в воздухе, зашипел и замигал одним глазом. Его выпустили из рук, и он шлепнулся на пол. Тут на него навалились человек десять. Послышался рев. Воспитательница с Аллой Борисовной бросились разнимать дерущихся.

Гаврилов стоял посреди комнаты очень сердитый и все еще держал в руках открытую тетрадку с речью.

— Так я и знал! — воскликнул он. — Опять Усов! Если сам не дерется, так из-за него драка. Я говорил — нужно делать всем одинаково, а ты?

— Что я? — спросил Генка. — Ну что? Пускай зайцемобиль будет общий. . .

— Усов, Усов! — повторяла Алла Борисовна. — Усов, Усов! . .

— Я уже одиннадцать лет Усов, — пробурчал Генка.

Но настроение у него после двойки и после драки все-таки не испортилось. «Ну не везет, подумаешь, невидаль, — размышлял он. — Мне всегда не везет. Выходит, если мне не везет, — значит, все в порядке. . .»

Дорогая редакция. . . У нас в классе есть Малкин Валера. Когда он приходит в школу, от него пахнет табаком. Когда он подходит к воде и пьет ее, от воды тоже пахнет табаком. Мы сколько раз запрещали Валере курить, но он нас не слушает и продолжает свое.

Эмма Оганян,
3-й класс, станция Колодезная

Молоко, как говорится,
Не обсохло на губах —
А уж мамы не боится,
Табачищем весь пропах.
И пропахла навсегда —
От соседства с ним — вода.
Ложка — та, которой ел, —
Кошка, книжка, глобус, мел,
Стадион огромный школьный
И в придачу — мяч футбольный. . .
На колхозного быка
Он дыхнул издалика —
И свалился грозный
Бедный бык колхозный. . .

Большой сбор у БАРАБАНА

ВЕСТИ с пионерских маршрутов

ГРАНДИОЗНЫЙ КОСТЕР НА БЕРЕГУ ЧЕРНОГО МОРЯ — вот чем закончился наш краевой пионерский слет. В Новороссийск съехались гости со всей Кубани. Три дня — а кажется, будто один: так много всего, так интересно! Вот митинг на площади Героев — факелы, гирлянды славы, увитые гвардейскими лентами, мелодия «Новороссийских курантов»... А встречи с защитниками Малой Земли, с делегатом III съезда комсомола Л. Д. Сазаровым, с адмиралом Г. Н. Холостяковым... А музей боевой славы в школе-интернате! Там все собрано ребятами — от бомбы, найденной на поле сражения, до пожелтевшей газетной статьи. Наш слет мы запомним навсегда.

Наташа Андреева,
председатель штаба слета

ОТДАЙ НЕ ТУ КНИГУ, КОТОРУЮ НЕ ЖАЛКО, а ту, которую сам бы хотел получить в подарок, — под таким девизом у нас в дружине проводится сбор книг для детской больницы.

Ира Раздымахо,
Красноярск, школа № 167

«ПОДУМАЕШЬ, КУКЛЫ! ЧТО МЫ, МАЛЕНЬКИЕ?» — так у нас в школе сначала говорили, когда мы затеяли кукольный театр. Начали мы показывать представления. Показали младшим классам, пошли в детские сады, в санаторий. Зрители были рады, приглашали еще. Теперь отбою нет: «Примите в театр!»

Оля Пчелничева,
Кентау, школа № 3

ЕСТЬ

в селе

ТИМУРОВЦЫ

«У пенсионера Степана Афанасьевича давно болеет жена. Решили мы помогать дедушке. Первой вызвалась Люда. По субботам она с подружками ходит мыть пол, от их рук пыль нигде не спрячется. А мальчишки снег выгребают во дворе, тоже помогают. Так вот уже два года действуют наши ребята...»

Таня Клейн из села Городищи Свердловской области часто пишет нам. А эту свою заметку она заканчивает стихами:

Уж старый дед,
Ему невмочь,
А вот бы деду-то помочь!
Так говорили все на сборе.
Все предложения — на стол!
И вот уже девчонки в сборе.
И засиял чистейший пол.

Эта уникальная фотография была напечатана в журнале «Пионер» 50 лет тому назад. Тогда она казалась обычной.

После гражданской войны многие ребята стали беспризорниками. У кого родители погибли на фронтах, у кого от голода, иные семьи разметало военным ураганом по всей земле русской.

Молодое Советское государство решило: надо вернуть ребят к нормальной жизни! Помогали взрослым пионеры — налаживали контакты с беспризорниками, приглашали к себе в школы, на сборы.

ДАЕШЬ ПИОНЕРСКИЕ РЕЛЬСЫ!

Наша школа — самая большая в Термезе и самая старая в Узбекистане — она ровесница республики. Как только мы узнали о пионерском рейде «БАМу — пионерские рельсы», сразу же провели в школе радиолинейку, на совете дружины выбрали ответственных по отрядам. Трудность была в том, что комсомольцы школы в это время находились на уборке хлопка. Но ничего, мы справились. Каждый пионер собрал по 25 кг старого металла и по 2 кг бумаги. Мы мечтаем поехать на металлургический завод и увидеть настоящую плавку.

Джамал Нарзиев, город Термез,
школа № 2 имени газеты «Правда»

Для БАМа. Толя Зимин, Рубцовск.

СИГНАЛ ПИОНЕРСКОЙ ТРЕВОГИ

Дорогой «Барабан»! Несколько раз в году мы собираем металлолом, золу и макулатуру, но собранный с таким трудом металлолом не приносит нам ни радости, ни пользы. Когда мы его собираем, нам говорят, для чего нужен металл, что его отдадут нашим шефам, на завод металлоизделий. Но проходят месяцы, годы, а металлолом лежит да ржавеет еще больше. А так хочется, чтобы наш металл приносил хоть небольшую, да пользу.

Лариса Новоселова, село Петровка
Горьковской области

Горьковский областной комитет ВЛКСМ сообщает, что по письму Ларисы Новоселовой проведена проверка. Металлолом вывезен. Сейчас областная пионерская организация включилась в конкурс по сбору металлолома «Пионерский километр БАМу». Собрано 10 000 тонн. Этого хватит на 80 километров дороги.

БАРАБАШКИ

В детском саду:

— Сейчас как дам! — говорит один мальчик другому, который сидит на деревянной ракете.

— А я на ракете улечу, — говорит тот.

— А я все равно дам.

— А я уже улечел!

— Ты получил по математике двойку?

— И еще по русскому, папа...

— Значит, у тебя две двойки?

— Если не будешь сердиться, тогда я еще и по пению получил...

У Вовки — собака, у Кольки — собака. Все особачились, кроме меня...

— Почему ты ударил Катю?

— Пусть не обзывается.

— А как она тебя обозвала?

— Драчун.

— Я не люблю делать домашние задания с бабушкой.

— Почему?

— Потому, что учительница сразу узнает ее почерк.

БИЛИБОЛОХА

ВОЛЬТ СУСЛОВ

В детстве у меня была книжка про занятного чудака. Купил этот чудака подзорную трубу и стал на весь мир только через ее стекла смотреть. Приставит к левому глазу, правый закроет — шагает по дороге. Потом к правому глазу приставит, левый прикроет — и дальше.

Видит горы и леса,
Облака и небеса,
Но не видит ничего,
Что под носом у него...

Сколько уже лет прошло, а я эти строчки помню. Да и как их забудешь, если такие чудаки не только в стихах встречаются.

Приехал я однажды в деревню со смешным названием — Билиболоха. Зашел конечно в школу. Хорошая школа! Учатся ребята нормально и старшим помогают: на полях работают, на фермах. И главное — каждый год путешествуют. В классах, в коридорах школы все стены фотографиями заклеены: на Кавказе они побывали, в Крыму купались, по Енисею плавали, по Уралу лазали, по донским степям пешком ходили. А рассказывают как!.. Взахлеб.

— Знаете, какие под Красноярском горы есть? Столбы! Название такое.

— Это что!.. Вот в Горьковской области река есть — это да! Из Суры вытекает и в Суру впадает. Четыреста километров петляет, а от истока до устья — всего тридцать километров. Во!

— И ничего не во! Вирьма еще удивительнее. Она то в одну сторону течет, то в другую, вода в ней то пресная, то соленая, рыба — то морская, то речная.

— А в Алжире, недалеко от города Сиди-обель-Аббес озеро есть. Так в нем вместо воды — чернила!

Ну, молодцы! Ну, эрудиты! Просто все на свете знают! И про самый высокий водопад, который в Венесуэле, и про самый «непоседливый» остров, что у берегов Канады; и про самую глубокую пещеру во Франции.

— Скажите, — спрашиваю, — а почему у вашей деревни такое странное название — Билиболоха?

И тут возникла то ли знаменитая заключительная сцена из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», то ли заключительная сцена из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов», когда «народ безмолвствует».

Сидят мои знатоки планеты Земля — только глазами хлопают.

Потом одна девочка робко так говорит:

— Разве это интересно?..

Вот тебе раз! Про Алжир знают, про Венесуэлу знают, а про свою деревню словно в первый раз слышат.

Ну, допустим, могу я еще понять ребят, которые знают про «близко» и не знают про «далеко». В доме моем, в Ленинграде, один такой живет. В школу дорогу знает, в баню знает, в парикмахерскую, в кинотеатр, в универмаг, а спроси его: как проехать к Медному всаднику или в Эрмитаж — и все, не ответит. Так ведь это просто лентяй, нелюбознательный человек. А тут все наоборот: про «далеко» знают, а про «близко» — увы!.. И такие они вроде любознательные!.. Непонятно.

Стал я прощаться. Вижу: и ребят расстроил, и самому как-то неловко — уезжать пора.

Месяцев через восемь получаю письмо:

«Уважаемый товарищ писатель!

Узнали мы, почему наша деревня Билиболохой называется. Можем вам сообщить.

Называется она так потому, что когда-то давно все земли вокруг нас принадлежали графу Болоху. Сам граф тут бывал редко. Но однажды приехал и велел всех перво-наперво перепороть. Ни за что ни про что. А в деревне

жил тогда смелый человек — пастух Федор. Подговорил он односельчан, собрались они, подкараулили графа и самому ему всыпали. С тех пор и пошла про нашу деревню слава, что тут били Болоха. Сейчас мы в клубе создаем музей истории нашей деревни. Собрали уже много интересных экспонатов, записываем рассказы стариков. . .»

Ну, что я говорил? Так и есть — хорошая школа! И ребята в ней любознательные. Очень я рад был этому письму. А то ведь, знаете, есть еще такие чудачки, как тот, что

Видит горы и леса,
Облака и небеса,
Но не видит ничего,
Что под носом у него. . .

- Что такое летопись!
- Это когда летом пишут.

Учитель. Петров Миша, почему пресноводные рыбы не выплывают в море!
Миша Петров. Боятся акул. . .

- Папа, у тебя уже несколько седых волос.
- До этого, сынок, доводит родителей непослушание детей. . .
- Теперь я понимаю, почему бабушка у нас седая!

На уроке географии учительница спросила Васю:
— Что такое болото!
— Испорченное озеро. . .

Учитель. Назовите любой глагол с частицей «не».
Ученик. Не знаю. . .
Учитель. Молодец, садись!

Учитель. Что значит «ходить цугом»!
Ученица. Ну, например, Фамусов ходил цугом по комнате.

Учитель. Расскажите о побеге князя Игоря из половецкого плена.
Ученик. Игорь сначала не соглашался бежать, но, услышав плач Ярославны, решил. . .

КАК ЩУКА ВОРОБЬЯ ПРОГЛОТИЛА

Собрались мы с дедом на рыбалку. На месте развернули удочки, наладили блесны, стали ловить. Дед быстро поймал здоровенного линя. Тут я увидел в небе ястреба. Ястреб снижался, и тогда стал заметен и маленький воробышек. Воробышек летел совсем над самой водой. Мы с дедом стали кричать, отпугивать ястреба. Он улетел. Но воробей со страху все равно шлепнулся в реку. Мы стали думать, как его спасти: воробей хоть и наглотался воды, но шевелил крылышками. Тут я услышал сильный всплеск. Воробья не было. . . «Это щука», — покачал головой дед и, раскрутив блесну, забросил ее в камыши. Через час мы поймали большую щуку. Когда дома бабушка выпотрошила ее вместе с другой рыбой, она позвала меня и сказала, что первый раз видит в щуке птичьи перья. Но я понял, что это бедный воробей. . .

Слава Карпаев, 11 лет,
Северо-Казахстанская область

СООБЩАЮТ ГОЛУБЫЕ ПАТРУЛИ

Наш отряд помогает ихтиологам вот уже третий год. Руководит отрядом Светлана Георгиевна Горьковенко, ихтиолог Амур-рыбвода.

В дни весенних каникул наши ребята вместе с работниками Амгуньской инспекции поехали на озеро Кривое — оно у нашего патруля под наблюдением. На озере создалось угрожающее положение: рыбе не хватало кислорода. Времени терять было нельзя. Мальчики вместе со взрослыми принялись вырубать во льду проруби. Это было трудно, лед был метровой толщины. Проруби соединяли желобами, и тогда за дело брались мы, девочки. Лопатами мы гнали воду по желобам, чтобы насытить ее кислородом. . . Так была спасена рыба в озере Кривом.

Потом наш «Голубой патруль» помогал санитарной комиссии осматривать берега Амгуни. Наши ребята выявляли нарушения санитарных правил, объясняли населению прибрежных деревень законы, охраняющие рыбу, составляли акты и протоколы. За эту помощь членам «Голубого патруля» были вручены памятные медали и значки «Юному другу природы».

В Хабаровске на краевом слете юннатов мы узнали, что наш «Голубой патруль» за работу по охране родной природы занял первое место. Нам вручили грамоту Хабаровского крайкома ВЛКСМ. Еще мы получили в подарок настоящую лодку.

В этом году мы постараемся сделать еще больше в деле охраны природы и будем дружно и крепко держать свое первое место!

Галя Светлова,
председатель отряда «Голубой патруль»

* * *

У нас есть живой уголок. В нем живут канарейки, попугаи, белка, хомячки, рыбки. Все лето у нас работала «птичья лечебница». Мы выходили много птиц, которым грозила гибель от кошек и собак, а потом выпустили их на волю. . .

Мы ведем фенологические наблюдения. В сентябре нас приняли в «Зеленые патрули».

С юннатским приветом
Наташа Чечкова, Галя Шульгина,
Ира Орлова, Оля Аблязова,
город Пермь

«ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ» «ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ»

НА КОРДОНЕ

Я живу в предгорьях Урала, на берегу реки, в лесу Печеро-Ильчского заповедника. Когда начинаются занятия в школе, то всех ребят с нашего кордона увозит вертолет, а на каникулы — привозит.

Летом у нас в заповеднике очень красиво. В лесу живут лоси, зайцы, множество птиц. Человека все живое в заповеднике не боится. Сейчас в нашем заповеднике проводится искусственное гнездование птиц: для них делаются дуплянки. Их расставляют в разных местах леса, и птицы поселяются в готовом жилье.

Юнкор Вера Бажухова, кордон Печеро-Ильчского государственного заповедника

Этого зайчонка мы нашли на лугу, когда косили траву. Всей семьей мы с зайчонком и сфотографировались: папа, мама, младший братишка и я.

ТУК - ТУК

или

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ
СТАРОГО ДЯТЛА

Дорогой Дятел! У меня к тебе большая просьба. У нас — аквариум с рыбками. Мне интересно за ними наблюдать и ухаживать. Но где мне прочитать об аквариуме и рыбках?

С пионерским приветом Таня Хомылева,
Якутск

Дорогой Дятел! У меня появился волнистый попугайчик. Расскажите, пожалуйста, как за ним ухаживать и как его кормить? Привыкнет ли он ко мне?

Валерий Рябов,
Тамбов

Тук - тук,
дорогая Таня!

Я назову тебе две книги. Прочитав хотя бы одну из них, ты будешь знать, как ухаживать за аквариумными рыбками.

1. Полканов Ф. М. Подводный мир в комнате. М., «Детская литература», 1970.

2. Махлин М. Д. Занимательный аквариум. М., «Пищевая промышленность», 1966.

Тук - тук,
дорогой Валерий!

Волнистый попугайчик особенного ухода и не требует, главное, не забывай его кормить два раза в день: утром давай зерновую смесь, а вечером подкормку — свежую капусту, тертую морковь, салат, творог, рубленое яйцо, измельченную яичную скорлупу, кашу, булку, размоченную в молоке... Привыкнет попугайчик к тебе быстро...

СТАРЫЙ ДЯТЕЛ,
заведующий справочным отделом

«ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ» «ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ»

ЖЕСТОКОСТЬ

Однажды весной на зеленом лугу
Лосиха с лосенком щипали траву,
Как вдруг из-за сосен, стоявших рядком,
По ним полыхнуло тяжелым свинцом.

Лосиха упала. «Спасайся, беги!
Беги, мой детеныш, подкрались враги!
Нам больше с тобой не ходить по лугам,
Беду или радость узнаешь ты сам!»

Лосенок умчался — попробуй, лови!
Лосиха лежала в багряной крови.
Прикрытыми были большие глаза,
Прикрытыми были уже навсегда.

Когда же не будет жестоких людей?
Хочу, чтобы не было их поскорей!
Пусть лоси гуляют на сочном лугу
И выстрелов взрывы не рвут тишину.

Саша Ошлаков,
7-й класс, Алтайский край

НАШ КИД

Сегодня
в нашем клубе
интернациональной
дружбы:

1. «ВЕЛКАМ, ФРЕНДЗ!»

«Хочу побывать на крейсере «Аврора», во Дворце пионеров на Фонтанке, в Эрмитаже...» — писала английская девочка Кэрол Деланей.

Письмо пришло в 24-ю ленинградскую школу на Васильевском острове. Этот адрес Кэрол получила в Обществе британо-советской дружбы Лондонского округа Хэрингей.

... Между ленинградской школьницей Леной Воробьевой, которой передали

ДРУЖБА — FRIENDSHIP

письмо, и Кэрол Деланей завязалась дружеская переписка. А через год, в августе, Лена встречала новую подругу в Ленинграде. Кэрол наконец побывала и на «Авроре», и во Дворце пионеров, и в Эрмитаже.

Расстались девочки друзьями.

... Четыре—пять раз за лето приходят в ленинградский порт корабли под флагом Великобритании, зафрахтованные для увлекательного ребячьего путешествия. И всегда английских школьников встречают в порту их ленинградские ровесники.

И наши и английские дети исподволь готовятся к встрече. Англичане заранее, во время путешествия на корабле, многое узнают о нашей стране. А наши ребята в течение целого учебного года изучают и Англию и... свой город. Ведь совсем не просто рассказать о родном городе, где, казалось, знаешь каждый уголок, гостям из другой страны. Только тем, кто выдерживает экзамен, да еще на английском языке, доверяется проводить экскурсии по городу.

Рассказывает Марина Кузнецова, ученица 24-й школы Ленинграда:

— Когда белая «Uganda» подходила к пирсу, я думала только о том, как произнесу первую английскую фразу:

«Welcome to our city, dear friends!»

В гости к нам приехало больше тысячи англичан из Уэллса. Деньги на это путешествие многие школьники зарабатывали сами, летом на фермах. Об этом мы узнали, когда познакомились с ребятами поближе.

Ребят интересовало в нашем городе все, и нам это было приятно. Чему только не удивлялись гости! Даже спрашивали, правильно ли они поняли, что мы, гиды, работаем бесплатно, просто потому, что нам интересно, и потому, что мы хотим лучше изучить чужой язык.

Мы подружились с нашими гостями. Английские ребята веселые, хорошо поют. На прощальном вечере на корабле — так обычно заканчиваются все круизы — соревновались и мы и англичане в песнях и танцах. Нашим очень понравились их выступления, а англичане пришли в восторг от русских песен и плясок. Потом бегали по городу в поисках сувениров — русских балалаек.

НАШ КИД

Сегодня
в нашем клубе
интернациональной
дружбы:

2. НАЙРАМДАЛ — ЗНАЧИТ ДРУЖБА!

Впервые монгольская речь зазвучала в 509-й ленинградской школе в тот день, когда пришли гости — монгольские студенты и школьники, которые учатся в Ленинграде. А пришли они потому, что дружина 509-й школы изучает Монголию. Гости спели на родном языке песни, исполнили национальные пляски.

Скажи тогда ребятам, что через год они будут петь на этом языке песни, только недоверчиво усмехнулись бы. А все произошло именно так.

них должно быть пять достоинств: отличный труд, образцовая гигиена, безупречное поведение, ловкость, прилежность. Первый революционный союз детей основан 8 мая 1925 года.

Когда я вижу, с каким интересом слушают ленинградцы о жизни их монгольских сверстников, я вспоминаю родной дом. Так же нетерпеливо ждут моих рассказов о советских ребятах сухэбаторцы.

У наших пионеров одинаковый с вашим ответ на призыв «Будь готов». «Всегда готов!» — отвечают юные монголы. Пионерская форма сухэбаторцев похожа

ДРУЖБА — НАЙРАМДАЛ

— Вы говорили, что вам понравились наши песни и танцы. Хотите петь и танцевать сами? — предложили новые друзья. И вскоре начались репетиции.

Не мешало ли это учению? Нисколько. Ведь в Клубе интернациональной дружбы не «держат» тех, кто плохо учится...

Садгаагийн Нурдан учил ребят не только правильно произносить незнакомые слова песни. Он попутно старался рассказать как можно больше о своей родине. Однажды Нурдан принес необычный снимок: малыш на коне. Разглядели, расспрашивали...

— Такой маленький и — верхом, — вздохнул кто-то.

В Монголии дети садятся на лошадь с трех лет. Пятилетние уже могут участвовать в скачках. Если у них на шапке вышита порхающая бабочка, — значит, наездник легок и не утомит своего скакуна. Те, кто выбирает пятиконечную звезду — символ удачи, — уверены в своей победе...

Есть у меня на родине такая пословица: «Дружба — лучшая из наук». Да здравствует дружба! Найрамдал!

Рассказывает Сандаг-Очир, секретарь комитета Революционного Союза молодежи:

— В Монголии пионеров зовут сухэбаторцами. Сухэбаторцы считают, что у

на вашу. Только на значке под пламенем пионерского костра — соембо — знак независимости страны, национальная эмблема. Такая же, как и на государственном флаге и на значке общества дружбы.

И. Ломакина

Маринке понравилась песня, которую распевали пионеры из второго отряда. Она достала платок и завязала узелок.

— Зачем? — спросили у нее подруги.

— Чтобы не забыть мелодию...

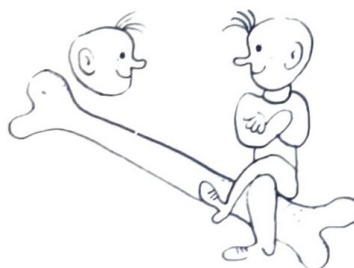
— Иванов, ты почему вчера не пришел в школу?

— У меня болел зуб...

— А сейчас не болит?

— Не знаю. Он сейчас у зубного врача...

Петя написал в своем сочинении: «Позвончик — это длинная и большая кость. На ее верхнем конце торчит голова, а на нижнем сижу я сам».

Звеньевой. Ребята! Запишите объявление, а то забудете: «Все пионеры нашего звена должны явиться на сбор в субботу, в три часа дня...» Записали?..

Кто-то с третьей парты. В слове «суббота» одно «б» или два?

Звеньевой (подумав). Знаете что, лучше перенесем наш сбор на пятницу...

ПЕРЕМЕНКА!!! ПЕРЕМЕНКА!!! ПЕРЕМЕНКА!!!

Все мы внуки бойцов,
Значит — каждый боец.
И тревога любая понятна ребятам,
Наполняет она сотни тысяч сердец.
...Это было в июне,
в семьдесят пятом.

Дворец пионеров. С Ленинских гор
Московская школьница наша
С хунтой в Сантьяго ведет разговор —
Коростелева Наташа.

— Алло! Говорит Наташа Коростелева —
президент секции Латинской Америки Клуба
интернациональной дружбы. Кто у телефона?
— Дежурный.

От напряженья гудит телефон
В гомоне стоголосом.
Дежурный концлагеря удивлен
Четким прямым вопросом:

— Луис Корвалан — почетный член нашего
Клуба. Мы обеспокоены состоянием его здо-
ровья.

Молчит телефон. Растерялся враг.
Слышно, как дышит, даже.
Медлит дежурный: ответить как?
Правды ведь ей не скажешь!..

— Мне не известно, кто это такой. Мы не
знаем, где он находится. Звоните в нацио-
нальный секретариат по делам арестован-
ных.

Ишь ты — не знает!.. Делает вид:
Дескать, не понял вопроса...
И вновь телефон упрямо звонит —
Полковнику Эспиноса.

— В концлагере «Трес-Аламос» нам отве-
тили, что ничего не знают о Луисе Корва-
лане...

Полковник-тюремщик не ожидал!
Все что угодно, только не это!..
Бросить трубку нельзя — скандал!
Там, на проводе, ждут ответа.

— Луис Корвалан хорошо себя чувствует.
— В таком случае мы хотели бы поговорить с ним по телефону.
— Для этого нужно иметь разрешение министерства иностранных дел.

И вновь напряжен проводов серпантин,
Цифры мелькают быстро.
Восемь-два-пять-ноль-один —
Телефон кабинета министра.

— Советские дети обеспокоены состоянием здоровья Луиса Корвалана.

— Луис Корвалан находится под стражей чилийского закона.

Да, мы знаем этот закон.
Точней — беззаконье это.
Сквозь все расстояния сам телефон:
— К ответу! — гудит. — К ответу!

— Это значит, мы не можем поговорить с Луисом Корваланом?

— Я этого не сказал. Я говорил, что он находится под стражей закона...

— Простите, с кем мы разговариваем?

— Не слышу...

— Кто у телефона?

— Не понимаю...

— С кем мы говорим?

— Не слышу...

Не понимают, не слышат, но —
Явно звонку из Москвы не рады.
Каждому ясно: мы заодно,
Мы с Корваланом сегодня рядом.
Гневом планеты трубка гудит.
С грозным протестом выходят колонны.
Он в одиночке,
Но не один —
С ним миллионы!

«...Перед отъездом из Чили мы встретились с отцом. Он просил передать благодарность пионерам Советского Союза и особый привет Наташе, которая звонила в Сантьяго...»

Из рассказа Марии-Виктории и Вивианы —
дочерей Луиса Корвалана —
на 1-м московском слете юных борцов за мир

МАТРОС, КОТОРЫЙ ВИДЕЛ ЛЕНИНА...

У бывшего балтийского матроса Ивана Иосифовича Михалькова побывали юнкоры Костя Ларионов и Сережа Герасимов. Ребята расспрашивали старого моряка о славных днях революции.

— Мне, — с гордостью сказал старый моряк, — довелось видеть и слышать Владимира Ильича Ленина...

Вот как это было. В Кронштадте, где я работал в минно-торпедных мастерских, стало известно, что в Петроград из эмиграции возвращается Ленин. С нетерпением мы ждали Ленина. Для встречи и охраны вождя революции кронштадтские моряки послали отряд матросов. В этот отряд попал и я...

Мы встретили броневик с Лениным возле дворца Кшесинской (теперь Государственный ордена Октябрьской Революции музей Великой Октябрьской социалистической революции). Ленин прошел на балкон. Тысячи рабочих, солдат и матросов слушали, что говорил Ленин. Он приветствовал русский пролетариат и револю-

Иван Михальков. 1917 год.

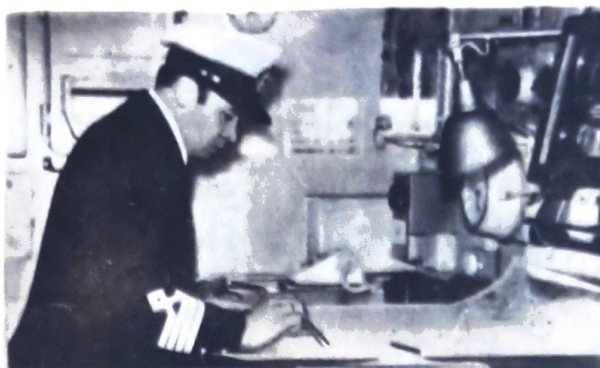
ционную армию, которые освободили Россию от царизма. Тысячи людей стояли в великой тишине...

Всю жизнь я помню Ленина в этот весенний вечер.

СЛУЧАЙ В СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ

Наш теплоход «Михаил Калинин» шел мимо берегов Италии. Был туман. Вдруг вахтенные заметили красные ракеты. Сигнал бедствия! Теплоход изменил курс. Оказалось, что катер заблудился в тумане. К дальним плаваниям суденышко не было приспособлено, и, если бы катер вынесло в открытое море, всякое могло бы случиться. . . Пришлось взять итальянцев на буксир и доставить в порт. Пассажиры и команда катера горячо благодарили нас за помощь.

Рассказ капитана теплохода «Михаил Калинин» Владимира Владимировича Ковалева записал юнкор Сережа Белозеров

Капитан дальнего плавания В. В. Ковалев в ходовой рубке теплохода.

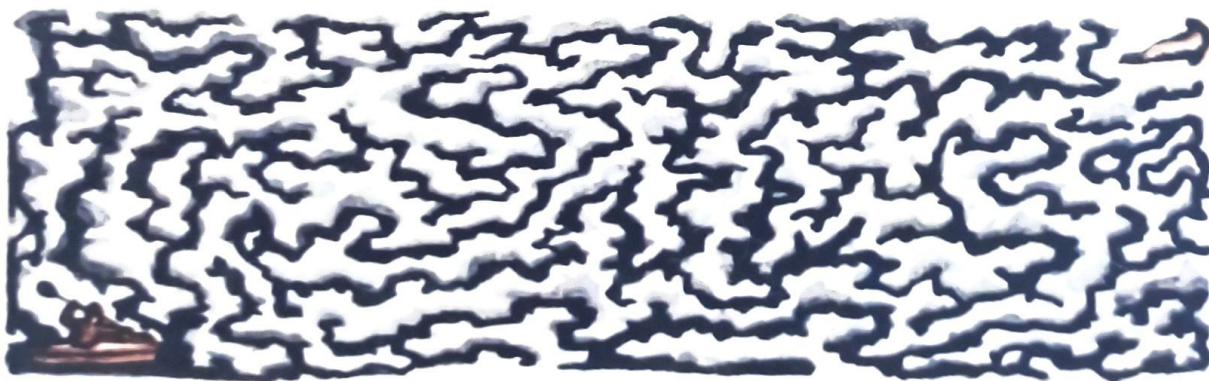
СПАСЛИ ДЕТЕЙ

Наш отряд «Черномор» проводил летний гидрографический поход по ручью. На берегу мы заметили шалаш, где сидели две девочки и мальчик. Они играли со спичками. Мы им сказали, что они могут сгореть. Мальчик заплакал. Пришли родители и нас прогнали. Мы пошли дальше. Прошли с полкилометра, увидели дым в том месте, где шалаш. Бросились назад. Шалаш горел. Я вытащила девочек, а Надя, помощник командира отряда, спасла мальчика. На девочках обгорели платья, а от шалаша остался пепел. Когда прибежали родители, они увидели детей спасенными. Они поняли в чем дело. Но мы повернулись и ушли.

Навигационных опасностей мы не встретили.

Наташа Черемных, отряд «Черномор»,
поселок Комсомол-Абад Сурхандарьинской области

ЗАГАДОЧНЫЙ РИСУНОК

Сможет ли охотник провести свою лодку к моржу на льдине!

ПИСЬМО, НАПИСАННОЕ ПОСЛЕ УРОКОВ

Меня зовут Таня, учусь в 7-м «а» классе. У меня есть подруга, зовут ее Наташа. Она ведет дневник. Однажды я взяла ее дневник в руки и раскрыла. Я прочла всего несколько слов, быстро закрыла дневник и положила на место. А эта строка касалась меня и одного мальчика. А для чего вообще-то ведут дневник? Что туда пишут? И для чего? А?

Таня Ф.

На письмо Тани мы попросили ответить журналиста Олега Орлова

Дорогая Таня!
 Насколько я понял, тебя интересуют два вопроса. Во-первых: для чего ведут дневник и нужно ли это делать? И во-вторых: можно ли в чужой дневник без разрешения, без спросу, подглядывать?

Наверное, ты читала о путешествии Магеллана? Это было первое в истории человечества кругосветное плавание. Но мы, быть может, никогда бы не узнали об этом путешествии со всеми интереснейшими подробностями, если бы некий человек по имени Пигафетта, секретарь экспедиции, не вел все три года плавания ежедневного и полного дневника с описаниями всех невероятных приключений...

До сих пор, Таня, пушкиноведы разыскивают и не теряют надежды найти пропавшие дневники Александра Сергеевича Пушкина. И не только потому, что каждая строка Пушкина для нас бесценна. На страницах дневника (часть его уцелела) оживает эпоха, оживают люди, и все это видится нам так, как увидел однажды поэт. Увидел и сказал, доверив свои сокровенные суждения и мысли дневнику...

Известна ли тебе, Таня, книга чешского журналиста Юлиуса Фучика «Репортаж с петлей на шее»? А ведь это — дневник, дневник заключенного в фашистском застенке, дневник, написанный тайно и тайно переданный из тюрьмы на волю. Это один из самых трагических и самых героических дневников, которые мы знаем, — свидетельство негибимости духа человека и коммуниста.

Все это, как видишь, дневники. Но дневники разные.

Бывают экспедиционные дневники, дневники научные. Автор или авторы, которые эти дневники ведут, знают, что страницы их будут опубликованы. Эти дневники не хранят личных секретов. Это — дневники-отчеты.

Бывают дневники литературные, публицистические. Они более личные, здесь уже автор решает — годятся ли они для публикации.

А бывают дневники, которые человек ведет сам для себя. В основе их — личные записи человека, его собственный взгляд на события, его отношение к происходящему. Можно вести обыкновенный дневник, поверяя его страницам записи событий обычной жизни, записи о людях, которых ты знаешь, которых ценишь и любишь или с которыми ссоришься, или о книгах, или о кино... И это под силу любому человеку.

Дневник помогает оценивать свои поступки, воспитывать волю, характер. Потому что, перечитывая свой дневник, ты можешь видеть, чего ты сумел добиться, стал ли ты умнее, выдержаннее. Дневник — это еще и контроль над своими делами и над своей совестью, если хочешь...

Стоит ли дальше говорить, для чего ведут дневники и нужно ли это делать? Да, вести дневник — дело важное. При условии, конечно, если есть что в дневник записать...

А теперь другой вопрос: можно ли без спросу в чужой личный дневник подглядывать?

Прежде всего, само слово «подглядывать» — не очень-то хорошее слово. Человек, которому нечего бояться и стыдиться, не подглядывает.

Есть, Таня, правила человеческой морали. Их люди выработывали веками. Среди них есть и такие: нехорошо, дурно подслушивать, подглядывать, распечатывать чужие письма. И совать нос в чужие, личные дневники. Есть, понимаешь, что-то нечистоплотное в этом.

Те же самые страницы дневника Пушкина, о которых мы говорили, очень долго не могли увидеть свет, потому что сын поэта, Александр Александрович Пушкин, почти пятьдесят лет после смерти отца не давал согласия печатать его дневник. Почему? Потому что там были записи и суждения поэта о людях, которые еще были живы. Сын Пушкина считал, что непорядочно печатать и отдавать на общий суд личные суждения его отца об этих людях.

А знаменитый американский писатель Марк Твен, замечательный своими ироническими суждениями о многих, кого он знал? В своем завещании Твен просил не печатать его дневники ранее, как по прошествии ста лет после его смерти...

Только воля автора решать: можно ли дать почитать личный дневник своему другу или обнародовать, напечатать его.

Как видишь, я не отвечаю тебе прямо. Я думаю, что из того, что я сказал, ты поймешь, что у людей тактичных отношение к чужому дневнику должно быть самое уважительное, он неприкосновенен, этот дневник, каков бы он ни был и что бы там ни было написано даже о тебе самом. Хорошее или плохое...

Ну и раз уж мы заговорили о дневнике, нужно два слова сказать и о дневнике школьном.

Заглядывать в него без разрешения хозяина тоже не следует, хотя особых личных тайн школьный дневник и не скрывает. А вот нужен он очень. Дневник помогает планировать время: ты ведь точно знаешь, какие у тебя на завтра уроки и сколько нужно потратить усилий, чтобы их приготовить. Дневник дисциплинирует человека, потому что по отметкам в дневнике видно: где твои знания стали лучше, а где надо подтянуться. И еще: школьный дневник — это зеркало, зеркало твоей добросовестности, трудолюбия, упорства, воли. Он — начало твоей трудовой жизни. И оттого, насколько будет хорошим это начало — как знать? — не будет ли зависеть и многое дальше, когда ты будешь вести совсем иные дневники — путешественника, ученого, космонавта. Или же просто — свой личный дневник.

ЧТО ТАКОЕ УМЕТЬ?

ВАЛЕРИЙ СУСЛОВ

Вот подрастешь ты скоро, пора будет учиться делу. Своему делу. Чтобы ты умел что-то делать.

А ты знаешь, что такое — уметь?

Попробуй от руки, без циркуля, начертить круг. Настоящий, правильный круг, чтобы было, как по циркулю.

Не можешь? Я тоже не могу.

А Питер Пауль Рубенс, знаменитый фламандский художник, — он мог. Точность глаза и послушность руки были у него такие, что перед ним не стояло вопроса: как делать? Ему важно было — что делать? Вот его раз и спросили: может ли он начертить правильный круг?

— О, это так просто, — ответил Рубенс и начертил круг, не отрывая карандаша от бумаги.

Он умел.

А вот совсем из другой области.

О финских сплавщиках.

Ты знаешь, лес часто сплавляют по рекам. Пройдет лед, и заготовленный за зиму лес — уже срубленные и очищенные от ветвей стволы деревьев — спускают на воду, сбивают в плоты и сплавляют вниз по реке. И плотогонцы гонят плоты к лесопилкам и лесокомбинатам.

Но плоты хорошо гнать по широким, большим рекам. А как на маленьких, узких? Там плот не пройдет. И в тех местах особенно трудно приходится сплавщикам: речушка узенькая, быстрая, много поворотов, перека-ты. Чуть зазевался — и затор. Собьются бревна в кучу, уткнутся концами в берега, а сзади еще подплывают, громоздятся. Трудно тогда растащить затор.

Сплавщики знают опасные места и следят внимательно. Шевелят

баграми, направляют бревна куда надо, а то и прыгают, как белки, с бревна на бревно, от берега к берегу. Подтолкнул, отвел, багром оттащил — и опять прыгай.

Работа такая, что требует сноровки, а главное — глазомера и умения держаться на шатком плывущем бревне. Оступился, не рассчитал, пошатнулся — и в воде. Тогда карабкайся, выплывай, отвлекай товарищей.

Но финские сплавщики — мастера своего дела.

И раз в год они устраивают состязание. Выбирают стремительный — потруднее — участок реки длиной в километр. Там и повороты, и камни из воды торчат, и речка бурная.

А задача такая: проплыть участок этот, стоя на бревне!

А на берегу — зрители. Свалился с бревна — хохот. Удержался на трудном месте — аплодисменты. Конечно, выдерживают это испытание не все. Редко кто доходит до финиша. Но продержаться на бревне, которое крутится у тебя под ногами, хоть десять метров — и то уметь надо!

А вот еще.

Не надо рассказывать, что крышу, кровлю дома — чтобы нас с тобой дождь не мочил и снег не засыпал — покрывают разными материалами. Железом кровельным, шифером, черепицей, иногда даже соломой. А у нас, в средней России, в деревнях крышу кроют дранкой. Это тонкие такие дощечки, в длину сантиметров сорок, а шириной в две-три твои ладошки. Дощечка на дощечку, ряд на ряд, и получается крыша красивая и прочная.

Но работа кропотливая. Каждую дранинку приложи аккуратно, ровно, в каждую воткни гвоздик — специальные есть драночные гвозди, длинные и тонкие, — и по каждому гвоздю не один раз пристукни. Да осторожно, а то гвоздь тонкий, согнется. Так остороженько по каждому гвоздику раз пять—шесть, а то и семь—восемь стукнуть надо.

Где крышу кроют, там и слышно с утра до вечера: тук! Тук-тук! Тук-тук-тук! Тук!

Так вот, мой друг, старый кровельщик и вообще мастер на все руки, Алексей Александрович Трофимов, однажды мне рассказывал:

— Ходила по нашим местам лет сорок назад

женщина из Торжка с мужем. Крыши крыла. Не муж с женой, а жена с мужем! Виданное ли дело, чтобы женщина по коньку бегала, по крыше ла-зала?!

А она и была главный мастер. Сколько я мастеров видел, сколько крыш сам перекрыл, а такого мастера не видал...

Как гвозди вбивают?левой рукой двумя пальцами держишь, правой — молотком: тук! Наживил. А потом еще тук да тук. Да еще тук-тук. А она все одной рукой делала. В левой ладонке гвозди, а в правой молоток. Так она правой же рукой берет гвоздь и двумя пальцами втыкает. Наживила, и одним ударом — хлоп! И гвоздь — по шляпку!

Вот это была женщина! И чтобы рукой гвоздь наживить! И одним ударом по шляпку вогнать!

Как увидели: и мы так!

Сколько гвоздей перепортили, пальцев себе поотбивали! Но сколько ни старались, никто так и не научился.

Да, мастерство — это красиво. Это исходит откуда-то из самых глубин человеческой души. А раз так, то ни один писатель не мог пройти мимо мастерства, не мог не восхититься умением того или другого мастера, не пропеть ему славы. Вспомни хотя бы Лескова, Куприна, Леонида Леонова...

А вот Константин Георгиевич Паустовский вспоминает:

«Из старых, опытных писателей часто заходил к нам в редакцию только Андрей Соболев — милый, всегда чем-то взволнованный, неусидчивый человек.

Однажды Соболев принес свой рассказ, раздерганный, спутанный, хотя и интересный по теме и безусловно талантливый.

В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ХУДОЖНИКА
ЛЕОНИДА КАМИНСКОГО

— Хорошо жилось в древности:
у обезьян никаких экзаменов не
было...

Все прочли рассказ и смутились: печатать его в таком небрежном виде было нельзя. Предложить Соболю исправить его никто не решился. В этом отношении Соболю был неумолим — и не столько из-за авторского самолюбия (его-то как раз у Соболя почти не было), сколько из-за нервозности: он не мог возвращаться к написанным своим вещам и терял к ним интерес.

Мы сидели и думали: что делать? Сидел с нами и наш корректор, старик Благов...

— Вот что, — сказал Благов. — Я все думаю об этом рассказе Соболя. Талантливая вещь. Нельзя, чтобы она пропала. У меня, знаете, как у старого газетного волка, привычка не выпускать из рук хорошие рассказы.

— Что же поделаешь! — ответил я.

— Дайте мне рукопись. Клянусь честью, я не изменю в ней ни слова...

Благов кончил работу над рукописью только к утру...

Я прочел рассказ и онемел. Это была прозрачная, литая проза. Все стало выпуклым, ясным. От прежней скомканности и словесного разброда не осталось и тени. При этом действительно не было выброшено или прибавлено ни одного слова...

— Это чудо! — сказал я. — Как вы это сделали?

— Да просто расставил правильно знаки препинания. У Соболя с ними форменный кавардак. Особенно тщательно расставил точки. И абзацы... Рассказ был напечатан...»

Вот что такое — уметь.

Много есть разных профессий, разных умений... Ты еще не думал — кем стать? Да это, впрочем, не так и важно.

Важно стать Настоящим Мастером Своего Дела.

— Знал бы, что так трудно будет делать шпаргалку, лучше учил бы уроки!..

— Ну и тяжелый билет мне достался!

ДОМАШНИЕ ЗАДАНИЯ

ПРИДОРОЖНЫЙ КАМЕНЬ

Шел Иван-царевич путем-дорогою, покуда не оказался на распутье, перед камнем придорожным. В незапамятные времена добрые люди высекли на этом камне надпись. Но не иначе как Баба-Яга, или Змей Горыныч, или еще какие-нибудь озорники испортили буквы. К каждой прибавили где лишнюю черточку, где две, а где и больше, так что все почти буквы стали сами на себя не похожи. Однако Иван-царевич голову не повесил, а стал разбираться. И в конце концов понял, что написано на камне.

— Очень плохо, Гоша Неандертальцев! Ты что, живого мамонта не видел?

— ...И последний вопрос: как разделить шкуру неубитого медведя?

У КОГО В РУКАХ РЕЗИНКА?

Витя, Толя, Дима и Саша придумали занимательную игру. Один из них прятал в руке стирательную резинку. А ребятам из другого класса предлагали угадать, у кого резинка и как зовут каждого из них. Вот они стоят четверо. Если вы вдумаетесь в их слова, то поймете, что они вам очень хитро подсказывают ответ.

У кого же все-таки резинка?

ПОМОГИТЕ АРХЕОЛОГУ

Один археолог нашел в Африке громадную квадратную плиту, расколотую на четыре части. Они были сложены так, как вы видите на рисунке. Ни один кусок в одиночку сдвинуть невозможно. Что же изображено на плите?

Ответ на загадку домашнего задания II четверти «Следы на снегу».

В сторожке греются пять человек: четверо лыжников, пятый — кто сошел с саней и был в валенках.

A watercolor illustration depicting a Nenets scene. In the upper left, a large red sun hangs in a pale sky. Below it, a large, light-colored animal, possibly a reindeer, is shown in profile. To the left, a dark, conical tent stands on a patch of ground. In the center, a small figure of a person is walking, accompanied by a dark dog. To the right, several reindeer are depicted. A large, curved, light-colored shape, possibly a path or a piece of land, winds through the scene. In the lower right, two figures are in a dark, narrow boat, using long poles to navigate. The background is a mix of light and dark washes, suggesting a vast, open landscape.

В. Ледков

НА ПУТИНЕ

Мы с отцом сидим на веслах.
Сто мужчин ¹, сто ненцев взрослых,
Не пускают сеть ко дну
На большую глубину.

Размахнулся плес широкий,
Еле виден чум далекий.
Над безлюдною равниной
Он торчит, как палец длинный.

Мать готовит ужин в нем,
Наклоняясь над огнем.

Брызги солнечные пляшут,
Сеть ползет за лодкой нашей,
Выгибается дугой
И струной звенит тугой.

Ходят весла — ну, гребите же!
С каждым взмахом берег ближе,
И трепещет в лодке рыба —
Серебра живая глыба.

Перевод с ненецкого
В. Аушева

¹ Ненецкая загадка про рыболовную сеть: сто мужчин тянут вверх, сто — вниз (поплавки и грузила).

ТРУДОВАЯ
ЧЕТВЕРТЬ

ЛЕТО

РАСПИСАНИЕ ТРУДОВОЙ ЧЕТВЕРТИ

Пятая четверть — трудовая.
Нет здесь ни уроков, ни переменок.

«МОРСКАЯ ГАЗЕТА» —
в дальнем шлюпочном походе,

«БАРАБАН» — на сенокосе,

«ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ» —
в заповедном лесу...

За работой и корреспонденты «КОСТРА» —
Борис Алмазов в поисках материалов
о герое-пионере Гене Воронове,
Виктор Того — в походе по лесам и болотам,
где он вместе с парфинскими пионерами-
следопытами восстанавливает страницы
героической жизни партизан,
братьев Плотниковых...

И еще пятая четверть —
время пионерских лагерей,
ярких пионерских костров.

ПРАЗДНИК НЕПТУНА

АЛЕКСАНДР САХАРОВ

Во вторую смену в лагере у меня, считай, знакомых не было — Валька только да мой младший брат Василий.

С Валькой я в одном классе учусь, он обязательно суется везде — оттого что длинный, я думаю, — а Василий еще дошкольник.

Однажды на вечерней линейке старшая пионервожатая Леля говорит:

— Завтра будет праздник Нептуна. Давайте из своей среды выберем Нептуна и нимф.

Она предложила в Нептуны Игоря — председателя совета дружины, но Игорь сказал, что у него хронический бронхит и ему торчать в воде нельзя.

— Что же делать? — задумалась Леля. — Может быть, ты, Шура, справишься?

Я конечно обрадовался такому доверию, но сказал — нет, потому что я мал ростом, а Нептуну нельзя быть таким — он же подводный бог!

Только я отказался, встает вдруг Валька:

— Подумаешь, — говорит, — невидаль... Давайте я справлюсь.

Все помолчали, а потом говорят: «Давай!» И я сказал, хоть Валька известный нахал, но кому же Нептуном быть?

У Игоря бронхит, я ростом не вышел, а Василий мал и не пригоден пока на что-либо серьезное.

Ну, а нимф мы назначили моментально — в лагере девочек много, и есть очень-очень красивые, а есть — просто.

Утром все собрались у пруда. Там помост был из досок — с него обыкновенно в воду ныряли, а сейчас на нем стоял стул, и Валька сидел на стуле в золотой короне из картона и с бородой из мочалки.

Вокруг него толпились красивые нимфы и пионеры с копьями.

— Канат! — закричала Леля. — Перетягивать канат!

И мы стали тянуть в разные стороны канат, а Валька сидел, надувшись, как индюк, и даже не улыбался.

Впереди меня тянул Игорь. Мы тянули, упирались изо всех сил. Тянули, тянули и победили.

Я упал. Игорь — на меня... Только хотели встать — тут Нептунова свита, девчонки, как налетят и потащили нас в воду.

Лучше бы мы проиграли!

— У меня бронхит!.. — кричал Игорь, но его не слышит никто. И швырнули его с помоста в пруд, меня тоже, прямо в рубашке с галстуком.

Потом я выжимал в кустах рубашку, галстук, майку, сквозь листья смотрел на ералаш, который устроили эти нимфы. Они даже пионервожатую Лелю схватили, чтоб окунуть, но одумались, а Ваську моего безжалостно окунули.

Валька вдруг на своем троне как зальется — меня даже зло взяло: зритель в первом ряду...

Пионеры с нимфами рассыпались по берегу — ищут, кого бы еще схватить, а уже некого — все разбежались, один Валька остался.

И вот они схватили его, раскачали — и в пруд.

Валька сразу ушел на дно, только стул наверху остался да золотая корона и мочалка от бороды. Все — ха-ха-ха! А я вдруг вспомнил, что он плавать-то не умеет!

Кинулся к помосту и, как был, не раздеваясь, прыгнул в воду!

Вальку я вытащил согласно правилам — за волосы. И что же? Он обиделся и долго со мной не разговаривал. Будто бы меня нет.

А по-моему, сам виноват.

Нечего в Нептуны лезть, раз плавать не умеешь!

КОСТРЫ ДРУЖБЫ

ОЛЕГ ОРЛОВ

Был уже поздний вечер, и в Куртатинском ущелье догорал Костер Дружбы, что каждый год в июле месяце зажигают пионеры Северный Осетии и Грузии на перевале, на границе двух республик.

Был вечер, и, уставшие плясать вокруг костра танец «симд», уселись отдохнуть ребята — грузины вперемешку с осетинами.

И тогда один человек, гость ребят, сказал: «Удивительно и радостно видеть мне все это, мне, старику, пережившему так много на этом свете. Когда-то, еще до великого Октября, на этих местах, где теперь вы зажгли веселые костры, была между осетинами и грузинами вражда. То у осетин грузинские джигиты угоняют скот, то осетинские парни в грузинском селе украдут девушку... Крови было пролито немало. И Советская власть, ребя-

та, в горах трудно устанавливалась. Бедняки — те сразу за Советы встали, за Ленина. А кто побогаче — к белым подались. И снова мира не было на границе Осетии и Грузии...

Я старый человек, живу памятью...

Однажды в одном селе грузинские меньшевики убили двух осетинов-большевиков. Старики отцы поехали за перевал выкупать убитых. Такой уж был закон в горах. Их пустили. Но ведь вот какое оказалось дело: убитых было трое. Третий был русский. И похоронили старики вместе с телами сыновей и тело русского большевика. С тех времен много лет прошло. Осетины и грузины бок о бок воевали вместе против фашистов. Вместе после войны хозяйство своих республик восстанавливали. И давно о вражде между осетинами и грузинами помину нет, а граница, граница только по карте и проходит. И общий танец «симд» научились вы танцевать, и общий Костер Дружбы зажигать научились. И может быть, я не к месту рассказал эту печальную историю? А?.. Подбросьте же веток в огонь и простите мне, старому человеку...»

Вот что было рассказано у одного из Костров Дружбы, когда туманы с буковых лесов сползали на красные камни Куртатинского ущелья.

ЗА ХЛЕБ

БОРИС АЛМАЗОВ

Когда пуля попала в бутылку с горючей смесью и на бойце вспыхнула одежда, он не стал сбивать пламя, а бросился к фашистскому танку, прижался к броне и сгорел вместе с вражеской машиной.

Седой человек рассказывал ребятам о подвиге однополчанина, и в классе было так тихо, что даже на последней парте, где я сидел, было слышно, как позванивают медали у него на груди. У ребят были такие лица, словно это они стоят насмерть, закрывают врагу дорогу к Волге, словно это они там, на переднем крае обороны, в ту лихую годину.

А в самом углу у крайней парты валялся кусок хлеба. Почему-то я не мог оторвать от него глаз. Небольшой кусок, ломтик, надкусанный с краю.

Прозвенел звонок, ребята окружили ветерана, а кусок хлеба все лежал. Может быть, его не заметили? В перемену дежурные вымели хлеб в коридор.

Я вспомнил этот кусок хлеба, когда шел в деревню Московитино, что на Верхней Волге в Калининской области. Добираться до нее пришлось долго: сначала поездом, потом теплоходом, машиной, а уж до самой деревни ничего не ходит — дороги нет, пришлось пешком, через поле и болото.

Усталый комбайнер возился у косилки.

— Лафет забивает! — повернул он ко мне измученное лицо. — Вишь ты, сырая рожь — в приемник забьется, и шабаш, через двести метров останавливаюсь. Дожди и дожди, как прохудилось...

— Может, пообождают, может, ветром подсушит? — посоветовал я.

— Сам-то городской? — спросил комбайнер. — Колос через день-два сыпаться начнет. Пообождают! Пообождешь — без хлеба будешь. А тут рожь хорошая, по двадцать центнеров с гектара берем местами! Он сказал это с гордостью. А на Украине, на Дону — по сорок пять центнеров пшеницы с гектара никого не удивляет.

Только во время войны не было у нас украинского хлеба, а на Дону пахали и засевали землю снаряды. Вот этот тощий архангельский, вологодский, тверской хлебушко, пополам с мякиной, а то и с корой, лежал в мешках советских солдат, что бились на Волге, на Курской дуге и здесь, совсем рядом, под Москвой. Я помню солдатский хлеб, те четыреста граммов, что были положены бойцу на день и которые они отдавали нам, потому что мы, дети войны, все время хотели есть.

Трудно дается хлеб на нечерноземной земле. Поля маленькие — семь, пять, а то и два-три гектара. Все болота, да кусты, да перелески...

— А где тут у вас мальчик погиб?

— Воронов-то, Гена? — комбайнер выпрямился. — Вот в ячмене. Вот, где столбы. В прошлом году, помнишь, какая сушь была? Леса так и горели!

Сказывают, в Москве дым по улицам стелился. При такой сухоте легко ли огня не заронить... Окурки, костер там или искра от машины — и пойдут! Мы все детишкам наказывали, чтобы поглядывали...

— И все-таки недоглядели?

— Так ведь кабы от огня загорелось, а то от провода. Провод электрический упал. Может, пересох. От него и пошло. Воронов Гена как увидел, кинулся гасить, а оно уж полыхает!

— Что ж он никого из взрослых не позвал?

— «Позвал»... Тут пока докричишься, все поле примется и лес пойдет, а там и деревню прихватит. А чем гасить? Один в поле, ни воды, ни лопаты. Рубахой стал замахивать, догадался. И уж все погасил, да ступил на провод, ну и кончено — насмерть. Шесть тыщ вольт... — Комбайнер снова принялся с остервенением вытаскивать из приемника пучки мокрой жеваной соломы. — Жаль мальчонку — спасу нет. Хороший был парнишка, тринадцати годов.

Откуда берется способность к самопожертвованию? Откуда берется сноровка? Смог бы я, взрослый человек, вот так кинуться спасать урожай? Почему, попадая в одинаковые обстоятельства, сталкиваясь с бедой, одни становятся героями, а другие нет?...

Тропинка то спускалась к болоту, и приходилось вброд переходить холодные промоины, то поднималась на пригорки, и тогда за ржаными и ячменными полями виднелся лес. И ни одного человека! Кругом было так пустынно, что казалось, никого, кроме огромных бескрылых кузнечиков, в этих краях и нет.

Но ведь это поля! Столетиями превращал крестьянин эту землю в пашню. Сначала вырубил гниль, отвел воду, выкорчевал пни, сжег корчевье, разгреб камни, поднял целину, вспахал под посев, засеял, забороновал — и стала земля жить... Без человека была бы это болотная пустыня, и все...

За лугом, где ходили стреноженные кони, показалась деревня; словно зеленые облака, скрывали дома огромные ивы.

— Здравствуйте, — навстречу мне из-за поворота вышла старушка с кошелкой. — Не знаете, в Печетово в магазин хлеб привезли? Сами к Вороновым? Сродственник будете? Про Гену писать, значит... Ну, ну, ну... Желанный был мальчик... — И старушка заплакала, вытирая морщинистое лицо коричневой рукой. — Они, детишки, все хорошие, но он, как бы сказать, добрее всех был. К примеру, идет улицей, рыбы наловит, а мы, пенсионеры, на лавочке сидим. Он остановится, посмотрит-посмотрит да всю рыбу нам и отдаст. Дескать, кушайте, бабушки, самим-то не наловить. Они, Вороновы, все такие-то. У Гены все — и отец, и дед, и прадед — все нашей деревни крестьяне. И все труженики. Все с малолетства работают. Мало, что у них по дому все меж собой распределено, чтобы матери облегчение сделать — их с Геной-то детей было четверо, — мало что по дому... В поле работают. Вчера Сашу, младшего брата, встретила, на косилке едет. «Сашенька, — говорю, — никак ты в совхозе косишь?» — «А что ж, — говорит, — глядеть, что ли, как трава ляжет». Вот и косит, как мужик, а ведь ему двенадцать годов только. Да ведь умеет! Гена — тот все к технике больше, тот все к тракторам да к косилкам.

Прошлой весной смотрю, а Гена-то Воронов на тракторе пашет. Отец, знать, наломался, спит, а он за него пашет. Пять гектар спашал. Отец подошел. «Мужик, — говорит, — у меня растет, крестьянин...»

... Как часто, спрашивая мальчика или девочку, кем и где работают их родители, слышишь в ответ: «Не знаю». Взрослый человек половину жизни проводит на работе, а сын его или дочь ничего не знают об этой половине его жизни. У взрослых свои заботы и радости, у детей свои. И от этого всем трудно. И детям, и взрослым... А вот Гена Воронов дружил с отцом и братьями.

С мелочей, с маленьких добрых поступков начинается хороший человек, с повседневной заботы о близких начинается важное качество советского человека — гражданственность, ответственность за все, что делается на земле.

Думал ли об этом Гена? Думал!

В Горицах, в школьном музее, лежит его маленькая записная книжка-дневник. Там на первой странице прыгающим детским почерком написано:

**ВОРОНОВ ГЕННАДИЙ ИВАНОВИЧ, 1960 ГОДА РОЖДЕНИЯ,
РУССКИЙ, ПИОНЕР**

Ему важно было это знать. Он гордился тем, что русский, и тем что пионер.

— А в поле-то он пошел ключ гаечный взять. — Это мать Гены Антонина Александровна рассказывает. — Виталька, самый младший наш, с утра канючил: «Гена, почини мне велосипед!». Вот он и пошел к трактору ключ взять...

Антонина Александровна сильная, молодая женщина, у нее загорелое лицо и руки. Ровный темный загар от работы в поле. Она, наверное, веселая, любит песню. Две морщины у рта да темные глаза, запавшие глубоко-глубоко... Она рассказывает обстоятельно, подробно. Наверное, вот так споро, добросовестно делает она любую работу, даже если это тяжелая работа.

— ... Пошел он, Гена... А потом кричат: «Мальчишку током убило!» Я еще не знала, что Гену, а так у меня сердце и оборвалось, словно чуяло...

Она рассказывает, как примчался на газике председатель совхоза, как отключили электролинию, да не ту, как полетел газик в соседнюю деревню

Память — это и Музей Славы, и парта Гены Воронова, за которой может сидеть только самый лучший ученик. . . . Память — это и сами ребята, одноклассники. И прежде всего конечно — семья Гены.

к распределительному щитку. Рассказывает подробно, не в первый раз, а трое Вороновых — отец Иван Сергеевич, Саша тринадцати лет и семилетний Виталька — сидят на лавочке и молча слушают. У них одинаково выцветшие брови, одинаковая крестьянская прочность плеч, и сутулятся все одинаково. . . .

Не первый раз слушают, а все, видно, рассказ им этот по больному месту. Дрожат большие руки Ивана Сергеевича, крошится табак из папиросы. Год назад, когда подхватил он из хлебной гари сына своего, не заметил, как в руке оказался обшлаг сыновьей обгоревшей рубашки. Только к вечеру опомнился, глянул и сполз по стене без памяти. . . .

Он для них был и остается всегда живым. А какой он был? Да по фотографиям представить трудно.

Фотографий-то сохранилось всего две. Фотографов тут нет, не город. . . .

— Учился хорошо, но «звезд с неба не хватал», — сказала директор восьмилетней Печетовской школы, где учился Гена, Анна Тимофеевна Лубина. На мой вопрос, не было ли в характере мальчика чего-нибудь выдающегося, сразу ответила:

— Он был человек слова.

Когда — в годовщину его гибели — одноклассники стали вспоминать, с удивлением и радостью сошлись на том, что никто не может припомнить, чтобы Гена не выполнил какого-нибудь своего обещания.

Говорят, в деревне жить скучно. Наверное, зависит не от того, где живет человек, а как живет он. Гена жил весело и интересно. Не ждал, чтобы

его стали развлекать, «организовывать», чтобы с ним «проводили мероприятия». Шел в клубе концерт художественной самодеятельности. Гена должен был прочитать рассказ из книжки «О смелых и умелых». Прочитал. Зрители аплодировали, кто-то из зала крикнул:

— Еще давай!

— Еще, что ли, рассказывать?

— Валяй!

И он рассказывал еще и еще, сначала на память, а потом своими словами, пока всю книжку не пересказал.

Он пел в хоре, был солистом; по самоучителю, что выписал отец, выучился играть на гармошке, плясал, рисовал стенгазеты, умел водить комбайн, трактор, машину, во дворе повесил самодельную грушу, занимался боксом и очень много читал!

— Ох, как читал! — подтвердил отец. — Вон у него доска задумная прилажена — на большой старой иве, над окном. Залезет туда и читает. Целый день сидит — читает. А что книг этих из школы перетаскал — уйму! Просил кровать к окну поставить, чтобы ночью звезды было видно...

Стоит до сих пор кровать у окошка. Лежит на иве доска, потемневшая от дождей. Пустая. Без хозяина... Но мне все время кажется, что он где-то рядом.

Как это получается: живет мальчишка, ничем не примечательный особенно, и вдруг — герой?

Мне кажется, что героический поступок — не случайность. Способность к нему воспитывается, происходит это незаметно. Ведь в чем главный секрет: подвиг может совершить только хороший человек. В момент героического поступка все хорошее, что заложено воспитанием, семьей, пионерской организацией, собирается воедино.

Сколько я ни расспрашивал про Гену, все по-разному говорили одно и то же: «Он был добрым!»

Только тот, кто любит, способен отдать жизнь за людей.

Весной 1973 года Гена Воронов вместе с одноклассниками был в Калинин в Музее истории комсомола имени Лизы Чайкиной. Его запомнил экскурсовод.

— Я бы тоже так хотел!

— Что именно? — спросил экскурсовод.

— Тоже что-нибудь хорошее сделать.

— Но ведь они все погибли?

— Ну и что, — ответил Гена. — Их долго все вспоминать будут.

А через несколько месяцев в том же зале появится маленькая витринка с пионерской формой Гены, номером «Пионерской правды» и обгорелым обшлагом его рубашки...

Гену Воронова помнят все его односельчане. Но конечно совсем особое место он занимает в памяти его родных, его сестры и младших братьев...

Дети Вороновых прекрасно воспитаны. В них чувствуется внутренняя доброта и культура.

...Они принимают участие в разговоре, но больше молчат, слушают взрослых, чувствуешь, как внимательно воспринимается ими каждое слово.

А как засуетились они, когда усаживали меня закусить перед дорогой. Как торжественно нес Виталька тарелку с медом. Была в мальчишке гордость оттого, что в доме достаток, трудом добытый.

Как внимательно, по-крестьянски бережливо, но щедро резал хлеб Саша.

— Кем же ты будешь? — спросил я Витальку.

— Летчиком.

— А кто будет землю пахать? — сказал отец.

— Я технику люблю, — по-взрослому ответил мальчишка.

— Дак ее в деревне завались...

— Все равно летчиком, — насупился малыш. — Как Гена!

— Вот оно что, — подумал я. — Это желание быть похожим на брата.

А дорогой Саша рассказывал:

— Наши тут спокон веков жили... И прадед наш, наверное... Вон в том селе, в Ново-Троицком, Михаил Иванович Калинин учился...

— А ты как учишься?

— Без троек, — ответил с достоинством. — Да Валя вот лучше, чем я, учится! Теперь надо Витальку тянуть! Он этой осенью в школу пойдет, в первый класс...

У Печетова меня обогнал трактор с прицепом; мальчишка сидящий на горе зерна, уважительно снял кепку и поклонился. По годам он был сверстник Гены. Знакомый комбайнер, свесив ноги в канаву, хлебал из котелка, а перед ним, прижимая к животу кринку с молоком, стоял босоногий карапуз и с удовольствием смотрел, как ест отец. Ноги у него были запылены и искусаны комарами — издалека шел. Три девчонки — лет по двенадцати — вместе с женщинами вязали лен, и маленькие снопики вертелись у них в руках, как пропеллеры.

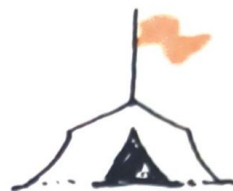
Опять вспомнился мне кусок хлеба, который валялся в классе... Как же так? А?

За этот хлеб, за то, чтобы его было вдосталь, уходили воевать советские люди.

За этот хлеб, за эту землю погиб и Гена Воронов, сын и внук крестьянский... Ваш современник и сверстник...

Лагерьная линейка у „БАРАБАНА“

Уважаемый «БАРАБАН»! Тысячу извинений за столь долгое молчание. Дела в нашем селе идут хорошо. Начался сбор белой черешни, на гороховой линии уже молотят; теперь редко увидишь ребят — все в поле. Я тоже еду завтра туда на десять дней. Будем жить в бараках, как Павка Корчагин.

Юра Фурман,
Херсон, село Зеленовка

Угощайтесь нашей черешней!

На скирдовке всегда найдется работа для ребят. На полевом стане в глазах рябит — разноцветные платья, яркие рубахи! Кругом шутки, смех, не заметишь, как полдня пролетит. А там повара на обед зовут. До чего же вкусен обед после работы!.. А когда день кончится и все уйдут, такая тишина стоит над полем... Я люблю смотреть, как высокие стога погружаются во тьму...

Люба Гурьянова,
Удмуртская АССР, поселок Уром

В июне прошлого года мы работали в виноградарском совхозе. Работать было трудно, но очень интересно и весело. Работали до обеда, потом шли купаться, вечером ехали на автобусе домой, а утром снова на работу. Еще хотим поделиться нашей радостью: Киру и меня приняли в комсомол. Мы — первые комсомольцы нашей школы, потому что она только недавно стала восьмилетней.

Ирина В., Кира З.,
Киргизская ССР, Токмак, школа № 6

Ответ на домашнее задание III четверти

«Задача про аптекаря»: 3 скрупулы отмеряются способом, указанным в задаче (из полной склянки вместимостью 10 скрупул налить полную 7 скрупул, останется 3 скрупулы). 5 скрупул отмеряются так: отмерить 3 скрупулы, вылить в отдельную посуду — и так 3 раза, пока не наберется 9 скрупул, из 9 скрупул отлить 7 в известную склянку, останется 2. К ним прибавить отмеренные 3, будет 5 скрупул. Для 8 скрупул: отмерить указанными способами 5 и 3 скрупулы. Для 11 скрупул: отмерить указанными способами 8 и 3 скрупулы.

Когда мы сдавали листочки, кто в какое звено хочет, я написала: «В «Юный натуралист». И еще восемь ребят так же написали. Мы ходим на станцию юннатов. Там много животных, есть лошадь Лапка, мы носим ей сухари, яблоки. Она как увидит нас — головой трясет, облизывается. . . Зимой мы с подругой Наташей взяли на воспитание двух щенков, ухаживали, кормили, выгуливали. Я даже кашу для них дома варила. Щенки жили в сарае, мы постелили им сено. Один раз приходим, щенков нет. Их кто-то украл. Я очень плакала. Дома у меня живет кот Дымок, рыбки, в комнате много растений. Когда я вырасту, буду ветеринаром.

Лариса Леченко, Новороссийск

Однажды, еще перед каникулами, мы пошли на колхозную ферму. Там были телята. Один совсем слабый. Мы взяли над ним шефство. Каждый по очереди кормил его, приглядывал за ним. Теперь теленок окреп, но хуже других. Мы называли его Малыш. Он привязался ко всему нашему отряду.

Жанна Сквородко и Аня Шимукович
из деревни Ситьково Витебской области

Я шел из школы и увидел — один ученик издевается над щенком. Сделал петлю и надел на шею. Я подбежал, а он бросил щенка и удрал. Я не стал его догонять, взял щенка и отнес домой. Теперь это хорошая большая собака.

Сергей Дербенев, Ростовская область

ТИМУРОВСКИЕ ДЕЛА

В нашем доме живет мать солдата, погибшего в годы войны, Анастасия Сергушина. Она находится на заслуженном отдыхе. Мы ей помогаем во всем. Когда надо, то ходим и в магазин и моем полы.

Отряд «Боец», Уфа, Башк. АССР

Наш класс в селе Андровка взял шефство над участниками Великой Отечественной войны: Н. И. Антоненко, М. Б. Мхтырским, К. К. Адамовым, И. А. Быстрым.

Отряд 6-го класса,
средняя школа, село Андровка

Все следопыты нашей школы помогают матери погибшего в войну летчика — Анне Ивановне Казебе. А также мы следим за памятником Неизвестному солдату и памятником Воинам-односельчанам.

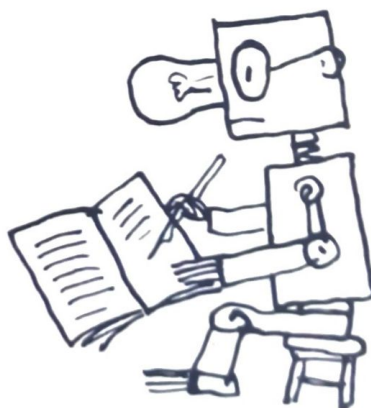
Следопыты села Обложки
Сумской области

Робот и Егор (ФЕЛЬЕТОН)

Однажды дядя Федя подарил Егору робота. Егор обрадовался. Он решил проверить способности робота. Посадил его за стол и дал стопку своих тетрадей, где на каждой страничке было написано: «Два! Где домашняя работа?» Через полчаса все задания были решены. Егор выбросил старый дневник и завел новый, а через несколько дней в дневнике появились первые пятерки. Родители нарадоваться не могли на сыночка, который до этого был заядлым двоечником. В благодарность за хорошую учебу они

освободили Егора от всех обязанностей по дому. Он больше не ходил в магазин, не поливал цветы, даже младшего брата из садика не брал. Егор валялся на диване, жевал булку с маком, запивал киселем и толстел. А робот трудился над уроками.

И вдруг робот сломался. Егор сидел и плакал, потому что не мог починить робота: не знал законов физики. А робот знал законы физики, но не мог подсказать Егору, потому что сломался...

Рассказала во время лагерного «мертвого часа»
Наташа Пискунова, Петропавловск-на-Камчатке

ЗАРНИЦА

*Различные военные и невоенные истории,
бывшие во Пскове, и не только во Пскове,
на III Всесоюзной военно-спортивной игре*

ЯКОВ ДЛУГОЛЕНСКИЙ

Сначала давайте познакомимся, а потом будем рассказывать.

Вот это командир отряда, Толя Прохоров, а это — Баир Цыренов, Гена Шувалов, Сережа Румянцев — мои друзья из Бурятии. Из самой северной точки Бурятии — из поселка Нижнеангарск.

Нет только Саши Янданова — он был в это время неизвестно где.

Сказать честно, раньше мы друг друга не знали. Но когда познакомились, решили, что как-нибудь я приеду к ним в гости. И не только потому, что там у них, в Нижнеангарске, в заводах плавают дикие утки, водятся омуль, таймень и сорога, а также грузди, маслята и белые; и даже не потому, что есть у них полуглиссер «Балтиец» и настоящий револьвер (Толиного папы, он работает инспектором рыбоохраны, но все равно будем считать, что револьвер у них «есть»), а лес у них... Впрочем, у них не лес, а мешок, набитый доверху кедровыми орехами, — нет, совсем не потому хочу я поехать к ним, а потому, что сами по себе они отличные парни.

В общем, если тоже соберетесь, то по Байкалу вам надо будет добираться пять дней, а самолетом из Улан-Удэ — всего четыре часа... Это конечно значительно быстрее. Но ведь и до Улан-Удэ тоже надо добираться сколько-то дней...

История первая

ХИТРОСТЬ

Теперь-то это совершенно другой человек. Теперь его даже приходится сдерживать. Потому что у него всегда появляются идеи, которые просто иногда невозможно осуществить. А совсем недавно он даже за грибами и на рыбалку ходил один. А чаще сидел дома, и никак его оттуда было не выманить. Даже Баир Цыренов сказал, что это «потерянный для коллектива человек». И Шувалов с Румянцевым согласны с этим суждением, хотя сами-то не очень старались ходить с коллективом, а все больше вдвоем. Но тут началась «Зарница», и каждая отдельная личность стала расцениваться на вес золота.

И тут все стали думать, что делать с «потерянным человеком», поскольку в отряде явно не хватало стрелков.

— Заставить, и все! — сказали Румянцев и Шувалов и, когда их предложение отвергли, потеряли к собранию всякий интерес.

— С мамой его поговорить, — сказал Баир Цыренов.

И сам застеснялся: при чем тут мама, когда решаются чисто военные, мужские дела.

— Пусть Геннадий Алексеевич на него повлияет, — сказал Янданов Саша. Но на него зашумели, потому что и так Геннадий Алексеевич бегал — форму разыскивал, ложки и котелки «выколачивал». У Геннадия Алексеевича были свои дела.

И, как на любом военном совете, последним выступил командир:

— Я попробую к нему сам пойти. Скажу, мол, так и так...

— Да он домой к себе не пустит!..

— Сколько раз так было!..

— Все равно, — сказал командир. — У меня есть для него задание. И я надеюсь, он не откажется...

Дело в том, что «потерянный человек» жутко любил мастерить.

Ага, вы, наверное, уже догадались, что будет дальше: командир принесет ему для починки поломанный стул или стол из канцелярии — и «потерянный человек» незаметно вовлечется в игру...

Ничего подобного. Ему уже и парты носили, а он не вовлекся.

Предложение командира сводилось к следующему: просить «потерянного человека» сделать для отряда энное количество деревянных автоматов, потому что никто другой лучше их не сделает. А если нужна будет помощь, то ее дадут. Нельзя сказать, что это был легкий разговор: «потерянный человек» сопротивлялся. Но потом сказал, что подумает, и заметил, что лучше всего красить автоматы в черный цвет.

Вот, собственно, и вся история. Не ахти какая сложная. Но, в конце концов, если бы не она, неизвестно, как долго бы оставался в стороне от отряда «потерянный человек».

История вторая

КАРТА

Это было в то время, когда начинающие разведчики Перхоров и Янданов для повышения квалификации даже в школу ходили по компасу.

Однажды учитель физкультуры Геннадий Алексеевич принес карту.

— Вот, — сказал он, — карта. Будем ее читать.

— Да как ее читать?! — закричали все. — Тут же ничего не написано! Тут одни точки и тире!

— Да? Вы так думаете? — спрашивает Геннадий Алексеевич и начинает эту карту прекрасно читать. — Идите, — говорит, — разведчики Янданов и Перхоров, по этой проселочной дороге. Слева от вас будет лес, а справа — поселок. Вот дома. Лесопильный завод. Консервная фабрика. Школа. Клуб. Речка. Если хотите, можем перейти вброд. Вот он, брод...

Тут все стали говорить, что, вероятно, Геннадий Алексеевич покаялся, что видит поселок в первый раз, — просто читает знаки, которые только что показались всем обыкновенными точками и тире.

Посмотрели разведчики Янданов и Перхоров друг на друга и говорят:

— Вот это да! Нам бы так.

Однажды приходит Саша Янданов к Толе и видит: валяются вокруг Толи какие-то бумаги, а сам он сидит за столом и не то рисует, не то чертит.

Саша спрашивает:

— А что это ты делаешь?

— Карты делаю, — коротко отвечает Толя.

Смотрит Саша — точно: на каждом тетрадном листке — карта. И совсем не хуже, чем в «Острове сокровищ».

— Сейчас, — говорит Толя, — я тебя по этим картам спрашивать буду.

Саша говорит:

— Ах, так... тогда я сейчас тоже нарисую и тоже тебя буду спрашивать...

И действительно: садится рядом и рисует свои собственные карты.

А потом они начинают друг друга спрашивать.

— Это что?

— Ветряная мельница.

— А это?

— Отдельно стоящий дом.

И вразбивку, и подряд спрашивают, и никто не ошибается!

— Что же это мы, — неуверенно говорит Саша. — Выходит, карту выучили?...

Во Пскове, на «Зарнице», после экзаменов, сержант-посредник говорил мне:

— Очень неплохо читают карту ребята. Верно, кто-нибудь с ними занимался. Я только после четырех месяцев службы научился так читать.

— Да нет, — сказал я, — они ни с кем не занимались. Они сами. И карты у них были не очень-то настоящие... знаете, такие, рисованные — от руки...

История третья

О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ ВСЕ ВРЕМЯ ПАДАЛ

Или у него в тот день было что-нибудь с центром тяжести, или еще что, но только в тот день он все время падал.

Еще когда бежал пашней, он сразу запутался вместе со своим автоматом в траве.

А потом пошло.

Одним из первых он завяз в болоте, и его оттуда вытаскивали, когда пре-

одолевали траншею, он эту траншею не преодолел, а под конец зацепился за что-то в лесу, и его надо было отцеплять.

И когда ему выпало быть часовым, он себе сказал: «Ну, смотри, Цыренов!..» Потому что он недоверчиво стал относиться к самому себе.

И тут еще на машине приехал полковник. То есть это, конечно, хорошо, что он приехал, но плохо, что он без пароля хотел мимо Цыренова пройти.

Тут-то Цыренов и сказал ему, что, по его мнению, солдаты так не поступают и что он, Цыренов, на месте полковника даже и не пытался бы пройти...

— Да ведь ты меня знаешь, Цыренов! — сказал полковник. — Но если ты так хочешь, если настаиваешь, то тогда, конечно, я сейчас вспомню пароль... Подкова? Нет?

— Нет, — сказал Цыренов.

— Ну, тогда сабля... или пуля?.. Опять нет... Ох, какой ты, Цыренов, — сказал осуждающе полковник.

Но Цыренов только виновато вздохнул и не дал полковнику пройти.

«Вот, — думал, — опять из-за меня что-то такое нехорошее получается... Начальника «Зарницы» не пропустил...»

А вечером были построены отряды, и полковник, строго глядя на Цыренова, объявил ему благодарность «за совершенно правильные действия, которые продемонстрировал Баир Цыренов, находясь на посту».

История четвертая

ПОЧЕМУ ТАК БЫВАЕТ?

За кого беспокоились — тот не подкачал, а за кого не беспокоились — тот подкачал.

Перед стрелковыми соревнованиями все по очереди ложились на землю и показывали Саше Янданову, как надо целиться. Ведь мало того, что Саша носит очки, он еще и закрывает при стрельбе оба глаза.

И вот Саша на огневом рубеже.

Сначала посмотрел налево, потом посмотрел направо. И слева, и справа целятся. А некоторые слюнят палец, чтобы определить направление ветра.

«Надо стрелять, пока они не начали, — думает Саша. — Когда начнут, даже не хочешь — зажмуришься. . .»

И, не дожидаясь, пока начали, начал бабахать сам.

Но предварительно, как и велели, один глаз оставил незажмуренным. Отбабахал, поднялся и говорит:

— Ну все. Даже проверять не буду: уже заранее чувствую — откатились. Потому что, по-моему, один глаз дрогнул.

— Куда откатились? — спрашивает посредник.

— На предпоследнее место.

Но посредник между тем проверяет мишень и говорит:

— Сорок два из пятидесяти возможных. Поздравляю.

И вручает Янданову удостоверение «Отличный стрелок».

— Да что вы, — говорит Янданов, — я же случайно!

— Сегодня случайно — завтра не случайно, — говорит посредник.

И все начинают Янданова качать.

А за командира Перхорова никто не беспокоился. Разобрать и собрать автомат для этого Перхорова считанных секунд хватит. Но неожиданно Толя так разволновался, что одну деталь в автомате не туда засунул, и четыре посредника ее потом долго оттуда вынимали.

Почему так происходит?

История пятая ТРИ СЕСТРЫ

Если говорить честно, Сережа Румянцев считал себя невезучим человеком (будешь считать невезучим, если у тебя три младшие сестры).

И хотя приятель Гена Шувалов говорил, что у некоторых бывает сестер еще больше, у самого-то Шувалова младших сестер совсем не было.

Должен сказать, я понимаю их.

Стоило им не сделать уроки — сестры докладывали.

Стукнули друг друга или сестер стукнули — снова докладывали.

Вместо домашних работ отправились на рыбалку — сестры опять тут как тут. Поневоле взвоешь.

Однажды пошли приятели в лес (это незадолго до «Зарницы» было), а по дороге — в цепь разворачиваются, по-пластунски ползают, гранаты, то бишь камни, кидают — в общем, репетируют. И все хорошо у них получается, и настроение у них от этого стало бодрое. И на радостях Гена Шувалов вздумал залезть на кедр.

Залез-то не очень высоко, а падать оказалось довольно скверно.

В общем, два километра тащил Сережа Румянцев своего приятеля — где на себе, а где тот сам шел.

Домой не поведешь — там Генке сразу всплут. Привел к себе. Сестры, хоть и маленькие, оказали необходимую помощь: йодом все царапины смазали.

— Эх, вы, — говорят, — как же вы теперь воевать будете?

А Сережа шепчет:

— Вот увидишь, все равно родителям скажут. И нас тогда на «Зарницу» не пустят.

Но день прошел — сестры взрослым ничего не говорят. Даже больше того — помогают собираться: все глядят, в чемодан укладывают.

Генка говорит:

— Где же у тебя сестры плохие? . .

Сереежа говорит:

— Это они сейчас не такие плохие. . . В данном случае они просто хорошо себя повели. . .

— А в других случаях? — спрашивает Генка, и веснушки у него на лице от смеха просто начинают прыгать.

— Ну, если говорить честно, — отвечает Сереежа, — то в других случаях мы сами, наверно, были виноваты.

В общем, собрались приятели на «Зарницу», и сестры пришли их провожать.

— Ведите себя там как следует, — сказала Анна.

— И не ссорьтесь, — сказала Лида.

— И возвращайтесь с победой, — сказала Наташа.

А Сереежа с Генкой сказали:

— Ладно.

Впрочем, и сейчас Сереежа считает, что сестры у него все-таки немножко вредные. Но в мире с ними жить можно!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот и все о моих знакомых. Они не завоевали Главного приза (он достался юнармейцам из города Орла), но это была их первая «Зарница», и все у них еще впереди.

МОИ ДЕДУШКА

Мой дедушка теперь пенсионер,
А был когда-то красный офицер:
Еще мальчишкой в восемнадцатом году
Ушел он на гражданскую войну.
И Врангеля он бил и Колчака,
Сильна была у дедушки рука.
Мой дедушка фашистов гнал и бил,
Все потому, что Родину любил.
Недаром грудь у деда в орденах.
Он храбростью их заслужил в боях,
И я горжусь, что у меня и у страны
Есть дедушка, прошедший две войны.

Таня Едемская,
6-й класс, город Одесса

„МОРСКАЯ ГАЗЕТА“ В ПОХОДЕ

Ребята из Клуба юных моряков Комсомольска-на-Амуре прислали в редакцию «Вахтенный журнал шлюпочного перехода Комсомольск-на-Амуре — Николаевск-на-Амуре». Мы печатаем его с сокращениями.

ВАХТЕННЫЙ ЖУРНАЛ

11 июля 1972 года

Идем вниз по Амуру. Места красивые. Много дубняка, черемухи, липы и цветов — желтых и красных саранок. Два раза устраивали гонки на дистанцию десять кабельтовых. Выиграла шлюпка № 1 — один кг конфет...

Показалось село Шелехово, названное в честь Г. И. Шелехова, основателя Форта-Росс (близко от современного Сан-Франциско). Вскоре недалеко от громадных гор увидели строящиеся города Лунный и Ягодный на правом берегу, на самом высоком и красивом месте. Это новостройки с прекрасными дворцами и высотными зданиями — среди дремучей тайги...

Амур дальше очень стеснен горами и глубок. Жители нам сказали, что в шторм Черный мыс бывает страшен. У всех ребят было возбужденное состояние. Но Черный мыс мы миновали благополучно.

15 июля

Причалили в Циммермановке. Нас толпой провожали мальчишки, а мы шли строем в военно-морской форме. Циммермановка — старинное поселение. На берегу Амура стоит памятник погибшим партизанам.

16 июля

Возле Быстринска Амур очень широк. Сильные водовороты. Ветер вдруг задул очень крепко. Мы срубили мачты и пошли на веслах. Надели спасательные пояса. Перекат прошли благополучно. Увидели село Калиновку. Живет здесь народ ульчи. Встретили нас очень хорошо. Мы помылись в деревенской бане. Вечером в местном клубе поставили небольшой концерт для жителей. Потом нас угощали копченой рыбой.

17 июля

На ночлег остановились в зимовье охотников. Людей — никого. Оставленные продукты словно ждут путника. На нарах расстелены шкуры медведей. Мы ничего не тронули. Только переночевали.

18 июля

Курс на Мариинск. Решили идти новым руслом Амура. Путь длиннее, но не зайти в исторические места, где в 1853—1854 годах прошли русские исследователи Амура — Невельской и Бошняк, — непростительно... Штурман Саша Гусев был начеку: вместо Мариинска протоками можно выйти через Казинское озеро в Татарский пролив... В Мариинск пришли поздно, пройдя 77 километров.

19 июля

Пришли в село Булаву. Вернее, Булавы две. Старая и Новая. Старая Булава — это широко и беспорядочно разбросанные бревенчатые домики. В Новой — кипит работа, выстроены уже первые двухэтажные дома. Мы поставили палатки. Дождь забарабанил по темному брезенту. Лишь две палатки ярко светились: это Толя Сподобаев и Саша Чернышев выпускали очередную сатирическую газету «Нептун».

20 июля

Решили идти до 24.00, чтобы научиться определяться по створным знакам, узнать береговую обстановку и сигналы встречных судов ночью.

21 июля

Кругом дикая тайга. Видели, как медведица купала двух медвежат. Медвежата баловались. Близко мы не подошли, боялись. . . Медведи хорошо плавают, а у нас, кроме стартового пистолета и перочинных ножей, никакого оружия. Амур здесь — как море.

24 июля

Прошли порт Маго с десятками кораблей. Только сухогрузов насчитали четырнадцать. Каждый день штормит, волны достигают четырех метров. Вода через борт попадает в шлюпку. Приходится откачивать. Остановились у мыса Убиенный. Старожилы рассказали, что здесь когда-то скрывались бежавшие ссыльные. Чуть дальше мы обнаружили стоянку древних

людей — пещеры, наскальные рисунки. Травы здесь выше человеческого роста!

25 июля

Прибыли в город-порт Николаевск-на-Амуре. Нас встречали представители горкома комсомола. Устроили нас хорошо. Осматривали город. Николаевск основал капитан русского флота Невельской.

Вблизи города — остатки старинной крепости Чныррах, гарнизон которой восстал против царизма в 1906 году. В крепости мы провели «Зарницу». Команда второй шлюпки подошла раньше и закрепились на бастионах. А первая шлюпка пришла к крепости под парусами, и команда бросилась на штурм. . . К крепости вела винтообразная дорога, но разведка доложила, что на ней засада. Решили атаковать в лоб. Карабкались по скалам, обрывались, обдирались, но шли вперед. Высоту захватили, но потом еще долго выбивали противника из старых, пахнувших сыростью казематов. Потом долго отмывали грязь и залечивали «раны». . .

27 июля

Поход наш закончен. Мы прошли по Амуру 600 километров. Грузим шлюпки на самоходку и на ней завтра уйдем домой в Комсомольск. Много у нас осталось добрых воспоминаний: о первой палатке, о кострах, о ловле рыбы, штормах, песнях, рассказах. И о встречах с хорошими, интересными людьми. . .

УМИРАЕМ, НА ТРОЕ,
ОСТАЕМСЯ В СТРОЮ

ЗЕМЛЯНКА

Прошлым летом в походе мы пришли на поляну.
Все устали изрядно, трудный выдался путь.
Наш вожатый ушел за водой, по туману,
Крикнув мне: «Алексей, про костер не забудь!»
Он сказал и ушел, на ходу напевая.
А деревья, как в сказке, поднялись стройно ввысь,
Полыхал наш костер, словно брат, согревая,
С языками огня хворостинки сплелись.
Вдруг вожатый: «Ребята! Идите скорее!
Тут под елью — землянка, а дальше окоп.
Подойдите поближе. Вы видите, где я?

Станьте в круг. Не толпитесь. Осторожнее. Стоп!»
Позабыв про усталость, забыв все на свете,
Мы по сгнившим ступенькам внутрь землянки вошли.
Лес молчал, и замолкли притихшие дети.
Здесь, в забытой землянке, патрон мы нашли.
И пошел эстафетой проржавевший кусочек
По рукам нашим детским, обжигая сердца,
И лежал на ладони пожелтевший листочек,
Тот священный, посмертный автограф бойца.

Нам писали солдаты, молодые, безусые,
Те, что Русь родила в самом тихом краю.
Мы читали слова их, суровые, грустные:
«Умираем, нас трое, остаемся в строю».
Что с тобой, наше солнце? Ты чернее от дыма,
И не птица летит — «мессершмитт»-самолет,
И не пчелы, а пули проносятся мимо,
Не кузнечик стрекочет — строчит пулемет.
Мы ушли на рассвете. Мы не знаем их лица,
Мы не видели этот решительный бой.
Мы пришли на поляну — и было нас тридцать,
Мы ушли, унося их три сердца с собой.

Алеша Панов, Москва, 8-й класс

... В зале погас свет, и на экране появился партизанский обоз. Шла хроника военных лет.

Меж деревьев замелькали фашистские каски. Солдаты шли цепочкой по большаку. Пуля, срезавшая сосновую ветку, заставила их залечь.

Грохота боя не было слышно — хронику снимали без звукозаписи, но в том, что этот грохот был, сомневаться не приходилось: ППШ в руках партизан яростно тряслись.

Стрекотала киноустановка, в темноте зала парили два луча, временами вздрагивая и перекрещиваясь.

И тут — прямо из зрительного зала — раздался возглас:

— Да это же наш Плотников!

Это было так неожиданно: в зале сидели не какие-нибудь мальчишки, а взрослые люди. Многие с орденами и медалями или с орденскими планками. А некоторые даже с Золотой Звездой. Шел вечер встречи ленинградских партизан. На экране мелькали кадры, снятые в партизанских лесах. Плотников... Откуда я знал эту фамилию? Среди моих знакомых Плотни-

ДВЕ ГОРСТИ ЗЕМЛИ

ВИКТОР ТОГО

ковых как будто не имелось. Но память подсказывала именно это сочетание — партизан Плотников.

Вспомнил! Это имя называла Антонина Васильевна Марушкова, бывший парторг 4-й партизанской бригады. Той самой, в которой воевал Леня Голиков. Вспомнил даже ее слова: «Много было отважных ребят. Много настоящих героев. Только очень жаль, что наш Ванюшка Плотников остался героем безымянным...»

Ведь потом я не раз вспоминал о встрече с ней и даже написал парфинским пионерам, просил их разузнать все, что можно, о юном партизане Ване Плотникове. Просил разыскать людей, которые воевали рядом с ним тридцать с лишним лет тому назад.

Из Парфино быстро пришел ответ. Ребята писали:

«Получив ваше письмо, мы, следопыты 7-го «а» класса, изъявили желание включиться в операцию «Поиск», которую проводит журнал «Костер». Наш классный руководитель Любовь Ивановна Барина в курсе всех наших дел...»

Скоро мы вышлем вам несколько донесений...»

Потом от ребят долго ничего не было. Да и мне пришлось срочно уехать в командировку на Алтай. Встреча наша откладывалась... Но о Ване Плотникове я не забывал.

Запомните их имена: Ваня и Коля Плотниковы. Они отдали жизнь за Родину.

И вот после кинофильма, в разговоре с ветеранами партизанского движения я снова услышал знакомую фамилию: Плотников.

Какой Плотников? Не из Парфино ли?

— Оттуда, — сказали мне, — Коля Плотников — парфинский парек. Лет пятнадцати. Тихий, скромный. . .

— Почему Коля? Ваня!

— Да нет, вы что-то путаете. . . Вместе с ним я воевал в одном отряде. . . Коля! Мы, бывало, смеялись над ним, кто кого носит. Коля — автомат «ППШ» или «ППШ» — Колю: росточка-то он был небольшого. Любили его в отряде. Настоящий герой был!

«Странно, — подумал я, — может быть, слушая рассказ Антонины Васильевны Марушковой, я перепутал имя?»

И вот снова письмо из Парфино. В письме запись рассказа Тамары Ивановны Пономаревой, которая хорошо знала Плотникова до 1941 года:

«С Колей Плотниковым я училась с первого класса. Не скажу, чтобы он рвался в отличники, но фантазер был первостепенный. Бывало, никто не знал покоя от его «изобретений». . . То он бомбу сделает: бутылка с известью да вода, а шуму — на всю деревню. . . Или пулемет какой. . . А еще он любил Чапаевым представляться. . . А то, помню, как он Ваньку Тузанова спас. Купались мы в Ловати. День жаркий, в июне или июле дело было. Вот Тузан и давай дурачиться: тону, дескать. . . Никто конечно на него внимания не обращает, а он вдруг и взаправду стал тонуть. . . Волна накатила, стал Ванька пузыри пускать. Кинулся Коля в воду, в одежде прямо, вытащил Тузанка. . .»

Опять — Коля! И пишет о нем человек, который учился в одном классе с ним, может, за одной партией сидел... Странная путаница...

И вот я в редакции «Костра». Подробно рассказал обо всем.

В тот же вечер с командировочным предписанием журнала я уже был в дороге.

РОДИНА ЧЕТВЕРТОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ

Село Парфино лежит в междуречье Ловати и Полы на Новгородчине. До войны здесь был поселок фанерного комбината, а с недавнего времени это — районный центр. Вьется узкая змейка грунтовой дороги. Лес да болота. Устанет петлять дорога — выбежит к Ловати, оборвется... Остановка. Жди, пока с той стороны приползет паром.

В жаркие дни сорок первого года иссохла Ловать и обмелела Пола. Огненное дыхание войны опалило здешние места. Из рук в руки переходили Старая Русса и Парфино. Здесь, когда попала в окружение 16-я армия фон Буша, в мартовские дни сорок второго года и была сформирована 4-я Ленинградская партизанская бригада.

... Я разыскал классного руководителя седьмого «а», Любовь Ивановну Баринову. Прежде всего спросил о путанице с именами — Ваня Плотников или Коля?

Любовь Ивановна улыбнулась, молча раскрыла ящик стола, достала папку и, порывшись в ней, протянула две фотографии.

— Вот, — сказала она. — Это Ваня, а это — Коля. Два брата Плотниковы. Коля — помладше, Ваня — постарше. Тут никакой путаницы нет... Сейчас уроки окончатся, мы с вами пройдем в класс, там у ребят картотека есть с адресами партизан, всех, кто знал Ваню и Колю.

Вот и седьмой «а»... Олег Андреев — командир группы «Поиск», Боря Петров, Вова Тимофеев, Наташа Сергеева, Аня Федорова. Дали мне в провозатые Таню Осипову, и пошли мы с ней в дом к Ивану Дмитриевичу Удадьцову, бывшему политруку партизанской роты.

БОИ ПОД ОКЛЮЖЬЕМ

Рассказывает И. Д. Удадьцов

— Он, Коля Плотников, считайте, мне вместо сына был. Не один раз мы с ним на дело ходили. И погиб он на моих глазах... Как сейчас помню тот бой под Оклюжьем... Бригадная разведка шла с задания. По пути ей обоз немецкий встретился. Здоровые такие битюги, не то бельгийские, не то испанские — «барбансонами» их называли. Если человек твоего роста встанет и вытянет руку, до холки не достанет. На таких конях пахать — трактора не надо. Вот и глядят наши разведчики: охрана так себе — несколько человек. Дали по ним из автоматов очередь. Отбили коней. И нет, чтобы кружным путем — через секреты, а напрямик, через болото, в наш партизанский лагерь. Привели «барбансонов» в лагерь, а фашист по их следам...

Сидим мы — к вечеру дело клонит, — беседу ведем, вижу я: мужики идут. Я сперва их за своих принял. А «свои» автоматы с плеча — да по нам... Новиков аккуратно заместо комбрига был. Он и кричит: «В ружье!»

Отбили фрица. Но наших троих они положили. Захарова, Антонова да Колю Плотникова... Там под Оклюжьем их и похоронили.

— А Ваня?

— Вани тогда уже не было. Ваня погиб, когда мы еще в четвертой бригаде были.

Так услышал я о жизни и гибели младшего брата — Коли Плотникова.

А Ваня? При каких обстоятельствах погиб он? Где?..

На следующий день пошли мы с ребятами к Алексею Александровичу Михайлову, бывшему командиру группы, в которую незадолго до гибели был включен Ваня Плотников.

«ПЕРЕДАЙТЕ КОМАНДИРУ!..»

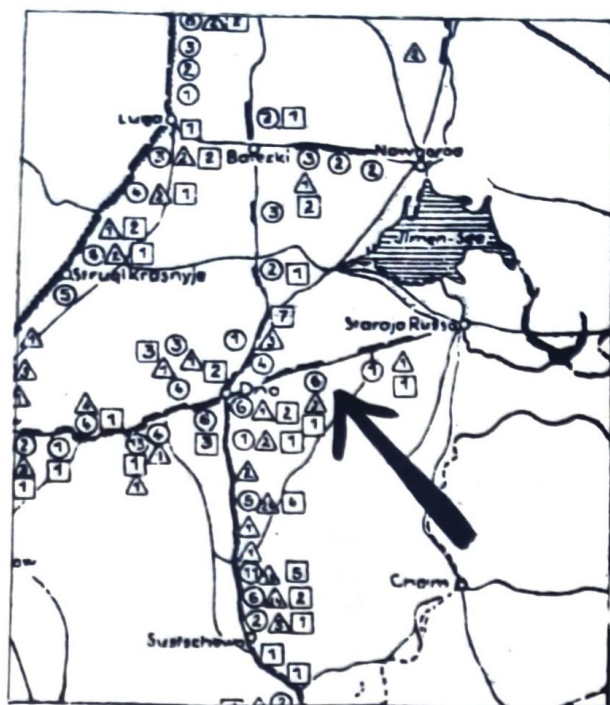
Рассказывает А. А. Михайлов

— Как это было? Вызывает меня командир нашего отряда, дает задание: так, мол, и так, Михайлов, надо выйти на железную дорогу Дно — Старая Русса — вот сюда, — показывает по карте, — восточнее станции Морино. Ожидается эшелон с боевой техникой и живой силой. Его надо уничтожить. Задача: загодя группой в шесть—семь человек выйдешь к указанному месту. Передвигаться только ночью. Населенные пункты обходите. Людей подберешь по своему усмотрению.

Собрал я группу: двое братьев Петраковых, Гладков, Ванюшка Плотников и, кажется, Митька Соколов. Стояли мы тогда в деревне Большой Крутец. Это километрах в семидесяти от намеченного места. Как стемнело, вышли из лагеря. Идти далеко, не жарко — ночь. Я иду впереди. За мной цепочкой идет группа. Один несет тол, другой — парашютные стропы. Зачем стропы? Расскажу... В первые дни, когда мы начинали свои партизанские действия, мы ставили под рельсы мины нажимного действия. Но немцы нас перехитрили. Стали пускать перед поездом платформу с камнем. Платформа подорвется, а поезд цел. Вот тогда и пошли в дело парашютные стропы. Поставишь мину, к чеке — стропу. Когда паровоз взойдет на то место, где мина, тяни стропу. Ладно... Вышли к реке. Я по карте сверяюсь. Приток Шелони. Идти осталось немного — километров двенадцать. Ближе к рассвету пришли на поляну. Слева — одинокий дом, справа — полоска леса, метров пять—шесть шириной, до самой линии тянется. Мы к этому леску. Он и привел нас к железной дороге.

Скинули рюкзаки. Присели. До линии — метров тридцать. По обе стороны от нее лес повален. Враг — он ведь хитрый. И насыпь как на ладони, и к линии бесшумно никто не подойдет. На насыпи — «стукальщики», путевые рабочие, путь проверяют. Но еще время терпит. Впереди почти двое суток. Митька Соколов — пулеметчик наш — гнездо пулеметное стал оборудовать. Установил пулемет Дегтярева. Я осмотрел взрывчатку. Ванюшка стропы разматывает. У каждого свое дело. Глядим: немцы идут. Патруль. Двое, автоматы за плечами. Хорошо — без собаки. Лежим. Наблюдаем. Под вечер еще два раза патруль прошел.

Ждем ночи. Инструктирую своих: кто что делать должен. Братья Петраковы выйдут на полотно, осмотрятся. Если все ладно, тихонечко подсвистнут. Потом выскочим мы: Гладков, Плотников Ванюшка да я. А Митька Соколов должен лежать с пулеметом, прикрывать, если что. Двое с лопатами. Им копать. Быстро-быстро под рельсом между шпал Гладков опустит тол. Я привяжу стропу, которую Ванюшка разматывает. Вставляю взрыватель.

На этой карте, захваченной у фашистов, указаны места военных действий партизанских соединений Новгородской области.

Стрелкой отмечено место крушения эшелона с танками, пущенного под откос Ваней Плотниковым.

Здесь совершил свой героический подвиг Ваня Плотников. . . Отсюда возьмут первую горсть земли парфинские пионеры.

Потом осторожно все засыпаем песочком. Заметем следы веткой. А дальше отойдем и будем караулить поезд. . .

Лежим. Снова прошли патрули. А «стукальщики» и не думают уходить. Прошла дрезина с пулеметом на платформе. Потом — поезд. Но не наш. Поели мы. Пить захотелось, а воды нет. Ночь прокоротали. День наступил. Пошел дождь. Промокли насквозь. Я уже нервничать стал. Ждать надоело. К вечеру дождь стих.

Опять ночь наступила. Наша ночь. Опять дождь начался. Новые «стукальщики» пришли. Что делать? Поезд пойдет сегодня. Он должен быть взорван. Но как? Разогнать «стукальщиков»? Себя выдашь. . . Ребята смотрят на меня. Ясно: операция срывается.

Говорю Петракову:

— Знаешь, Коль, не взорвать.

А Ванюшка Плотников:

— Я взорву. . .

Я даже рассердился на него — чего болтать! А время идет. Ночь на исходе. Светать стало. Часов так в пять слышим: идет поезд. Встали мы. Глядим — и «стукальщики» встали. Вот он, поезд наш. Шестнадцать вагонов с живой силой и танками. И тут Ванюшка Плотников оттолкнул Гладкова, схватил мешок со взрывчаткой. Я к нему: «Что ты затеял?!» А он — шаг в сторону. «Передайте, — говорит, — командиру: задание будет выполнено!» — и бегом к насыпи.

«Стукальщики» стояли к нему спиной, а те, что заметили, ничего уже поделать не могли. Поезд со Старой Руссы летел на всех парах. Когда Ванюшка выскочил на насыпь, паровоз выкинул струю пара. Так и влетел он туда — под черный паровоз и под белую струю... Взрыв! Нас бросило на землю... А под откос — танки, вагоны с фашистскими солдатами...

Мы молчали, потрясенные рассказом Алексея Александровича. Взглянул я на затихших парфинских ребят. Хоть они и прежде уже слышали от Алексея Александровича этот рассказ, а сидели не шелохнувшись.

А потом уже, когда мы снова были в тихой после уроков школе, в седьмом «а», кто-то из ребят предложил:

— Надо, чтобы в Парфино была улица Вани Плотникова!

— И Коли Плотникова тоже!

— Пусть будет площадь Братьев Плотниковых!

Тогда-то и решили, что в Парфино надо силами пионеров построитьobelisk, сделать на нем надпись, а в основание положить две горсти земли: с места гибели Вани и с могилы Коли Плотникова. Но для этого надо было найти эти места.

И мы решили искать...

ВЗРЫВ

Я вернулся в Ленинград. Написал письма в Ленинградский партийный архив, где хранятся все партизанские документы, просил сообщить подробности о гибели Коли и Вани Плотниковых...

Пришли ответы:

«По документам Ленинградского штаба партизанского движения значатся:

1. ПЛОТНИКОВ Иван Иванович, рождения 1924 года, место рождения Старорусский район. Вступил в партизаны 11.III.42. и проходил службу в 67-м партизанском отряде 4-й Партизанской бригады в должности бойца.

28. VI. 42 г. Плотников погиб в бою с немецко-фашистскими захватчиками у деревни КОТОВО Славковского района Ленинградской области (ныне Псковская область). Похоронен в лесу деревни Котово. Приказом № 0904 войскам Северо-Западного фронта от 30 июля 1942 года ПЛОТНИКОВ И. И. награжден медалью «ЗА ОТВАГУ».

2. ПЛОТНИКОВ Николай Иванович, рождения 1926 года, вступил в партизаны 11.III. 42. и проходил службу в 67-м и 68-м партизанских отрядах 4-й Партизанской бригады и 99-м партизанском отряде 5-й Партизанской бригады в должности бойца.

14 августа 1943 года погиб в бою с немецко-фашистскими захватчиками, похоронен в лесу южнее 4 км деревни Большие Ляды. Приказом № 0719 войскам Северо-Западного фронта от 2 августа 1943 года награжден медалью «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ».

— — —
Это был по-военному ясный и четкий документ. Но он... начисто отвергал то, что рассказали Удальцов и Михайлов. И могила Коли находится не там, и Ваня погиб совсем в другом месте.

Но если документы верные, то Михайлов с Удальцовым ошибаются? Тут что-то не так.

Мать погибших партизан
Е. П. Плотникова.

Сергей Александрович Акимов —
командир группы бригадной разведки.

Полетело в Парфино мое письмо с копиями архивных справок. Следопыты ответили через несколько дней: «В Новгороде живет бывший комбриг 4-й Партизанской бригады Алексей Петрович Лучин. Мы ему сразу написали, и вот его ответ: «Как сделана запись в архиве, что Плотников И. И. погиб в деревне Котово Славковского района? Это неверно. Плотников погиб на диверсии, когда группа посылалась на железную дорогу Псков — Старая Русса. Рассказ Михайлова Алексея я подтверждаю».

И вот я снова в Парфино, и мы с ребятами снова идем к Михайлову. Алексей Александрович даже обиделся:

— Зачем мне какие-то справки, если я очевидец его подвига и гибели.

— А не могли бы вы поехать с нами и найти то место?

— Можно и поехать.

И вот мы в поезде.

Быстро летело время за разговорами.

Алексей Александрович рассказывал:

— Там недалеко, километрах в четырех—пяти, была деревенька. Названия сейчас не помню. На обратном пути мы наведались в нее. Листовки партизанские распространяли. Поговорили кое с кем из местных жителей. А когда уходили, не то староста, не то полицейский выстрелил нам вслед и одного из наших ранил в руку.

Подъехали к станции Морино.

И тут Алексей Александрович приумолк.

— Вроде бы здесь!

Поезд подошел к станции. Я украдкой наблюдал за Михайловым. Он был похож на человека, идущего сдавать трудный экзамен...

Но шагал Алексей Александрович быстро. Мы едва за ним поспевали. Прошли километра два.

— Тут была будка... — неуверенно сказал Михайлов.

Но никакой будки не видно.

— Ага, нет... вот! — Алексей Александрович стоял на возвышении, некогда бывшем фундаментом. — Точно: здесь была будка. Переезд был...

Прошли еще с полкилометра и вышли к поляне. Алексей Александрович свернул с насыпи. Быстро-быстро пошел вперед. Поляна эта не плоская, скорее пологий холм, к вершине которого он стремился. Вот и вершина. Михайлов остановился. Вытянул руку.

— Видишь дом? Это тот самый, что я рассказывал, слева... Здесь мы вышли из большого леса.

Михайлов пошел дальше, на линию.

— Вот сейчас. Вот здесь, — повторял он, а сам все шел вперед. Шаг, еще шаг...

Наконец остановились у дорожного столбика с цифрой «7». Чуть поодаль — одинокая березка. Ничем не примечательный пейзаж. Тишина. Смотрим по сторонам. Деревья. Немые свидетели былого... И вот мы увидели незажившую рану на теле земли — глубокую воронку — место взрыва сошедшего с рельсов фашистского вагона с боеприпасами. Здесь совершил свой героический подвиг Ваня Плотников... Алексей Александрович стоял и плакал...

Отсюда возьмут первую горсть земли парфинские пионеры.

ПО СЛЕДАМ КОЛИ ПЛОТНИКОВА

Оставалось найти могилу Коли Плотникова. По воспоминаниям партизан, она была «... в трех километрах от станции Уторгош — в Оклюжье. На окраине села. Под высокой елкой».

Но в справке, выданной архивом, значилось: «в лесу южнее 4 км деревни Большие Ляды»!

Наученные опытом, мы решили проверить обе версии. И вот семеро парфинских следопытов, секретарь райкома комсомола Татьяна Федоровна Яковлева и я поехали в Уторгош. В Уторгош приехали к полудню. Зашли в сельсовет, чтобы справиться, как проехать до Оклюжья. Встретила нас секретарь сельсовета Валентина Георгиевна Корева, тоже бывшая партизанка.

Оклюжье?.. В трех километрах от Уторгоша?.. Плотников... Что-то знакомое... Определенно, она слышала такую фамилию. Позвонила нескольким людям.

— Плотников?.. Нет, могилы такого партизана никто не знает.

— Сколько, вы говорите, километров до Оклюжья?

— Нам сказали — три.

— Семнадцать до Людятино. Да там еще столько же. Не три, а все тридцать три! Но если до Людятино можно добраться на машине, то дальше — только на вертолете... Болота там... Топи. Да и не найти там ничего. Лесом заросло. Все холмики и ямки сровнялись...

— Нам сказали, что у вас в Уторгоше председателем райисполкома был Тараканов, бывший командир отряда, где был Коля Плотников, и что Тараканов точно знает, где похоронен Коля.

— Когда это было? Тараканов уехал отсюда в сорок седьмом году, и лет десять его уже нет в живых...

Так безрезультатно закончилась моя поездка.

Я вернулся в Ленинград и стал снова искать свидетелей последних часов Коли Плотникова.

Пришла еще одна обескураживающая весть. В своем письме парфинские ребята писали, что в районе боев партизанской бригады деревни Оклюжье нет...

МАРЕСЬЕВ ИЗ ПЯТОЙ БРИГАДЫ

Однажды мне сказали:

— Знаете, кто мог бы вам помочь? Здесь, в Ленинграде, живет командир группы из нашей бригадной разведки Сергей Александрович Акимов. Он мог быть очевидцем того случая, о котором рассказывал Удальцов.

Встретиться с Сергеем Александровичем я не мог очень долго. То он в отъезде. То в командировке. Наконец как-то поздно вечером, уже где-то около одиннадцати, в трубке послышался мужской голос. Я представился. Объяснил, почему звоню.

— Ясно, — сказал Сергей Александрович. — Приезжайте, и немедленно, а то завтра утром я уезжаю в командировку в Тихвин.

Каково же было мое удивление, когда мне открыл двери человек... без обеих ног.

Он действительно был очевидцем гибели Коли Плотникова. Его рассказ в общих чертах повторял сказанное Удальцовым.

— ... Погиб Коля на «Острове тихой жизни». Близ Оклюжья. Была такая деревня. Сожгли ее. — (Вот в чем дело! Вот почему не смогли ее найти парфинские пионеры...) — Наша бригада была окружена, и мы отсиживались на маленьком островке, затеряншемся среди болот. Мы в шутку называли его «Островом тихой жизни». Туда как раз и привели лошадей. А за ними — фашисты...

— А похоронен он где?

— Я думаю, там и похоронен. Помнится, даже разговор был такой. Завернули в парашют и похоронили под высокой елью.

Проговорили мы допоздна. Я все не решался спросить его про ноги. А из рассказа понимал: партизанил Сергей Александрович до последнего. Наконец, когда уже прощались, он, вероятно, сам почувствовал, что за вопрос меня мучит.

— А это... — сказал он тихо, — через несколько дней после гибели Коли. На mine. Двадцатого августа тысяча девятьсот сорок третьего...

Теперь я знал, где искать. Но прежде чем вести на болото ребят, я должен был съездить туда сам. Я выезжал несколько раз в эти места, разбив на карте непролазные топи на квадратики. Медленно «прочесывал» эти квадратики, искал «Остров тихой жизни». Это была задача со многими неизвестными. Где-то в районе несуществующей деревни Оклюжье среди болот есть островок. Он может оказаться «Островом тихой жизни». На этом острове должна быть высокая ель. Под елью — холмик... Где искать несуществующую деревню? В какую сторону от нее идти? Сколько высоких елей на этом самом острове? Однажды, оступившись, я едва не потонул в гнилой трясине... И все-таки кое в чем мне повезло. По грудь в воде я перешел на остров. Это мог быть только он — «Остров тихой жизни», потому что здесь я нашел остатки партизанских землянок и кострища... Здесь скрывались тридцать лет назад партизаны... Быть может, здесь и

была могила Коли Плотникова. Но если это и так, то отыскать ее не сможет уже никто. . .

Обо всем этом я рассказал парфинским следопытам. . . Оставалось проверить вторую версию. Но по тем координатам, что были указаны в справке, присланной архивом: «похоронен в лесу южнее 4 км деревни Большие Ляды. . .» — крошечный могильный холмик разыскать через тридцать лет — поди попробуй. . . Мы снова стали искать очевидцев гибели Коли, которые бы могли указать точное место. . .

Время летело быстро. Однажды по просьбе парфинских ребят заехал я в Крестецкий район в поисках человека, который хотя и не мог встречаться с Колей Плотниковым, но что-нибудь мог сообщить, потому что был командиром одного из партизанских отрядов. . .

В партизанской бригаде было четыре отряда: отряд Егорова, отряд Тараканова (где воевал Коля Плотников), отряды Чебыкина и Скородумова.

Только случайно мог знать рядового бойца командир другого отряда. Но в Крестецкий район я поехал и в поселке Новое Рахино нашел Сергея Никитича Чебыкина. Я рассказал ему о нашем поиске и попросил помочь. Он был немногословен. О себе рассказывал и вовсе скупно:

— До февраля сорок второго служил в штабе фронта. Потом — партизанский отряд Ивана Ивановича Грозного. После боя под Апросово в апреле того же года стал командиром шестьдесят восьмого партизанского отряда четвертой партизанской бригады. Потом командовал девяносто девятым отрядом в пятой бригаде. . .

Парфинские пионеры в поисках партизанского лагеря.

И тут я невольно воскликнул:

— Девяносто девятый отряд? Но в этом отряде и был Коля Плотников! Вы не путаете?

— Да нет же. . . И Колю я помню. . . И как погиб — помню, и где похоронен — знаю. Километрах в двенадцати от Уторгоша по Псковскому шоссе есть деревушка Малые Березицы. От нее пять километров по лесной дороге — придете в Ляды. Там, под толстой липой, рядом с четырьмя лиственницами — могила Коли Плотникова. Найти трудно, но можно.

КОНЕЦ ПОИСКА

Невозможно описать эту дорогу. Болота. . . болота. . . Лес — и снова болота. Семь километров — и все по пояс в воде. А каково было партизанам? С оружием. Испытывая постоянную угрозу опасности. Всегда готовые вступить в бой.

Волновала мысль: сейчас будем у цели. . .

И вот лес расступился. Огромное поле. Ветер гулял в травах, зеленые волны шли к горизонту. И тут мы увидели эту группу деревьев. Высокая ветвистая липа и четыре лиственницы. Вот они!

Ни ограды. Ни колышка с дощечкой. Ни сколько-нибудь заметного холмика. Впрочем, сетовать не на что. Исчезли с лица земли целые селения. Как же сохранить маленькому земляному холмику! Две вросшие в землю жерди да куст шиповника — все, что осталось со времен войны. . .

Но это она — могила партизана. Отсюда будет взята вторая горсть земли.

Так завершилась эта история. Теперь мы знали все подробности жизни и ранней смерти двух парфинских мальчишек. В 41-м они были еще школьниками. В 42-м — партизанами.

Запомни их имена: Ваня и Коля Плотниковы. Они отдали жизнь за Родину.

— — —

Когда эти страницы были уже набраны, в редакцию журнала пришло письмо из Новгородского областного Совета депутатов трудящихся:

«Облисполком сообщает, что в целях увековечения памяти о юных героях-партизанах братьях Плотниковых одна из улиц поселка Парфино, в котором родились юные герои, будет носить их имя, а также предусматривается установить мемориальную доску на школе № 1, где учились Иван и Николай Плотниковы.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ИСПОЛКОМА
М. С. ЩЕРБАКОВ».

БАБУШКА-ПАРТИЗАНКА

Вот так новость:

бабушка сказала,

Что она

сражалась в партизанах!

— Кто же взял тебя

в отряд, под пули?

Ты ж трусиха, милая бабуля...

У меня пустячная простуда —

У тебя сейчас же

с сердцем худо.

Если оцарапаюсь до крови,

Ты теряешь все свое здоровье.

А когда в кино

палят из пушек,

Ты же сразу затыкаешь уши! —

Бабушка в ответ сказала тихо:

— Верно...

и тогда была трусиха...

И тогда мне было с сердцем худо,

Ежели кого трясла простуда,

И тогда

при виде чьей-то крови

Начисто теряла я здоровье.

А когда с пригорка пушка била,

Мне за всю деревню страшно было!

Только за себя

я не боялась.

Так вот и в отряде оказалась...

БИОЛОГИИ В ЛЕСУ

УРОК *

ЧТО ТАКОЕ ЗАПОВЕДНИК?

В 1921 году был принят государственный декрет «Об охране памятников природы, садов и парков». Подписал декрет Владимир Ильич Ленин...

Окский заповедник основан в 1935 году для сохранения и восстановления природного комплекса Мещеры. Заповедник, куда мы едем, расположен в Спасском районе Рязанской области, в юго-восточной части Мещерской низменности. Мещера — низменная, заболоченная лесистая территория. Общая площадь заповедника — 54 000 гектаров.

Заповедник — очень давнее и точное понятие, обозначающее длительный, извечный запрет на хозяйственное пользование угодьями, то есть ЗАПОВЕДЬ...

(Из отчета отряда)

А ехали мы поездом до Рязани, от Рязани на аэродром — автобусом, потом летели на самолете, а уж совсем потом пробивались по девственному лесу кабаньими тропами...

Так мы добрались до кордона Липовая Гора.

(Из дневника)

ЖИЗНЬ В ЗАПОВЕДНИКЕ

Один день с утра до вечера

Постепенно мы вживаемся в экспедиционную жизнь. Все идет хорошо. Правда, в палатку к мальчикам ломился бык, но он был прогнан и отступил, храня коварные замыслы.

После завтрака приехал на мотоцикле сотрудник заповедника и стал звать на сенокос. День был солнечный. Отправились

«Лесные люди» — так называли свой экспедиционный отряд ребята из клуба биологов имени В. В. Бианки ленинградского Дворца пионеров имени Жданова.

О жизни в лесу, о своей работе в Окском государственном заповеднике на «Зеленых страницах» ребята рассказывают сами.

на сенокос — косить траву для зубров заповедника. Надо было переправиться через Пру, а лодка была у другого берега. Тогда Миша Борщевский переплыл реку, пригнал лодку и стал перевозить нас всех. На сенокос успели вовремя: как раз подошла машина с косцами — жителями Брыкиного Бора. Мы взяли грабли, и работа началась.

Работали мы хорошо, а еще говорят, что городские жители оторвались от земли. Мы собирали сено в копны, а потом местные мальчишки на лошадях буксировали копны к стогам.

...Потом мы отправились в поход-прогулку на Оку. Наталья Владимировна, руководитель экспедиции, по пути показала нам заросли чилима, к которым, к сожалению, подобраться было невозможно.

По сравнению с мелкой Прой Ока оказалась нам величественной. Синее-синее небо с белесыми облаками, песок, который не зря кто-то сравнил с черноморским, баржи, «ракеты», глissеры, изредка нарушавшие покой реки, обрыв противоположного берега с несколькими стогами сена — все это было «необыкновенно красиво».

«ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ» «ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ»

После вечернего чая все собрались вокруг костра, и как-то сам по себе возник разговор о романтике и экзотике, о жизни и борьбе, об отличии материальных ценностей от духовных. Распаляясь, спорящие нередко повышали голоса и переходили на крик. Им было проведено внушение, и они признали себя неправыми.

(Из дневника)

НАША РАБОТА

Порядок заполнения экспедиционного журнала:

1. Записывать события ежедневно.
2. Писать правдиво и ничего не выдумывать.
3. Запрещено употребление глупых словечек, неостроумных изречений.
4. Стиль записей — легкочитаемый, веселый.

Делали мы вот что:

1. Описали пробные площади.
2. Закладывали гербарий.
3. Делали пробные укусы с 1 кв. м.
4. Делали анализ трав по весу.
5. Сравнивали результаты опытов 1975 года с результатами 1972 и 1973-го.

Наша работа в заповеднике — это изучение видового состава растений пойменных лугов, учет численности грызунов и отлов и кольцевание ужей. На основании собранных нами данных сотрудники заповедника сделают выводы об изменении видового состава и жизни растений на заповедных лугах.

Так что по результатам наших работ ученые смогут сделать выводы об изменении растительности лугов.

(Из отчетной работы Ирины Беляковой)

Наша основная тема, которую мы из года в год выполняем по заданию заповедника, — изучение продуктивности клубники. Мы наблюдаем и составляем прогнозы ее урожайности, что имеет важное хозяйственное значение.

Все наши выводы вписывают в летопись природы заповедника.

(Из отчета отряда)

Недалеко от управления заповедника нам показали место, где жили ужи. Ребята начали раскапывать кучу соломы и... огромное количество ужей стало расползаться от нас во все стороны. Но ловкие руки ребят настигали их. Многие вошли в азарт и ловили в руку по три—четыре

«ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ» «ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ»

ужа. Киноаппарат трещал вовсю (Наталья Владимировна старалась, чтобы наши мамы увидели, какие храбрецы их дети). Затем мы начали кольцевать ужей, подробно описывая их, замеряя их вес, длину. Мы нашли много кладок яиц в той же соломе.

(Из дневника Миши Борщевского)

Лена, Миша и Наталья Владимировна благополучно добрались до Пры, где встретили дежурных по кухне, уныло оттирающих ведра. В лодку мы погрузились без приключений. С окоченевшими от холода руками, скрюченными пальцами мы вылавливали из воды растения, поглядывая на надвигающиеся тучи. Наши опасения подтвердились: пошел дождь. Телом закрывая дорожку для нас пресс с загербаризированными растениями, мы дошли до палатки и облегченно вздохнули.

(Из дневника)

Однажды потерялся Федя. Его тема — змеи. Он ищет их по заданию Зоологическо-

го института Академии наук СССР. Лесник назвал квадрат, где он встречал змей. Федя отправился на поиски. Но пусть он сам расскажет...

— В семь ноль-ноль я направился через квадраты сто семьдесят девять и сто восемьдесят. А дальше пошел не по той дороге. Увидел лосиную тропу, пошел по ней. Впереди было болото. Я попал в какую-то яму, замаскированную гнилыми деревьями. Стал выбирать. Увидел двух кабанов, они перебраться ко мне не могли, хотя были довольно близко. Дальше я услышал топот, как будто кто-то скакал галопом на коне. Это оказался лось. Потом я наткнулся на телеграфную линию и вышел (к вечеру) к Брыкиному Бору...

(Из экспедиционного журнала)

Местные жители, подстрекаемые дедом, который зовет нас «ботаничками», уверяли Катю и Нину, что ботаника — детские игрушки и что «жизнь-то проходит молодая...»

(Из дневника)

«ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ» «ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ»

Девяносто восемь процентов ребят, занимающихся в клубе биологов, делают биологию своей специальностью, остальные сохраняют привязанность к ней на всю жизнь.

(Из беседы с Натальей Владимировной Добрецовою, руководителем отряда)

6. Лучшая работница сенокоса — Валя.

7. Лучший «подгоратель каши» — Леша.

А чтобы не было обидно, фамилии мы называть не стали.

(Из экспедиционного журнала)

ДОМОЙ

Перед отъездом домой решили мы провести анкету. И что же выяснилось?

1. Лучший дровосек — Саша.
2. Лучший водонос — Вася.
3. Первый с ложкой — Леша.
4. Самые вкусные обеды — у Лены.
5. Лучший работник сенокоса — Юра.

В Ленинграде нас встречали родители, почти не изменившиеся со дня нашего отъезда. Мы сказали друг другу «до свиданья» и теперь идем по домам. Третья Окская экспедиция закончена. Она была такой короткой и так много всем нам дала!

(Последняя запись в дневнике экспедиции)

Ответ на домашние задания IV четверти:

«Придорожный камень» — Кто не потрудится в пути, тому до цели не дойти.

«У кого в руках резинка!» — Мальчики стоят в таком порядке: Саша, Толя, Витя, Дима. Резинка у Толи.

«ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ» «ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ»

ЧЕРТАКОВ

Чертаков — это мой двоюродный брат. Младший. Нынешним летом я жил с ним вместе у бабушки, в селе Поддубки, и о том, какого труда мне стоило перенести его общество, судите сами.

Сразу, как только мы встретились, я сказал себе: «Парень! Держись подальше от этого типа». И пошел от него прочь. Он поплелся следом. Я пришел к выводу, что у него совсем нет гордости, зато нахальства — хоть отбавляй.

На другое утро я был разбужен громовым голосом: «На зарядку становись!» Я сунул голову под подушку. Но какой может быть сон, когда над ухом во всю мощь гремит радио. Я открыл глаза и увидел Чертакова: он посреди комнаты делал какие-то упражнения. «Сбавь звук!» — завопил я. Добившись своего, я укрылся с головой и снова стал засыпать. Но тут раздался грохот под окном. Я подскочил, высунулся из окна и увидел Чертакова. Стуча молотком, он старался придать бабушкиному оцинкованному корыту вид лодки.

— Кто тебе позволил взять корыто?! — заорал я.

— Бабушка ушла в магазин и сказала: «Делай что хочешь».

Чтобы не слышать стука и грохота, я ушел на задворки, к реке.

Вскоре туда же приволокся и он со своим корытом. Довольно-таки храбро он полез в воду, взгромоздился на корыто и, барахтая в воде руками, поплыл к другому берегу. Сначала его корабль держался на воде неплохо, но вскоре центр тяжести переместился, и корыто, блеснув оцинкованным дном, пошло ко дну. Я полез в воду спасать своего двоюродного брата.

Корыто я нашел сразу, Чертакова нигде не было. Вынырнув в очередной раз, я вдруг увидел: Чертаков сидит на берегу, и у ног его — совсем как в сказке — разбитое корыто.

Я вылез на берег, взял Чертакова за ворот, он подцепил свое корыто, и так, грохоча корытом и поднимая пыль, мы двинулись к дому.

Бабушка, увидев, что стало с корытом, ахнула и сразу же накинулась на меня. Я предвидел такой финал и не удивился.

После обеда Чертаков сказал мне ангельским голосом:

— Бабушке уже полегчало. Пойдем ловить рыбу.

... Пока мы ловили рыбу, у моего братца созрел новый план. Он подошел к камню, лежащему на берегу, и попытался поднять его. Но — мало каши ел! — камень оставался на месте. Тогда я, как старший брат, подошел, пнул камень ногой и понес туда, куда меня подзывал Чертаков. «Зачем ему понадобился этот камень?» — размышлял я, подходя к краю небольшого обрывчика. Я поднял камень одной рукой повыше, дабы мой братец воочию убедился, что сил у меня достаточно и при случае могу продемонстрировать...

Мой вой испугал, наверно, не только Чертакова, но и лягушек, которые попрыгали в воду. Камень с моей руки сорвался и ударил по ноге.

Чертаков с сожалением посмотрел на мою ногу, принес какую-то доску и еще один камень, поменьше, и устроил трамплин для прыжков в воду. А я сидел на берегу, смотрел, что он делает, и думал: долго мне еще страдать по его милости?

А ведь всего-то ему девять лет. Что же будет дальше?

Володя Палагутин, 8-й класс,
поселок Джалтыр Целиноградской области.

Майя Борисова

СОСКУЧИЛСЯ ПО ШКОЛЕ

Перегрелся на солнце я, что ли?
Заскучал вдруг

по собственной школе...

Чудеса!

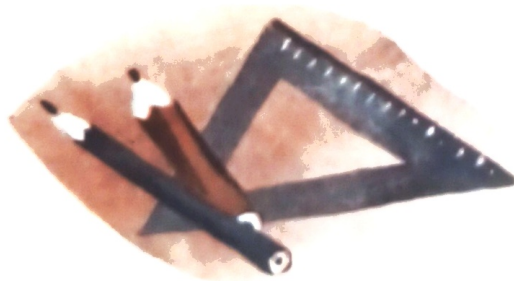
Я б сейчас, например,
Просто так порешал бы пример.
И припомнил бы парочку правил,
Просто так,

чтобы ум не заржавел.
В лес пошли мы вчера за грибами,
Вспомнил:

надо же делать гербарий!

А соседской дошкольнице Лизке
Я стишок прочитал по-английски.
Петька дразнится: «Бедненький дачник!
Принесите ребенку задачник!
Завалите его на контрольной,
Он тогда будет очень довольный!»
Я и сам понимаю: нелепо.
Что бы делал я, если б не лето?!
Так хотел нагуляться на воле!

А теперь вот
скачаю по школе...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие С. Сахарнова. Рис. Л. Московского	3
---	---

Первая четверть — осень

Собираю портфель. Стихи В. Ледкова. Пер. с ненецкого В. Аушева. Рис. К. Претро	6
Расписание первой четверти. Рис. Л. Московского	8
Самое важное. Очерк Б. Алмазова. Рис. О. Филиппенко	9
Как село получило имя. Очерк Б. Никольского. Рис. В. Орлова	13
«Тетрадный белый лист. . .». Стихи А. Крестинского. Рис. К. Претро	16
Морская газета. Рис. Р. Попова	17
Переменка. Рис. М. Беломлинского	20
Большой сбор у «Барабана». Рис. Л. Каминского	22
Подкова на счастье. Рассказ А. Сахарова. Рис. Л. Московского	25
Наш КИД. Рис. А. Орлова	28
Рядом с Тимуром. Очерк Г. Черкашина. Рис. В. Топкова	31
Единица. Рассказ Н. Федорова. Рис. В. Топкова	35
Урок биологии, или «Зеленые страницы». Рис. О. Филиппенко	39
Еж. Стихи Н. Слепаковой. Рис. О. Филиппенко	41
Домашние задания — веселые и забавные. Рис. Ю. Бочкарева	42

Вторая четверть — зима

Первый снег Стихи А. Крестинского. Рис. О. Филиппенко	44
Расписание второй четверти. Рис. Л. Московского	46
Уэленские дипломы. Очерк В. Воскобойникова. Рис. М. Беломлинского	47
Дальние станции. Стихи Вольта Суслова. Рис. К. Претро	53
Наш КИД. Рис. А. Орлова	54
Пуговица. Рассказ Н. Федорова. Рис. Л. Московского	58
Переменка. Рис. М. Беломлинского	60
Урок биологии, или «Зеленые страницы». Рис. В. Филиппенко	61
Большой сбор у «Барабана». Рис. Л. Каминского	64
История одного поиска. Репортаж В. Того	65
Никто не забыт и ничто не забыто. Стихи Саши Шамарина	79
Морская газета. Рис. Р. Попова	80
Письмо, написанное после уроков. Рис. А. Курушина	83
Конница. Стихи Игоря Чемермазова	85
Новогодняя елка. Рассказ А. Сахарова. Рис. Ю. Шабанова	86
Переменка. Рис. М. Беломлинского	88
Задача. Стихи А. Кушнера. Рис. М. Беломлинского	88
Домашние задания — веселые и забавные. Рис. Ю. Бочкарева	89

Третья четверть — зима

Зимний Ленинград. Стихи Лены Бодровой. Рис. К. Претро	90
Расписание третьей четверти. Рис. Л. Московского	92
Все хотят таких шефов. Очерк Б. Никольского. Рис. В. Топкова	93
Что сыграл я в драмкружке. Стихи В. Фетисова. Рис. О. Филиппенко	99

Про следопыта Домоседова. Фельетон Вольта Суслова	100
Что такое перемены. Стихи Н. Слепаковой	101
Переменка. Рис. М. Беломлинского	102
Урок биологии, или «Зеленые страницы». Рис. О. Филиппенко	104
Рекордсмены. Рассказ Н. Федорова. Рис. Ю. Бочкарева	106
Большой сбор у «Барабана». Рис. Л. Каминского	109
Товарищ Саркис и его отряд. Очерк В. Арро. Рис. Ю. Бочкарева	112
Морская газета. Рис. Р. Попова	117
Театр юных сорванцов. Очерк А. Крестинского. Рис. А. Слепкова	120
Письмо, написанное после уроков. Рис. А. Курушина	124
Плотник. Стихи Роберта Хамдиева. Рис. К. Претро	126
Черные ящики на снегу. Рассказ А. Крестинского. Рис. А. Слепкова	127
Рябина. Стихи Гали Халявко	128
Домашние задания — веселые и забавные. Рис. Ю. Бочкарева	129

Четвертая четверть — весна

Ледоход. Стихи Вити Еременко. Рис. Т. Соловьевой	130
Расписание четвертой четверти. Рис. Л. Московского	132
Зайцемобиль. Рассказ Юрия Дружникова. Рис. В. Топкова	133
Большой сбор у «Барабана». Рис. Л. Каминского	138
Билиболах. Фельетон Вольта Суслова. Рис. В. Топкова	141
Урок биологии, или «Зеленые страницы». Рис. О. Филиппенко	144
Жестокость. Стихи Саши Ошлакова. Рис. О. Филиппенко	146
Наш КИД. Рис. А. Орлова	147
Переменка. Рис. М. Беломлинского	149
Разговор через океан. Репортаж Вольта Суслова. Рис. Ю. Бочкарева	150
Морская газета. Рис. Р. Попова	152
Письмо, написанное после уроков. Рис. А. Курушина	154
Что такое уметь? Очерк Валерия Суслова. Рис. А. Курушина	156
Экзамены в каменном веке. Рис. Л. Каминского	158
Домашние задания — веселые и забавные. Рис. Ю. Бочкарева	160

Трудовая четверть — лето

На путине. Стихи В. Ледкова. Пер.с ненецкого В. Аушева. Рис. К. Претро	162
Расписание трудовой четверти. Рис. Л. Московского	164
Праздник Нептуна. Рассказ А. Сахарова. Рис. А. Слепкова	165
Костры Дружбы. Очерк О. Орлова. Рис. Ю. Бочкарева	166
За хлеб. Репортаж Б. Алмазова. Рис. Ю. Шабанова	168
Лагерная линейка у «Барабана». Рис. Л. Каминского	174
Зарница. Очерк Я. Длуголенского. Рис. А. Орлова	177
Мой дедушка. Стихи Тани Едемской. Рис. К. Претро	182
«Морская газета» в походе. Рис. Р. Попова	183
Землянка. Стихи Алеши Панова. Рис. В. Орлова	185
Две горсти земли. Очерк В. Того	186
Бабушка партизанка. Стихи М. Борисовой	197
Урок биологии в лесу. Рис. О. Филиппенко	198
Чертаков. Рассказ Володи Палагутина. Рис. А. Слепкова	202
Соскучился по школе. Стихи М. Борисовой. Рис. О. Филиппенко	204

Дорогие ребята!

**Все, кто работали над этой книгой,
хотят узнать, понравилось ли вам ее
содержание и оформление.**

**Пишите нам по адресу:
Ленинград, 192187, наб. Кутузова, д. 6,
Дом детской книги.**

ДЛЯ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

У КОСТРА

Составитель
Олег Петрович Орлов

Ответственный редактор
О. В. Москалёва.
Художественный редактор
А. В. Карпов.

Технические редакторы
Т. Д. Раткевичи и Т. С. Тихомирова.
Корректоры
Л. Л. Бубнова и В. Г. Шишкина.

ИБ 1467

Сдано в набор 17/V 1977 г. Подписано к печати 29/XI 1977 г. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 13. Усл. печ. л. 16,9. Уч.-изд. л. 14,99. Тираж 100 000 экз. М-26852. Заказ № 381. Цена 80 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

У КОСТРА. Рассказы, очерки, стихи. Составитель
У 11 О. Орлов. Оформление Л. Московского. Л., «Дет.
лит.», 1977.

207 с. с ил.

Сборник рассказов, очерков, стихов о жизни пионеров. В книге, как в школьном году, четыре учебных четверти и пятая — трудовая, летняя. Вот почему в ней много писем, рассказов, заметок, написанных в пионерской комнате, на перемене, в классе, в лагерной палатке, у костра.

Р С